

**САРОВСКИЙ ФИЗИКО-ТЕХНИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ – ФИЛИАЛ
ФЕДЕРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АВТОНОМНОГО
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ ВЫСШЕГО
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
НИЯУ МИФИ**

Гуманитарный факультет

Кафедра философии и истории

А.П. Скрипник

**КУЛЬТУРОЛОГИЯ.
Часть 1. Теория культуры**

Учебное пособие

**Утверждено:
на заседании кафедры философии и истории
«04» 09. 2014 г.
Научно-методическим Советом СарФТИ
«11» 09. 2014 г.**

Саров 2014

Содержание

Тема 1. Предмет культурологии

1. Понятие культурологии. Происхождение терминов «культура» и «цивилизация»
2. Основные подходы к определению культуры
3. Сущность культуры, ее свойства и функции

Тема 2. Структура и происхождение культуры.

1. Формы культуры
2. Уровни культуры
3. Проблема происхождения культуры

Тема 3. Универсалии культуры

1. Пространство в культуре
2. Время
3. Число
4. Причинность
5. Собственность
6. Классификация
7. Оценочные универсалии культуры

Тема 4. Язык и культура.

1. Происхождение языка
2. Строение и сущность языка
3. Язык и мышление
4. Язык и письменность
5. Влияние языка на другие формы культуры

Тема 5. Внутренняя цивилизация

1. Социальная структура, этос и нравственность
2. Культурная роль государства; политическая культура
3. Право в системе культуры

Тема 6. Серьезные и игровые аспекты культуры.

1. Культурное значение труда
2. Физическая и бытовая культура
3. Религиозно-мифологические корни культуры
4. Культура и игра

Тема 7. Художественная культура

1. Место искусства в системе культуры
2. Происхождение искусства
3. Классификация искусств

Тема 8. Познавательная культура

1. Сущность философии, ее социокультурные корни
2. Обособление философии и частных наук
3. Культурная роль науки
4. Наука и образование

ТЕМА 1. Предмет культурологии

1. Понятие культурологии. Происхождение терминов «культура» и «цивилизация»

Культурология как особая наука о культуре появилась во второй половине XIX века почти одновременно в ряде европейских стран. Называли ее по-разному: в Великобритании и США – культурной антропологией, в Германии – философией культуры, во Франции – социологией культуры.

Некоторые ученые считали и продолжают считать, что должно быть несколько наук о культуре: история, этика, искусствоведение, религиоведение, лингвистика и т.д., потому что культура складывается из разных систем и не может быть сведена к единству. Их не менее многочисленные противники усматривают единство в многообразии культурных форм и полагают, что для его выявления необходима особая наука. Термин «культурология» для обозначения такой науки предложил американский учёный Элвин Лесли Уайт (1900-1975) в книге «Наука о культуре» (1949), образовав его из латинского слова «cultura» («возделывание», «обработка») и греческого «λόγος» («слово», «учение»).

Предмет изучения культурологии – культура в целом. Ее главные темы:

- сущность и строение культуры,
- виды и формы культуры,
- ее происхождение и историческое развитие,
- роль различных культурных институтов в современном обществе и т.д.

Двумя основными составными частями культурологии являются:

- *теория культуры,*
- *история культуры.*

Первая изучает культуру как систему, представленную во всяком обществе. Вторая обращает внимание на те неповторимые черты и формы, которые принимают конкретные культурные организмы, развиваясь во времени и взаимодействуя друг с другом. Теория культуры без истории не возможна. Нельзя понять, что такое культура, если останется неизвестным, как она развивалась во времени. Даже своя собственная культура может быть вполне осознана только тогда, когда есть возможность сопоставить ее с другими культурами.

Изучение культурологии – это один из путей приобщения к культуре. Оно позволяет увидеть различные культурные феномены в связи друг с другом, а значит – полнее и глубже понять их. Любой культурный продукт – будь то картина, религиозный обряд, научная теория и т.п. – существует не изолированно от множества других культурных продуктов, а в единстве с ними. Постичь его подлинную суть можно только через постепенное, кропотливое выяснение всех реальных зависимостей и влияний.

Долгое время культура вообще не осознавалась как целое, так как в древних языках не было одного слова для ее обозначения. У греков, например, то, что впоследствии стали называть словом «культура», именовалось, по меньшей мере, тремя разными словами:

- 1) *θεραπεία* – «служение», «уход», «забота»;
- 2) *παιδεία* – «воспитание», «образование», «обучение»;
- 3) *πολιτεία* – «гражданство», «государственность», т.е. жизнь в полисе, обща с другими людьми.

Термин «культура» ввёл в научный оборот в 45 г. до н. э. римский философ Марк Туллий Цицерон (106-43). Видный политик и оратор он был, как противник принцепса Юлия Цезаря, отстранен от государственной деятельности и на своей вилле в Тускулане занялся философией с друзьями и учениками. Во время одной из тускуланских бесед и было произнесено слово, из которого впоследствии выросла целая наука.

Слово «cultura» употреблялось римлянами и до Цицерона в смысле возделывания земли и обработки почвы. В этом смысле оно противопоставлялось слову «natura». «Натура», или природа - это то, что вырастает из земли само по себе, «культура» - то, что выращено человеком. Заслуга Цицерона в том, что он первым применил это понятие по отношению к самому человеку. В

«Тускуланских беседах» он выдвинул идею о том, что человека тоже надо возделывать, обрабатывать. Человеческая душа без предварительного возделывания не может давать обильных урожаев добродетели. **Культура души** («cultura animi»)– это философия. Она выпалывает пороки, готовит душу к приятию добрых семян. В исходном своём значении культура противопоставлялась природе, или натуре.

В Западной Европе термин «культура» появился только в XVII в. Немецкий правовед Самуэль Пуфендорф в книге «О натуральном праве и праве народов» (1688) различает культуру и естественное состояние, в котором находятся дети, выросшие вне общества. В культуру включаются все изобретения, используемые людьми: одежда, язык, обычаи, искусства, организация гражданского общества. «Культура души», по Пуфендорфу, состоит в подчинении душевных стремлений принципам справедливого разума.

Широкое распространение понятие «культура» получило в XVIII в., благодаря стараниям немецкого просветителя Иоганна Готфрида Гердера (1744-1803). По его афористическому замечанию, **человек рождается дважды**. После первого, естественного, рождения он еще не становится человеком в полном смысле слова. Собственно человеческие качества приобретает во всей последующей жизни. Специфическая черта людей “состоит как раз в том, что мы рождаемся почти лишенные даже инстинктов, и только благодаря продолжающемуся всю жизнь упражнению становимся людьми”¹. Второе рождение можно сравнить либо с возделыванием почвы (культурой), либо со светом (просвещением)².

Позднее к термину «культура» добавился другой, родственный ему по смыслу термин «цивилизация». Он появился во Франции в пятидесятые годы XVIII в. Употреблять его как научное понятие первым стал маркиз Виктор-Рикетти де Мирабо. Этот термин восходит к латинскому «civilitas», которое приобрело особый смысл с XVI в., когда знаменитый гуманист Эразм Роттердамский опубликовал небольшую книжку «De civilitate morum puerillum» («О приличии детских нравов», 1532). Слово «civilitas» («приличие») образовано от «civilis» - «относящийся к городу или государству». Римское «civitas» было переводом греческого слова «πόλις» и противопоставлялось варварской жизни людей, не знающих ни городов, ни государств. Эразм Роттердамский отличал нравы благородных детей от крестьянских, которые растут наедине с природой и не считаются с теми ограничениями, которые налагает на человека жизнь в обществе. «Приличие», стало быть, это то, чему следует человек в общении с другими. Для Мирабо-старшего, автора книги «Друг народа, или Трактат о народонаселении» (1756) цивилизация – это не только городская жизнь, распространение знаний, смягчение нравов, вежливость и благоприличие, но, самое главное, добродетель, положительные нравственные качества человека. Лет через двадцать после первого употребления термин становится общераспространенным и выходит за пределы Франции. В 1784 г. выдающийся немецкий философ Иммануил Кант в трактате «Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане» ставит вопрос о различии культуры и цивилизации. “Благодаря искусству и науке, - отмечает он, - мы достигли высокой ступени культуры. Мы чересчур цивилизованы в смысле всякой учтивости и вежливости в отношении друг к другу. Но нам еще много не достаёт, чтобы считать нас нравственно совершенными. В самом деле, идея моральности относится к культуре; однако применение этой идеи, которое сводится только к подобию нравственного в любви и чести и во внешней пристойности, составляет лишь цивилизацию”³. Главное отличие цивилизации от культуры, по Канту, это отличие внешнего, выставяемого напоказ от внутреннего совершенствования образа мыслей.

2. Основные подходы к определению культуры

Одна из задач культурологии: определение понятия культуры. В современной науке существует порядка 500 различных определений культуры, но их многообразие можно свести к трём основным подходам: *социологическому, семиотическому и аксиологическому*.

¹ Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. М.: Наука, 1977. С.229

² Там же. С. 230

³ Кант И. Метафизические начала естествознания. М.: Мысль, 1999. С. 950

1. Социологический подход к определению культуры развивался такими исследователями как Эмиль Дюркгейм (1858-1917), Эдвард Тайлор (1832-1917), Талкотт Парсонс (1902-1979) и мн. др. Культура понимается как продукт общества и совокупность средств, используемых человеком для приспособления к нему. Она “слагается в своем целом из знания, верований, искусства, нравственности, законов, обычаев и некоторых других способностей и привычек, усвоенных человеком как членом общества”⁴. Этот подход ориентирует на то, что сущность культуры *социальна*. Культурные свойства человек приобретает только в обществе, благодаря обществу и ради жизни в нем. Иными словами, культура возникает в общении между людьми и для того, чтобы сделать возможным и плодотворным такое общение. В этом смысле культурным является то и только то, что данный индивид получает от других (а не от рождения, не по своей биологической природе), и то, что он может передать другим. Важнейшими средствами распространения и сохранения культуры выступают поэтому *традиция* и *научение*, т.е. передача и прием информации от одних людей к другим. Быть культурным значит вести себя с учетом того, что существуют другие лица и общественные учреждения, которые налагают на меня известные ограничения. Как отмечал немецкий социолог Норберт Элиас (1897-1990), в связи с дифференциацией социальных функций, “для того, чтобы каждое отдельное действие могло выполнить свою общественную функцию, поведение все большего числа людей должно было во все большей мере соотноситься с поведением всех прочих, а сеть действий должна была подчиняться все более точным и строгим правилам организации. Индивид принуждается ко все более дифференцированному, равномерному и стабильному регулированию своего поведения”⁵. Культура или цивилизация и представляет собой организованную совокупность средств такого регулирования. По Т. Парсонсу, культура является средством, которым каждое общество поддерживает свое специфическое качество в образе действия отдельных членов.

2. Семиотический подход представляют Эрнст Кассирер (1874-1945), Лесли Уайт, Карл Густав Юнг (1875-1961), французские структуралисты и «постструктуралисты» Клод Леви-Стросс (1908), Мишель Фуко (1920-1984), Жак Лакан (1901-1981) и др. Центральным понятием в этом подходе является понятие «знак» или «символ». По Э.Л. Уайту, культура – это организация феноменов: *действий* (образцов поведения), *предметов* (инструментов и вещей, изготавливаемых с помощью инструментов), *идей* (верований, знаний) и *чувств* (установок, ценностей), – которая зависит от употребления символов.

Культура понимается как мир знаков и символов, а способность производить и использовать знаки объявляется главным свойством человека. По Кассиреру, человек есть «animal symbolicum» («символизирующее животное»). Поведение обычных животных определяется двумя системами:

- *рецепторами*, которые *принимают* сигналы из внешнего мира;
- *эффекторами*, которые организуют *действия* в ответ на эти сигналы.

У человека между этими двумя системами встраивается третья – система знаков и символов. Ж. Лакан понимает культуру как результат и средство взаимосвязи трех пластов человеческого бытия: реального, воображаемого и символического.

3. Название аксиологического подхода образовано от греч. αξιος «уважаемый», «достойный», «ценный» (из этого прилагательного возникло существительное αξιωμα, которое означает, во-первых, достоинство, почет, уважение; во-вторых, положение, не требующее доказательства).

Для этого подхода главным в культуре является отношение к ценностям. Одну из наиболее распространенных версий аксиологического подхода дал Генрих Риккерт: Культура - это “совокупность объектов, связанных с общезначимыми ценностями и лелеемых ради этих ценностей”⁶. Всякое явление культуры есть воплощение какой-либо признаваемой людьми ценности, т.е. благо. Сами ценности не обладают бытием, но оказывают воздействие на человека.

⁴ Тайлор Э.Б. Первобытная культура. М.: Политиздат, 1989. С. 18

⁵ Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. Т.2. М.-СПб.: Университетская книга, 2001. С. 240

⁶ Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М.: Республика, 1998. С. 59

Основными ценностями выступают: красота, истина, всеединство, свобода, эрос (половая любовь, связывающая мужчину и женщину), агапе (божественная любовь - чувство, которое люди испытывают к Богу). Деятельность людей по осуществлению и сохранению этих ценностей и есть культура.

Перечисленные подходы можно рассматривать как дополняющие друг друга. Их различие связано с акцентированием разных сторон и свойств культуры. Первый подход подчеркивает то, что культура закладывается обществом, а не вырастает естественно из индивидуальных свойств человека. Второй указывает на то, что информационной основой человеческой жизни являются знаки и символы, а не прямые данные чувств. Третий отмечает, что поведением людей руководят не органические влечения, а духовные ценности.

В культурологии представлены и альтернативные подходы к определению культуры. Одни авторы, например, считают культурное органичным продолжением и развитием естественного, т.е. не допускают резкого противопоставления природы и культуры. Другие, наоборот, полагают, что культура основана главным образом на подавлении естественных влечений, а общество в конечном счете враждебно человеческому индивиду. Первые не видят тех принципиальных различий, которые внесены в человеческое поведение использованием знаков и символов; стирают существенную грань между человеком и животным. Вторые игнорируют то обстоятельство, что культура не столько обуздывает человека, сколько совершенствует его природные возможности. Истина располагается между этими двумя полюсами. Культура представляет собой не просто отрицание природы, а возвышение ее, в котором отрицание играет роль частного, подчиненного момента.

3. Сущность культуры, ее свойства и функции

Сущность культуры выражается через совокупность ее свойств. Наиболее существенными свойствами культуры является то, что она

- а) возникает только в человеческом обществе и только в реальном взаимодействии (*диалоге*) людей;
- б) имеет *знаково-символический* характер, опирается на язык как самую совершенную знаковую систему;
- в) обладает *кумулятивным* характером, т.е. накапливается, передаваясь из поколения в поколение;
- г) обеспечивает приемлемые для общества *образцы* удовлетворения жизненных потребностей;
- д) является *базисной детерминантой личности*.

Социальность культуры состоит в том, что она формируется в отдельном человеке как ответ на существование других людей. Ни один вид животных не создал собственной культуры. Жизнь животных, как и жизнь растений не выходит за рамки биологических закономерностей. Да и человек как чисто биологическое существо, оказавшись по каким-либо причинам вне общества (например, когда он вскормлен волчицей или какой-то иной животной самкой) собственными усилиями выработать культуру не может. Люди становятся культурными только будучи включенными в систему социальных связей.

Знаковость культуры проявляется в своеобразном удвоении окружающего мира. Всякая вещь и всякое действие (даже простое издавание звуков) благодаря культуре приобретают двоякое значение: с одной стороны, в них дан материальный состав, с другой - нечто выходящее за пределы этого состава, какой-то клубок или сгусток связей между людьми. Жест, слово, орудие – это не просто совокупность каких-то материальных элементов и свойств, но и призыв к другому человеку вести себя определенным образом. Превращение предмета или действия в знак способствует установлению соответствия между связями вещей и связями людей, между природой и обществом.

Знак (лат. *signum*, греч. *σημεῖον*) – это чувственно воспринимаемый предмет, действие или изображение, которое служит для обозначения других предметов или явлений. Всякий знак

предполагает **означаемое** и **означающее**. Если взять, например, первую букву русского алфавита как знак, то ее графическое изображение – «А» будет означающим, а соответствующий звук – означаемым. Знаки употребляются для приобретения, хранения, переработки и передачи информации.

Существует несколько разновидностей знаков: знаки в собственном смысле, признаки (приметы), сигналы, иконические знаки, аллегории, схемы и символы. *Знак в собственном смысле* характеризуется тем, что связь между означающим и означаемым носит произвольный характер и не предполагает сходства между ними. Примером может служить математический знак умножения - \times . В *признаке* означающее и означаемое связаны естественным образом, сходство между ними совершенно не обязательно. Покраснение лица является признаком чувства стыда, а поседевшие волосы – старости. В *сигналах*, к которым принадлежит, например, вой сирены или звонок в учебном заведении, означаемым являются определенного рода действия, предписанные тому, кто их получает; связь же будет произвольной и не предполагающей сходства. *Иконические знаки* устанавливают связь означающего и означаемого произвольно, но обязательно основывают ее на сходстве. Если на некоей двери изображена просто буква «Ж», это будет знак в собственном смысле, если женская фигурка – иконический знак. Иконические знаки легче понимаются теми, кому не известно их значение. Но какой-то уровень компетенции здесь необходим. Совершенно несведущий человек может понять названный знак как указание на место, где в распоряжение желающих предоставляются женщины. *Аллегии* (греч. « $\alpha\lambda\lambda\eta\gamma\omicron\rho\leftrightarrow\alpha$ » - «иносказание») – это как бы «знак в квадрате», который передает свое означаемое с помощью других знаков, т.е. использует для передачи информации не прямой, а окольные пути. В ней нет сходства между означающим и означаемым, нет и естественной связи. Если образ лисицы используется как аллегория хитрости и т.п., то связь между означающим и означаемым устанавливается не прямо, а только через отдаленное сходство в повадках, общих способах поведения. Сложным знаком является *схема* или модель. Здесь в означающем воспроизводится формальная объекта, способы взаимоотношения его основных частей. Примером таких знаков могут служить географические карты, чертежи машин и сооружений и т.п.

Символы (от греч. $\sigma\upsilon\mu\beta\omicron\lambda\omicron\nu$ – «знак», «примета», «знамение») – это знаки своего рода, значение которых не может быть передано конечным числом других знаков. Сначала греки называли словом «символ» половинки разломанной надвое вещи, которыми обменивались граждане разных городов в знак установленной между ними дружбы. В этом смысле символ – это часть целого, указывающая на существование другой, оставшейся части. В дальнейшем так назывался особый предмет, выдаваемый членам афинского суда или народного собрания в качестве своеобразного опознавательного знака-пропуска. В современном научном обороте символ – знак, используемый для передачи сложного, непознанного и в принципе неисчерпаемого содержания. Человек пользуется символами для того, чтобы выразить глубинные связи между явлениями, которые он постигает интуитивно, но не может сформулировать явным образом. Символ – это видимое, которое употребляется для выражения невидимого, конечное – для того, что не имеет конца. Первоначальными символами, по мнению многих ученых, являются образы сновидений.

Во многих культурах существуют символы, которые объединяют в себе своеобразное содержание этих культур, их центральный организующий принцип. Наиболее известны из них:

крест - †,

звезда Давида - ✡,

свастика - ☸,

инь-ян - ☯,

полумесяц - ☾,

пятиконечная звезда - ★ и др.

Важнейшим элементом всякой знаковой системы выступает *код*. Французским словом «code», производным от латинского «codex», называют совокупность правил и ограничений, которым подчиняется использование знаков в данной системе. Простейшими кодами являются, например, фонетические и синтаксические правила в языке.

Кумулятивное свойство культуры вытекает из ее знаково-символического характера. Животные, даже самые развитые, чрезвычайно ограничены в передаче индивидуально приобретенных навыков поведения. Волчица или львица, играя со своим детенышем, конечно, обучает его некоторым приемам охоты. Но она делает это только до тех пор, пока он не станет способен охотиться самостоятельно. Кроме собственных действий у нее нет других способов передачи информации. Употребление знаков вместо реальных действий и вещей позволяет сохранить и передать несравненно большее количество информации. Во-первых, передача знаков возможна на протяжении всей жизни, а не только в период обучения. Во-вторых, открывается канал обратной связи: от младшего поколения к старшему. Исключительной кумулятивной силой обладают те знаки, которые относятся к классу символов. Использование их позволяет соединить уже усвоенные знаки в системы. Каждый новый символ представляет собой открытие ранее неизвестных связей между вещами, явлениями и людьми. Превысившая информация становится частным случаем, составной частью новой, более общей информации. Кумулятивное свойство дает культуре возможность развиваться прогрессивно.

Парадигмальность (образцовость) культуры проявляется в ее влиянии на способ удовлетворения жизненно важных потребностей человека. Органическую основу поведения животных и людей образуют влечения к нападению, бегству, пище и спариванию с существом противоположного пола. Искоренить эти влечения культура не может, по крайней мере, без нанесения существенного ущерба для жизни индивида или вида. Но она находит такие способы реализации влечений, которые наносят минимальный ущерб благополучию других людей. По отношению к третьему из названных влечений, например, она движется от запрета на каннибализм (людоедство) и других пищевых табу к детальным предписаниям застольного этикета, однозначно определяющим, в какой руке следует держать вилку, а какой нож. Культура может быть более или менее строгой в отношении различных влечений, но в рамки она их вводит всегда.

Наконец, *конструктивность* культуры состоит в том, что она создает каркас человеческой личности, а именно, более или менее целостную систему качеств. Жизнь человека определяется не только и не столько органическими влечениями, сколько *ценностными ориентациями*. Содержание ценностей и их соподчинение (приоритетность или второстепенность) устанавливается культурой. В основе личности лежит создаваемая культурой пирамида ценностей.

Свойства культуры раскрываются в ее функциях. Выполняя свои функции, она дает ответ на три взаимосвязанных вопроса:

1. Куда идти?
2. Что делать?
3. Каким быть?

Стало быть, существуют три основные культурные функции:

- 1) *ориентирующая* – та, которая определяет направление **движения** человека; искусственное структурирование пространства и времени – ее основной продукт;
- 2) *репродуктивно-творческая* – та, которая детерминирует содержание **действий** человека, его манипуляций с объектами; *мир вещей и знаков* – самый общий продукт этой функции;
- 3) *воспитательная* – определяющая внешний и внутренний **облик** человека; *мир людей* – ее главный продукт.

Будучи сложной системой, культура выполняет множество функций, которые внутренне антиномичны, т.е. направлены в противоположные стороны.

1. Подобно животным, люди обладают способностью перемещаться в *пространстве*. До всяких технических приспособлений и приручения животных они передвигаются с помощью собственных ног. В пространственном плане развитие культуры начинается с тропы или **дороги**. Дорога – это то, что способствует установлению прочных и постоянных связей между

удаленными участками пространства, а стало быть, и между людьми, живущими на разных территориях. Издавна культура концентрировалась вдоль дорог: на берегах великих рек и морском побережье, а в тропическом лесу, пустыне, белом безмолвии севера, где каждый шаг дается с трудом, царил культурный вакуум. Один из центральных символов культуры – крест – восходит, вероятно, к образу перекрестка дорог. Перекресток – тот участок пространства, в котором перед человеком открываются четыре различные возможности: идти вперед, свернуть направо или налево, возвратиться назад. Для человеческой жизни эти возможности имеют разное значение. Среди них есть лучшая и худшая. Поэтому культурное освоение пространства предполагает умение ориентироваться в нем. Термин «**ориентация**» образован от латинского слова «orient», которое обозначает «**восток**». Выбор именно этой стороны света едва ли является случайным. Для всех точек земного шара восток – это направление, откуда восходит солнце, что, кстати, выражено в самом слове: как в русском, так и в греческом (« φ ατολ→») и многих других.

От животных человек унаследовал двойственное отношение к пространству. С одной стороны, для него характерна тяга к перемене мест, к путешествиям и странствиям, кочевому образу жизни. Его манят неведомые **дали**, новые территории. От движения в даль и возникает само представление о пространстве. С другой стороны, у человека есть привязанность к одному определенному месту – к тому, где он появился на свет, которое, соответственно, является его **родиной**. Порою он готов защищать это место от посягательств соперника даже ценой собственной жизни. От кочевого образа жизни многие народы перешли к оседлому, предпочтя захвату новых земель обработку и обустройство той, что досталась по наследству от предков.

Культура дает возможность человеку ориентироваться не только в пространстве, но и во *времени*. Основной здесь выступает противоположность между **прошлым** и **будущим**. Острый интерес у многих людей вызывает не только то, что находится «там, за горизонтом», «за горами, за лесами», но и то, что ждет их завтра. Желание предусмотреть будущее – это один из самых мощных стимулов культурного развития. Но будущее скорее относится к плану небытия, чем бытия. Это то, чего еще нет. Поэтому способность предвидеть будущее напрямую связана со способностью сохранять в памяти информацию о прошлом. Сопоставляя то, что есть, с тем, что было, человек получает возможность узнать то, что будет. В этом заключена разгадка особого интереса традиционной культуры к прошлому и особой ценности мифов и преданий. Память о прошлом удерживает людей от действий, которые были бы для них разрушительными. Способность сохранять информацию о прошлом называется *исторической памятью*, способность предвидеть будущее – *прогнозированием*.

Символический характер культуры выразился в том, что прогнозирование в традиционном обществе приобрело форму *мантики* или *дивинации* (от греч. «μαντεία», лат. «divinatio» - «пророчество», «искусство прорицания»). Мантика основана на идее, что исход какого-либо сложного процесса с множеством составляющих можно определить некоторыми сравнительно простыми действиями типа бросания игральной кости или раскладывания игральных карт. Эти действия служат символами процесса, т.е. они связаны с ним некоей таинственной связью.

Сохранение памяти о прошлом и предвидение будущего составляют подвижное единство противоположностей. Культуры, которые ограничивались бы только одной из названных сторон, невозможны. Но акценты могут быть расставлены по-разному. В более древних традиционных культурах упор делался на сохранение прошлого, и потому такие культуры были очень консервативны, противодействовали новациям. В современной культуре акценты меняются, и дивинация отесняется на периферию научным прогнозированием, которое нацелено на учет всего комплекса факторов, определяющих направленность общественных процессов.

2. *Репродуктивно-творческая* функция культуры выражается в двух противоположных моментах:

- а) создании материальной предметности или второй природы – орудий, механизмов, сооружений;

б) изготовлении и использовании знаков, которые необходимы для общения между людьми. Посредством знаков человек подает весть о том, что «лежит у него на сердце» и каких действий он ожидает от других людей.

Деятельность по созданию материальной предметности называется *трудом* или *производством*. Этой деятельностью человек стремится заменить неконтролируемую природу контролируемым технологическим окружением. Но диалектическим дополнением к обработке вещей, приданию им удобной формы выступает творчество «по законам красоты», создание символа, в котором свойства материала соединяются с богатством души того, кто с этим материалом работает. Таким образом, наряду с производством возникает *художественное творчество*, или *искусство*. Суть его в создании эстетических *ценностей* – того, что радует и возвышает человеческую душу. Поскольку слово лежит ближе к знаку и символу, чем вещь, переход от труда к искусству раньше всего происходит в фольклоре, устном народном творчестве.

3. Важнейшей функцией культуры является *воспитательная, или гуманистическая*. Первое название этой функции основано на метафоре. Передача определенной информации от одних людей к другому уподобляется питанию, т.е. снабжению средствами, необходимыми для жизни. Второе название функции образовано от латинского слова “*humanis*” («человечный», «человеческий»), которое, по некоторым гипотезам в свою очередь восходит к слову “*humus*” (земля). Независимо от того существовала ли такая историческая связь или она искусственно изобретена под влиянием Ветхого Завета⁷, это название функции предполагает, что в своих самых существенных свойствах каждый человек является продуктом культуры, т.е. результатом *возделывания*. Стало быть, третья функция направлена на возделывание человеческого в человеке, которое опять-таки предполагает две противоположные стороны:

а) формирование определенного строя чувств, мыслей и действий через объединение людей в различные общности такие как семья, община, род, племя и т.п.

б) развитие неповторимой человеческой индивидуальности.

Та система в человеке, которая формируется на основе социальной принадлежности, называется латинским термином «*persona*» («маска»). В русский язык он вошел как «личина», а позднее «*личность*». Жизнь в обществе прививает индивиду способность считаться с потребностями других индивидов, составляющих это общество. Она накладывает на него целый ряд существенных ограничений и вместе с тем дает возможность пользоваться плодами усилий других людей. Структура личности определяется совокупностью ее обязанностей и прав, вытекающих из принадлежности к определенным общностям, из содержания различных социальных ролей.

За этими ролями, правами и обязанностями, глубже их лежит та сторона внутреннего мира человека, которая отличается уникальным индивидуальным своеобразием. Она называется «*Ego*» («*Я*» или «*самость*»). Глубинное *Я* выражается в чувстве *собственного достоинства* и способности к *самовоспитанию*. На этом уровне человек осознает свое несовершенство и одновременно ощущает в себе силу, способную преодолеть его, подняться над самим собою. Возможности, которые открываются каждому субъекту, представляют собой неповторимый узор из внешних обстоятельств и генетических предрасположенностей. Опасение не реализовать эти возможности, упустить их, бесполезно растратить собственные силы и составляет стержень человеческого *Я*.

Обе эти стороны в единстве ведут к совершенствованию человека, иными словами, от его принципиальной незавершенности к относительному завершению. В культуре, которая возникла на основе христианства, совершенствование человека понимается как *спасение* – освобождение от греха, изначальной испорченности. Особую значимость воспитательной функции культуры подчеркивал, например, французский поэт-символист Шарль Бодлер: “Истинную цивилизацию создают не газ, не пар, не вращающиеся столы. Ее создает постепенное избавление от печати

⁷ Имя прародительницы рода человеческого – Ева (Хава) переводится с древнееврейского как «земля», «глина»

первородного греха”. Подобно тому, как путь к предвидению будущего лежит через память о прошлом, спасение души и обретение подлинной индивидуальности предполагает в качестве начального условия включение в социальные связи.

Сущность культуры состоит в диалоге между человеком и миром, в открытии новых связей между вещами, душевными структурами и людьми. Возделывание человека – это развитие его связей с окружающей действительностью на основе формирования внутренних способностей и, наоборот, развитие внутреннего мира на основе освоения связей между объектами внешнего мира.

Литература

- Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000
- Генон Р. Символы священной науки. М.: Беловодье, 2002. С. 35-40
- Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. М.: Наука, 1977. С. 49-52, 77-91, 99-103, 107-115
- Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане// Метафизические начала естествознания. М.: Мысль, 1999. С.939-950
- Кох Р. Книга символов. М.: Золотой Век, 1995
- Лангер С. Философия в новом ключе. Исследование символики разума, ритуала и искусства. М.: Республика, 2000. С. 28-72
- Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М.: Республика, 1998. С. 54-59, 374-387
- Розов Н.С. Структура цивилизации и тенденции мирового развития. Новосибирск, 1992. С.6-78
- Тайлор Э.Б. Первобытная культура. М.: Политиздат, 1989. С. 5-17
- Фоли Дж. Энциклопедия знаков и символов. М.: Вече, 1997
- Цицерон М.Т. Тускуланские беседы// Избранные соч. Харьков: Фолио; М.: АСТ, 2000
- Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. Т.1. М.-СПб.: Университетская книга, 2001. С.59-108
- Юнг К.Г. Человек и его символы. М.: Серебряные нити, 1997

ТЕМА 2. Структура и происхождение культуры.

1. Формы культуры

В связи с тем, что культура выполняет разные функции, выделяются разные ее формы. Простейшее деление распределяет культуру на материальную и духовную. К **материальной** культуре относится все то, что входит во «вторую природу» и направлено на гармонизацию отношений с «первой природой» (инструменты, машины, фабрики, заводы, тренажеры, стадионы, спорткомплексы). Это мир вещей, которые человек создал своими руками для того, чтобы восполнить недостаток собственных органов и функций: орудия, которые увеличивают силу его рук, в том числе могут поражать на расстоянии; приспособления, позволяющие хранить пищу и делать ее более пригодной для усвоения. Материальную культуру иногда подразделяют на

- а) *культуру труда* (орудия труда и способы пользования ими);
- б) *бытовую культуру* (жилища, предметы мебели, посуда, одежда и обувь как средство защиты от холода и ранящих предметов);
- в) *физическую культуру* (разнообразные средства поддержания или восстановления телесного здоровья: снадобья, врачебные инструменты, спортивные снаряды).

К **духовной** культуре принадлежит то, что связано с возделыванием человека и формированием отношений между людьми (книги, музеи, памятники, религиозные

культы, произведения искусства, научные теории, нормы поведения, высшие человеческие чувства).

Разница между этими видами объективна, но относительна. Относительность связана с тем, что почти все материальные предметы могут служить символами, своеобразными сгустками энергии человеческого духа. Примитивный кремниевый нож для разделывания туши убитого животного, бесспорно, относится к материальной культуре и только к ней. Однако, на определенном этапе культурного развития в изготовлении ножей начинают учитываться соображения красоты. Кинжал, инкрустированный серебром, золотом или драгоценными камнями при всей своей материальности принадлежит, скорее, к произведениям искусства, чем к орудиям убийства, т.е. больше к духовной, чем к материальной культуре. Сторонний зритель видит в нем не угрозу для чьей-либо жизни, а воплощенное мастерство оружейника или высокий социальный статус обладателя. С другой стороны, относительность различия между духовной и материальной культурой проявляется и в том, что книги, например, по большей части принадлежат к духовной культуре, а типографские машины, с помощью которых они создаются, - к материальной. Чтение или писание книги производит на человека совершенно иное воздействие, чем ее печатание на станке. Можно создавать книгу как материальную вещь, но ее содержание будет при этом оставаться закрытым, не влияющим на внутренний мир типографского работника. Вещественная сторона продукта в таком случае разворачивается в отрыве от знаковой.

Некоторые учёные, в особенности немецкие, различают понятия *культуры* и *цивилизации*. Граница между ними приблизительно совпадает с границей между внутренним и внешним в человеческом поведении, глубинными качествами человека и его манерами, выставляемыми напоказ. К культуре относится то, что связано с религией и духовностью; к цивилизации – то, что связано с техникой и государством (*civilis* – гражданский, государственный). В Англии и Франции такому различию не придавалось существенного значения.

Наиболее распространённым является деление культуры на 3 формы. Немецкий культуролог Альфред Вебер в книге «Религия и культура» (1912), например, различает: 1) **внешнюю цивилизацию**, 2) **внутреннюю цивилизацию** и 3) **собственно культуру**.

В первую включаются материальные средства жизнеобеспечения (техника, технология, прикладные знания), совокупность которых составляют *артефакты* – искусственно изготовленные предметы. Вторая охватывает - то, что относится к общественным отношениям (государство, право, мораль). Отдельные предметы внутренней цивилизации называются *социофактами* – учреждениями, создаваемые обществом. Третья охватывает то, что нацелено на внутренний мир человека (мифологию, религию, философию и искусство). Предметы собственно культуры суть *ментифакты* – продукты человеческого ума или духа. Историческую особенность духовной культуры того или иного народа принято называть *ментальностью*, или *менталитетом*.

Многие другие авторы производят сходное деление культуры. Э.Л. Уайт, например, различает технологическую, социальную и идеологическую сферы, содержание которых примерно совпадает с веберовской классификацией. Этой классификацией мы будем пользоваться в дальнейшем как основополагающей. Исток и тайна культуры содержатся во внутренней цивилизации. Она возникает в отношениях между людьми как средство упорядоченного размещения их в пространстве и налаживания взаимодействий между ними. Внешняя цивилизация и собственно культура вырастают, с разных сторон, из тех средств, которые создаются внутренней цивилизацией для общения между людьми: из предметных и вербальных знаков. Движущей силой развития культуры является стремление сохранить или повысить свой социальный ранг (место в обществе. Совершенная социальная однородность – это конец всякой культуры.

2. Уровни культуры

То, что внешняя цивилизация является источником культуры, подтверждается в частности изначальной неоднородностью последней, вертикальной стратификацией, т.е. наличием в ней слоев и уровней. Культура способствует выстраиванию структуры общества, обеспечивает групповую принадлежность и переход из одной группы в другую, из низшей в высшую, иногда наоборот. В этой связи в ней различаются экзотерический и эзотерический уровни. Такое терминологическое различие идет от аристотелевской системы образования, что мы подробнее покажем в дальнейшем.

Экзотерическое (от греч. «εξω» – «вне», «снаружи», «по ту сторону») – это направленное вовне, открытое, общедоступное в культуре. **Эзотерическое** (от «εσω» – «внутри») – это, наоборот, направленное во внутрь, закрытое, доступное только для узкого круга избранных.

Лица, допущенные к эзотерическому уровню, называются «посвященные» или «мисты» (греч. «μυστικός» – «посвященный в таинства»). Такие лица имеют более высокий культурный и социальный статус. Лица, допущенные только к экзотерическому уровню, именуется в культурологии «профанами» (от греч. «πρῶτον→ς» – открытый, простой, доступный), и уже одна смысловая эволюция термина красноречиво свидетельствует о их статусе.

Переход с экзотерического на эзотерический уровень совершался через обряд посвящения, или *инициации* (от лат. «initio» – начало). Инициация считалась «вторым рождением», с которого *начинается* человек в собственном смысле. Она включала в себя целый комплекс ритуалов. По описанию этнолога А. ван Геннепа, классический обряд инициации предполагал три стадии: 1) *сепаративную*, на которой ребенка изолировали от связей с родителями, прежде всего, с матерью; 2) *лиминальную* – стадию перехода, внутреннего преобразования иницируемого субъекта; 3) *реинтегративную* – восстановление социальных связей, но уже на качественно ином уровне. Важнейший смысл обряда – установление значимых социальных различий внутри рода. Благодаря этому обряду, наряду с **горизонтальной дифференциацией** общества на кланы, секции, подсекции и т.п. вводится **вертикальная дифференциация** – деление на посвященных и непосвященных (профанов). Первые становятся людьми в полном смысле слова, имеющими право на сокровенную информацию и уважение; вторые остаются лишь «кандидатами в люди», отстраненными от активной общественной жизни.

Право на переход в высший разряд завоевывалось в испытаниях, подчас очень суровых. Помимо обязательного ритуального обрезания, удаления нескольких зубов или отрезания крайней фаланги мизинца, иницируемые юноши подвергались различным процедурам, в которых они должны были проявить стойкость, терпение, способность переносить физическую боль. В племени арунта ночью под оглушительный шум трещоток в лагере посвящаемых появляются «хирург» и его ассистент. Они хватают первую попавшуюся под руку жертву, укладывают на щит и кремниевым ножом производят операцию. После особо стойких поощряют: «Ты вел себя хорошо – ты не кричал». Трусливых высмеивают. Иницированных некоторое время заставляют питаться только кровью старших мужчин – ближайших родственников по материнской линии. У австралийских аборигенов, например, самым трудным было испытание огнем. Юноши обязаны были лежать неподвижно, пока не сгорит вся сухая трава, которой они были прикрыты. Иногда посвящаемых подростков подвешивали за ребра на крючья на несколько часов. Умственные возможности посвящаемых испытывались с помощью словесных загадок. Разгадать загадку значило показать умение видеть скрытое, доступное только избранным значение вещей.

Как резюмирует Р. Кайуа, «инициация делает из неофитов настоящих мужчин. Обрезание придает завершенность их фаллосу. Вся церемония в целом сообщает им различные мужские добродетели, такие как отвага, непобедимость, а также

справедливость и производительная сила”⁸. Обряды посвящения обеспечивают воспроизведение общества и его устоев.

Инициации девушек обычно не придавалось такого большого значения, и она производилась по упрощенной схеме. Центральным обрядом чаще всего была ритуальная дефлорация, производимая наиболее уважаемыми представителями племени: вождями, шаманами и т.п.; но у африканского народа сари в качестве дополнительного испытания служила коллективная трапеза, где единственным блюдом была похлебка, приготовленная из собачьего мяса, кусочков кожи крокодила, человеческих волос и листьев галлюциногенного растения.

Конкретный рисунок посвящения у разных народов неповторим, но основные фазы, выделенные Ван Геннепом, присутствуют всегда. Кроме того, лицо, не выдержавшее испытаний, во всех случаях становилось объектом коллективных насмешек и издевательств, лишалось права вступать в брак и пользоваться другими привилегиями взрослого человека. Значение инициации заключено в подчеркивании того, что человечность не является статусом, данным от рождения. Она обретается в соединении двух встречных движений: *общественного*, состоящего в наделении данного индивида определенной ценностью, и *личного*, которое выражается в демонстрации требуемых качеств. В целом обряд инициации символизировал преобразование человека и в значительной способствовал усилению символического содержания культуры. Он указывал на первоначальную незавершенность человека и необходимость искусственного культивирования важнейших человеческих качеств и способностей. Само наличие тайны, информации, намеренно скрываемой от какой-то части членов общества создавало эффект глубины, убеждение в том, что у обычных вещей и явлений есть загадочная, неведомая мне сторона, которая раскроется, если я успешно пройду необходимые испытания. Такой эффект не терял своего влияния и на тех, кто уже прошел инициацию, на посвященных. У них происходило простое отодвигание горизонта: за тем, что им стало известным, они предполагали существование еще более значительной тайны. Таким образом формировалась перспектива бесконечного самосовершенствования: скачкообразного перехода от одного горизонта к другому. Неведомое приобретало черты священного – того, что наделено таинственной силой, одновременно притягательной и угрожающей.

Различие экзотерического и эзотерического проявляются также в существовании тайных обществ, куда принимают только на определенных условиях. У аборигенов Австралии существовали закрытые мужские и женские союзы. В Океании действовало эротическое общество ареев с семью ступенями посвящения. В Африке (Сьерра-Леоне, Либерия) и по сей день тайные общества «Пантера», «Леопард» и др. терроризируют местное население бессудными расправами над неугодными людьми. Участники расправы как бы перевоплощаются в зверей: надевают шкуры, привязывают когти из ножей или крючьев, вешают хвосты-цепи. Жертве перебивают позвоночник, а потом рвут ее на части когтями и зубами. Деятельность подобных обществ подпитывает убеждение в том, что миром управляют невидимые грозные силы. Формируется особый душевный склад, которому свойственно интуитивно чувствовать за каждым явлением природы или общественной жизни руку могущественного режиссера, который преследует какие-то одному ему известные и понятные цели. В эмоциональной палитре такого душевного склада преобладают мистический страх и жгучее желание приобщиться к тайне, принять более активное участие в ходе событий.

С развитием культуры деятельность тайных обществ оттесняется на периферию общественной жизни, а обряды инициации приобретают преимущественно игровой, театрализованный характер, становятся зрелищами, направленными на подкрепление определенных чувств. Таковы воинская присяга и некоторые другие сходные светские ритуалы. Тем не менее, в различных социальных нишах сохраняют активность альтернативные по отношению к государству и официальной церкви организации.

⁸ Кайуа Р. Миф и человек. Человек и сакральное. М.: ОГИ, 2003. С. 230

В цивилизованных странах самыми распространенными эзотерическими организациями являются *мафия* и *масонство*. В этих структурах обряд посвящения сохраняет всю свою серьезность и приобретает особую изощренность. Сицилийская мафия возникла еще в эпоху средневековья для защиты местного населения от иноземных завоевателей: сарацинов, нормандцев, испанцев. В дальнейшем она использовалась для закулисного вмешательства в политическую и экономическую жизнь. В масонстве на передний план выдвигается скрытое регулирование духовной жизни. Навязчивый страх перед эзотерической властью является причиной того, что в определенных социальных кругах роль тайных обществ представляется сильно преувеличенной. На этом фоне возникают и искусственно подпитываются идеи «мирового жидо-масонского заговора» и т.п.

В современном обществе на передний план выходит различие между элитарной и массовой культурой. Духовная элита в лице научной и художественной интеллигенции объективно оказывается в положении, закрытом для других социальных слоев.

3. Проблема происхождения культуры

Культура возникает только в человеческом обществе на определенной стадии развития. Ни один из животных видов не располагает культурой в собственном смысле, но в поведении высокоразвитых животных есть зачатки культуры. К ним относятся: 1) иерархическая (ранговая) и территориальная организация животных сообществ, 2) звуковые сигналы и жесты как зачатки языка и символика, 3) различные формы игрового поведения (ухаживание, брачные игры и т.п.), 4) искусственные сооружения (муравейники, термитники, гнезда, «плотины» бобров) и элементарные формы орудийной деятельности, манипуляций с предметами.

1. Животное доминирование было впервые описано зоопсихологом Т. Шьельдерупом-Эббе на примере домашних кур, почему и названо «peck order» («порядок клевания»). В животном сообществе складывается ранговая структура позиций, которая определяет порядок доступа к ограниченному ресурсу: пище, подходящему участку, половому партнеру. Возникая первоначально в конфликтных ситуациях, эта структура постепенно закрепляется и становится не ситуативной, а относительно стабильной. В завершённом виде она носит линейный характер. Особи, прежде всего, самцы ранжируются в зависимости от качеств. Ранг принято обозначать буквами греческого алфавита « α », « β », « γ » и т.д. Определение ранга осуществляется посредством особой формы агона – *ритуальных поединков*. Решающую роль играют физическая сила, ловкость; у самых высокоразвитых животных – способность предвидеть ход будущих событий, открывать новые значения вещей и неявные связи между ними. Впечатляющий пример подобной карьеры описала английская исследовательница поведения обезьян Джейн Гудолл. Шимпанзе Майк сумел завоевать и поддерживать в течение нескольких лет статус « α -самца» благодаря тому, что нашел пустые металлические канистры и ввергал в панический ужас своих соперников, время от времени, в случае надобности производя ими оглушительный грохот.

Ранговая структура оказывает существенное влияние на многие формы общественного поведения. В частности она определяет характер коммуникации. При обмене «приветствиями» подчиненный самец ведет себя иначе, нежели доминирующий: своими позами демонстрирует пассивность и приниженность. Подражание обычно направлено на особей высших рангов, те же почти никогда не обращают внимания на нижестоящих. В кооперативных действиях доминирующие особи направляют действия подчиненных, используя угрозы и наказания. Кооперация может быть использована животными для того, чтобы повысить свой ранг. Проявляя постоянную угодливость по отношению к « α -самцу», « γ -самец», например, может нейтрализовать свое подчиненное положение перед « β -самцом». **Благодаря доминированию в наиболее развитых его формах вся структура животного сообщества представлена в психике каждого его члена.**

Структура среды обитания представлена в психике животных через механизм *территориальности*. Пространство животных популяций не *изотропно*. В нем различаются «свои» и «чужие» участки. На своей территории особь пользуется первенством доступа к ресурсам. В более резких формах этот механизм обнаруживается в стремлении защищать свою территорию от внешних вторжений. Этолог К. Лоренц описал поведение нильского гуся, который вдали от собственного гнезда «без всяких комплексов» может спариться с посторонней и малознакомой ему гусыней. Но если потом она будет иметь неосторожность сблизиться с ним возле его гнезда, где сидит на яйцах его «законная супруга», т.е. на его территории, эта попытка будет пресечена самым решительным образом. Положение в пространстве, таким образом, влияет на действие сил притяжения и отталкивания, но только в пропорции, обратной по отношению к той, которая установлена законом всемирного тяготения. **Чем ближе к центру территории оказывается посторонний субъект, тем интенсивнее действуют силы агрессивного отталкивания.** Граница своей территории пролегает там, где силы притяжения и отталкивания уравниваются друг друга.

2. Животные издают и правильно воспринимают особые звуковые сигналы в момент опасности, в качестве призыва к спариванию или угрозы. Такое же значение имеют типичные комплексы жестов: «угрожающая поза», «поза покорности», «поза подставления». У приматов общению между двумя особями служит «груминг» - взаимное выискивание блох. В 60-е годы XX в. была популярна гипотеза о «языке дельфинов». Выяснилось, что эти животные пользуются примерно 30 разными звуками. Однако, все попытки расшифровать их оказались бесплодными, что с весьма высокой степенью вероятности свидетельствует о неязыковом характере этой сигнализации.

3. В игровом поведении происходит преобразование животных особей. Одной из биологических основ игры является мимикрия – способность к радикальному изменению окраски, формы и способа действий. Безобидная мушка приобретает внешнее сходство с больно жалящей осой, а беззащитная бабочка завораживает изображением широко раскрытых глаз хищной птицы на своих крылышках. Мимикрия предполагает известную пластичность органов и функций, способность к метаморфозам. Такая пластичность позволяет более успешно приспосабливаться к изменяющимся обстоятельствам и повышает шансы на выживание. В брачных играх, например, участники становятся более привлекательными. Шерсть или перья приобретают блеск и более яркую окраску. Обычно одна сторона более активна, а другая пассивна. Пассивную роль играют те особи, которые будут потом заботиться о выращивании потомства.

Важнейшей формой игрового поведения животных выступает та, в которой происходит обучение навыкам жизни. У высших млекопитающих значительная часть поведенческих актов не закладывается генетически, а формируется при жизни. Поэтому у них, особенно у хищников, матери часто играют с детенышами (например, кошка с котятками). В такой игре происходит формирование и оттачивание навыков.

4. «Строительная» деятельность животных разворачивается на основе генетических программ. Индивидуальное научение играет здесь малую и подчиненную роль. Принципиальные изменения в ее составе начинаются с того, что она входит в сферу действия «порядка клевания». Отступления от генетической программы обусловлено, с одной стороны, стремлением завоевать или сохранить более высокое положение в социальной иерархии; с другой стороны, подражанием тем особям, которые уже имеют более высокий ранг.

Вследствие соединения перечисленных задатков в целостную систему у вида *Homo sapiens sapiens* в эпоху верхнего палеолита (древнего каменного века) формируется первобытная культура. Ее важнейшими начальными элементами выступают:

- язык,
- труд как целенаправленное изготовление и использование искусственных орудий,

- общественная организация, основанная на экзогамии и матрилинейном родстве,
- религия магического характера (культ предков, проявившийся в первобытных захоронениях, контагиозная и гомеопатическая магия).

Литература

- Вебер А. К вопросу о социологии государства и культуры// Культурология. XX век. М.: Юристъ, 1995. С. 497-514
- Геннеп ван А. Обряды перехода. М.: Восточная литература, 1999
- Лоренц К. Так называемое зло. К естественной истории агрессии// Обратная сторона зеркала. М.: Республика, 1998. С. 101-167
- Мамфорд Л. Миф машины. Гл. 5. М.: Логос, 2001. С. 135-168
- Розов Н.С. Структура цивилизации и тенденции мирового развития. Новосибирск, 1992. С. 79-126
- Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. Т.1. М.-СПб.: Университетская книга, 2001. С.59-108

Тема 3. УНИВЕРСАЛИИ КУЛЬТУРЫ

У различных народов культурные системы подвержены существенным изменениям, но есть нечто общее, объединяющее их. В культурологии для обозначения этого общего используется термин «*универсалии культуры*». Термин «*universalia*» возник в средневековой философии от латинского «*universalis*» - «*всеобщий*». Он употреблялся для обозначения самых общих понятий и того, что соответствует этим понятиям. Средневековые универсалии были сходны по значению с категориями Аристотеля: «*сущность*», «*место*», «*время*», «*количество*», «*качество*» и т.д.

Универсалии культуры - это общие понятия, присутствующие во всех культурных системах мира и составляющие их каркас. С помощью универсалий создается картина мира. «Каждый народ имеет ряд базовых понятий, которые возникают из его повседневной деятельности и находят выражение в его мышлении. К их числу принадлежат такие понятия как время, пространство и расстояние, число, собственность и владение, классификация или распределение по группам, причинность»⁹. Исходной основой этих понятий являются языковые *бинарные оппозиции* (двойные противопоставления): верх-низ, правое-левое, свет-тьма, жара-холод, свое-чужое и мн.др.

По всей вероятности, универсалии принадлежат к естественно-биологическому фундаменту культуры либо вплотную примыкают к нему. Именно этим можно объяснить их всеобщность, так как человеческая природа в своих сущностных характеристиках одинакова при всех различиях в цвете кожи, волос, глаз, размеров тела и пр. Культура нечеловеческих разумных существ, если они обитают в каких-то частях вселенной, покоится на других основаниях.

В зависимости от степени близости к семиотическому (знаковому) или аксиологическому (ценностному) содержанию культуры универсалии могут быть оценочно-нейтральными (пространство, время и т.п.) или оценочными (добро и зло, красота и безобразие, истина и ложь, польза и вред), подобно тому как чувственная жизнь человека состоит из нейтральных ощущений синего, твердого, пресного, с одной стороны, и эмоций страха, печали, радости, в которых производится непосредственная оценка ситуации. Разница между оценочными и оценочно-нейтральными категориями культуры, как мы убедимся далее, относительна. Все универсалии культуры являются знаками предельной общности.

⁹ Элькин А.П. Австралийские аборигены// Магический кристалл. М.: Республика, 1992. С. 138

1. Пространство в культуре

Понятие пространства обусловлено тем, что человек, подобно многим животным и в отличие от большинства растений не прикреплен к определенному месту, а может передвигаться на значительные расстояния. Это понятие, как отмечал немецкий философ Г. Плеснер, возникает в двух противоположных формах двигательного опыта. С одной стороны, пространство воспринимается как размеры каких-то тел или объектов, как место, которое они занимают. В этом случае пространство характеризуется непроницаемостью. Двигаясь, его надо обходить стороной как препятствие на пути. С другой стороны, пространство воспринимается как среда, внутри которой можно передвигаться, а препятствия возникают на выходе за ее границы. Кроме того, способность к передвижению образует основание двух ключевых пространственных образов в сознании человека: *места* (греч. «τόπος», лат. «locus») и *дороги* (греч. «ὁδός», лат. «via»). Эти образы коренятся в психической жизни животных, а благодаря культуре приобретают значение основополагающих символов¹⁰. Вероятно, внешняя материальная культура начинается с поиска таких мест, такой среды обитания, которая была бы максимально пригодна для жизни. Это может быть, например, пещера, укрывающая от дождя и ветра, близко расположенная от воды, незаметная для вражеских глаз. Одна из важнейших предпосылок культуры заключается, стало быть, в наличии полуинстинктивных представлений о неоднородности ландшафтной сферы, т.е. о том, что в ней есть особо ценные места и такие, которые опасны или неблагоприятны для удовлетворения каких-либо витальных потребностей. Ценные места, вероятно, характеризуются уравниванием противоположных факторов, допустим, близости элементарных благ и опасности для жизни¹¹. Выбор подобного места – самый первый шаг культурного творчества, точнее сказать, еще только подготовка к нему, ибо выбирать территорию способны и животные. Далее культура может двигаться двумя разными путями. Количество самых ценных и даже просто ценных мест ограничено. Поэтому необходимо либо находить ниши, где изобилие соседствует с опасностью, либо искусственно преобразовать внешнюю среду, гармонизируя те факторы, которые в данном месте не сбалансированы, например, строить укрытия. Второй путь более характерен для культуры, хотя и здесь, правда, тоже пока нет ничего специфически человеческого, ибо строить гнезда и маскировать их могут, о чем уже говорилось, многие птицы. Тем не менее, создание, обустройство ценных мест путем совершенствования естественных – одно из ключевых направлений развития культуры.

Еще более символический характер носит то преобразование среды обитания, которое состоит в *связывании* различных мест друг с другом. Тропы к водопою и охотничьи тропы – самые древние зачатки культуры. Они возникают вполне ненамеренно, практически бессознательно и тоже роднят вид *Homo sapiens* с другими биологическими видами. Специфически культурный смысл имеет не столько целенаправленное прокладывание троп, сколько сами тропы, связывающие между собой различные селения. Это уже культура в собственном смысле слова, так как по этим тропам актуализируется связь различных частей человечества. Это культурный первообраз системы коммуникаций, без которой немислимо современное человечество. Тропы и дороги разворачивают жизненное пространство, делают его подобным кресту или звезде, лучи которой расходятся из центральной точки (жилища, селения) к другим ценным местам.

Упорядочение и обустройство пространства – один из самых фундаментальных способов практического отношения человека к миру. Соединение образов места и дороги дает очень важную бинарную оппозицию *центра* и *периферии*. Ее основы заложены в инстинкте защиты территории. В процессе культурного развития интуитивное

¹⁰ В культурах кочевых народов доминирует символ пути, а оседлых – места

¹¹ В развитых культурах представления о ценном месте чрезвычайно усложняются, доходя до понятия *утопии* – места, в котором сбалансированы все или почти все жизненные факторы. Таковы древнегреческие предания об Островах Блаженных, манихейские – о “драгоценной Стране Света” и вообще все мифы о земном рае

представление о центре своей территории превращается в символ «пупа земли» или «мировой оси». Приближение к центру означает возрастание порядка, удаление на периферию есть движение к хаосу.

Культура существенно влияет на ориентацию в пространстве и освоение его. Совершенствованию ориентации способствует вертикальное положение человеческого тела, которое дает больший обзор. Прямохождение формируется культурой, а не дается от рождения. Сначала, как известно, младенцы ползают и только к 10-11 месяцам научаются ходить. Уже на самых ранних стадиях культурного развития формируются бинарные оппозиции «верх-низ» и «правое-левое». Движение вверх, подъем получает стабильную положительную оценку. Ценностью становится высокий рост. Положительно оценивается также «прямое» и «правое». Последнее – потому, что правая рука у 80% людей является доминирующей. Оставшиеся 20% - «левши» - вызывают подозрение в причастности демоническим силам. Неодинаковое отношение к «правому» и «левому» считается настолько глубоко укорененным, что некоторых христианских святых предание наделяет врожденной склонностью брать только правую грудь своей матери. В целом «левизна» тождественна неловкости и «служит знаком скверны и греха»¹².

Во многих культурных системах пространство моделировалось через мифологический образ «мирового древа» и делилось по вертикали на три сферы:

- небо (крона),
- земля (ствол),
- подземный мир (корни).

По горизонтали выделяются четыре стороны света: север, юг, запад, восток. Способность ориентироваться в пространстве, что видно уже по этимологии терминов, соотносится с положением солнца на небосводе. В Византии, где греческая культура соединилась с христианством, стороны света кодировались именем первого человека – **Адама**:

- Ανατολή – восход,
- Λυσις – закат,
- Αρκτος – север,
- Μεσημβρία – полдень.

Духовное освоение пространства осуществляется различными видами искусства: архитектурой, скульптурой и живописью. Эти виды искусства называются *пространственными*. Для изучения пространства в культуре создаются науки: география, геометрия, астрономия. Передвижение в пространстве и необходимость защиты своей территории постепенно вызвали к жизни измерение пространства – *геометрию* в буквальном смысле слова. Еще более неотложной необходимостью в измерении стала в связи с обработкой вещей, изготовлением механизмов, отдельные детали которых должны быть подогнаны друг к другу.

Сначала пространство мерили временем: «один день пути», «два дня пути» и т.п. по этимологии многих терминов, обозначающих меры длины, мы можем судить о том, что в качестве пространственных мер были взяты некоторые усредненные пропорции человеческого тела: «локоть», «аршин», «сажень», «пядь» - в русском языке; «фут», «дюйм». Они указывают на размеры рук, ног, пальцев и других человеческих органов. У разных людей эти величины различны, колеблются в неких пределах. Культура двигалась от этих приблизительных, колеблющихся мер к постоянным, одинаковым для всех эталонам, дойдя в 1799 г. до метрового платинового стержня, хранящегося в Париже. В 1875 г. 17 стран подписали Метрическую конвенцию, которая положила начало единым мерам.

Освоенное пространство носит название ойкумены (от греч. «οἶκος» - «дом», «жилище»). Развитие культуры – это постепенное расширение ойкумены: сначала она представляет собой отдельные оазисы, окруженные со всех сторон «terra incognita»

¹² Кайуа Р. Миф и человек. Человек и сакральное. М.: ОГИ, 2003. С. 172

(«неведомой земли»), со временем белые пятна на земном шаре сокращаются, а в XX в. С развитием авиации и космонавтики исчезают совсем. Совершенство астрономической техники неуклонно раздвигает границы наблюдаемой Вселенной. К настоящему моменту они простираются на 10^{28} см. Последнее слово о свойствах пространства сказано современной математической наукой – *топологией*.

2. Время

Единство пространства и времени выражается понятием *хронотопа*. Это понятие ввел в науку о культуре русский ученый М.М. Бахтин, опираясь на идеи выдающегося физиолога А.А. Ухтомского: «расстояние в пространстве до предмета первоначально спаяно со временем, строится по времени и никогда от времени не освобождается»¹³. В хронотопе происходит «слияние пространственных и временных примет в осмысленном и конкретном целом. Время здесь сгущается, уплотняется, становится художественно-зримым; пространство же интенсифицируется, втягивается в движение времени, сюжета, истории. Приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется временем»¹⁴.

Ориентация во времени осуществляется с помощью понятий о настоящем, прошлом и будущем. Основные бинарные оппозиции, через которые раскрывается категория времени: «раньше-позже», «теперь-после», «сегодня-вчера», «сегодня-завтра», «еще-уже», «день-ночь», «лето-зима», «молодость-старость» и т.п. Представления о времени относятся к процессам, протекающим в природе и в самом человеке. Важнейшую роль в становлении соответствующего понятия сыграли, очевидно, три рода наблюдений: периодической смены дня и ночи, светлого и темного времени суток; чередования теплого и холодного, засушливого и дождливого сезонов; необратимого изменения человеческого и животных организмов, перехода от детства к созреванию и старости. В таких наблюдениях фиксировались не только полярные моменты, но и переходные положения, поэтому универсальное значение приобрело деление времени на четыре части. Сутки как промежуток времени от восхода солнца до следующего восхода¹⁵ были разделены, во-первых, на светлое и темное время (день и ночь); во-вторых, на переходы от темного к светлому времени (утро) и наоборот (вечер). Аналогичным образом и год разделился на четыре сезона: зиму и лето, весну и лето¹⁶. Причем для многих культур характерна отчетливая параллель между утром и весной, днем и летом и т.д.

Обратимость времени, его обязательное возвращение некоему исходному моменту (как правило, к желанной весне) была пространственно выражена в виде движения по кругу. Промежутки времени, в течение которого протекает весь набор изменений, стали называться *периодами*, что в переводе с греческого буквально означает «движение вокруг», «обход».

Необратимые изменения человеческого организма с трудом укладываются в четверичную схему, поскольку в момент смерти происходит разрыв цепи превращений. Более или менее универсальный выход был найден в истолковании смерти как ночи или зимы, в течение которых происходит созревание возможностей для нового рождения. В тех культурах, религия которых допускает возможность реинкарнации (переселения души), существование человека было оставлено в четверичной схеме: детство – зрелость – старость – смерть.

¹³ Ухтомский А.А. Доминанта. СПб.: Питер, 2002. С. 68

¹⁴ Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике// Литературно-критические статьи. М.: Худ. лит., 1986. С.121-122

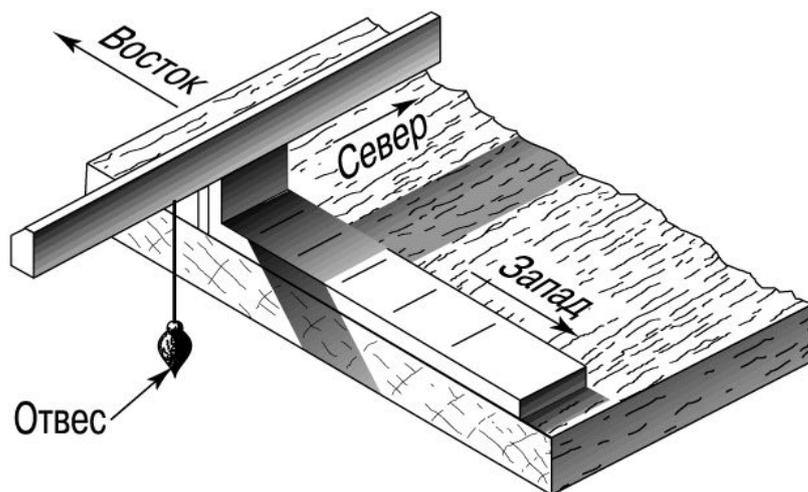
¹⁵ Так отсчитывались сутки у большинства народов. но в тех культурах, где отсчет велся по фазам луны (у афинян, галлов, германцев, иудеев), сутки продолжались от вечера до вечера, а у римлян они начинались в полночь

¹⁶ Древние греки, правда, ограничивались только тремя сезонами: летом, зимой и весной. Понятие осени у них долго отсутствовало

В ценностном плане дню отдается безусловное предпочтение перед ночью, а лету – перед зимой. Тьма и холод затормаживают человеческую активность (впрочем, это относится и к сильной жаре – там, где она имеет место). Особую ценность имеет момент перехода от зимней спячки к природной активности. Этот момент чаще всего осознается как наступление нового года и сопрягается с особо значимыми религиозными действиями.

Во многих традиционных культурах сложилось представление о *начальном времени* – своеобразной весне мира, когда возникали все вещи, процессы и существа и они еще не были испорченными. Греческий поэт Гесиод назвал это время «золотым веком», противопоставив его последующим векам: серебряному, медному и железному, – как этапам нарастающего ухудшения. В иудаизме и христианстве таким было время от сотворения мира до грехопадения первых людей. Подобное противопоставление настоящего прошлому, очевидно, опиралось на наблюдение процессов старения, одряхления организмов и вело к идеализации первообразов. В ряде культур процесс старения мира вписывался в более общую циклическую картину спадов и подъемов. За гибелью мира виделось его новое рождение и т.д.

За измерениями времени стоит потребность в согласовании действий разных людей, «озабоченного устройства совместных дел», как выражался немецкий философ М. Хайдеггер, в гармонизации ритмов труда и отдыха. Основой для счета времени стало движение небесных тел: в первую очередь солнца, во вторую – луны. Видимое движение солнца по небосводу дало **сутки** в качестве исходной единицы отсчета, невидимое, но отражающееся в изменении погодных условий (определяемых углом, под которым солнечные лучи падают на землю) движение Земли вокруг Солнца запечатлелось в понятии **года**. Позднее наблюдение за фазами луны, ее периодическими возрастаниями и убываниями кристаллизовалось в понятии **месяца** – промежутка времени от одного новолуния до другого. Поскольку солнечный цикл не совпадает с лунным, в дальнейшем возникла непростая математическая проблема согласования года как смены сезонов с месячным делением. Понятие «месяц» постепенно приобрело число условное (договорное) значение от 28 до 31 дня. Для измерения меньших промежутков времени первоначально использовались песочные, водяные, солнечные часы.

Египетские солнечные часы, употреблявшиеся ок. 1500 г. до н.э.

Водяные часы (клепсидра) применялись, например, в афинском суде для того, чтобы предоставить истцу и ответчику одинаковое время для изложения своей позиции.

Час вплоть до XIV в., когда были изобретены механические часы, имел сильно различающуюся продолжительность. День и ночь делились на 12 частей (часов) независимо от времени года. Дневные часы были зимой короче ночных, а летом наоборот. По мере развития культуры время изменяет свою сущность. Оно отрывается от природно-климатического процесса и приобретает стандартизированную, одинаковую для всех

продолжительность, отмеренную колебаниями маятника, сжатием или расширением кварцевого кристалла, поглощения или излучения атомами цезия электромагнитных волн. Появляются маятниковые, кварцевые, атомные цезиевые часы. Вводятся условные, чисто искусственные единицы времени: час, минута и секунда. Понятие часа в значении части суток появилось в Египте около 2 100 г. до н.э. В Вавилоне, а потом в Греции «час» толковался как 1/12 часть дня и ночи. Римляне делили и день, и ночь на четыре части – *вигилии* (стражи), по три *хоры* (часа) в каждой. Первая стража продолжалась с 6 до 9 часов утра, вторая – с 9 до 12 и т.д. с этими периодами были соотнесены христианские богослужения так называемого суточного круга. Часы согласованы с евангельскими событиями и в память о них в определенное время читаются строго определенные библейские тексты. Эллинистические астрономы ввели понятия *минуты* (от лат. «*minutia*» - «мелочь») и *секунды* (от лат. «*secundus*» - «следующий»). Эталонной единицей времени сейчас является атомная секунда: время, в течение которого происходит 9192631770 колебаний цезиевого генератора. Эта мера установлена XII Международной конференцией по мерам и весам в Париже в 1964 г.

До идеи летоисчисления культура поднимается далеко не сразу. В первобытных племенах люди не знали и хотели знать собственного возраста. Для них был важен относительный возраст: кто старше, а кто моложе, - потому что от него зависел социальный престиж. Старшинство определялось по последовательности рождения. Потребность в счете лет появилась в связи с осмыслением истории. Чтобы составить целостную картину прошлого, необходимо представлять последовательность исторических событий. В Египте и Вавилоне, где были развиты астрономические наблюдения и создавались первые *календари*, счет велся по правящим династиям. Греки изобрели систему отсчета по олимпиадам, которые устраивались регулярно один раз в четыре года. В «Хронике» Евсевия Кесарийского дается список олимпиад с 1-й по 249-ю. В европейской культуре отсчет времени начали вести по событиям священной истории. Отправной точкой на Никейском соборе (IV в.) было объявлено сотворение мира, рассчитанное на основании библейских текстов. Правда разные церкви указывали различные даты. Иудейские раввины объявили началом эры «от сотворения мира» 3761 г. до н.э.; византийские хронологи – 5508 г. до н.э.; протестантский архиепископ Ашер – 4004 г. до н.э.

В VI в. римский монах Дионисий Малый предложил новую начальную точку – рождение Иисуса Христа. Более тысячи лет спустя Д. Петавиус предложил способ обратного счета лет до рождества Христова. Этот способ был признан в конце XVIII в. и получил наибольшее распространение в мире. Однако сохранились и локальные календари. Исламский мир ведет счет лет от Хиджры – переселения пророка Мухаммеда из Мекки в Медину в 622 г. В Китае и родственных ему по культуре странах Дальнего востока действует свой календарь.

Таким образом, для фиксации и отсчета времени использовались астрономия и история. В этих науках общественная жизнь сопоставлялась с положением небесных тел. Положению созвездий на небосводе в момент рождения человека приписывалось решающее значение в определении судьбы, из чего возникло *астрологическое* искусство составления *гороскопов*. Одним из самых древних сооружений, предназначенных для отсчета времени, является загадочный Стоунхедж на Солсберийской равнине в Англии. Расставленные в определенном порядке камни позволяют точно определить дни летнего и зимнего солнцестояния. Вероятно, эти дни имели особое значение в религиозной жизни древних обитателей Британских Островов.

Временными искусствами являются поэзия и музыка, основанные на словах и звуках.

3. Число.

Понятие числа (греч. «*αριθμος*», лат. «*numeros*») возникло в процессе манипулирования одинаковыми предметами и взаимодействия с людьми, которые представлялись равными

друг другу. Уже на примере пространства и времени отчетливо видно, что ориентация в них не возможна без умения *считать*. Немецкий философ И. Кант доказывал, что искусство счета, пользование числами прямо вытекает из восприятия времени. И исторически наука счета – арифметика – развивалась в тесной связи с хронологией – умением определять даты праздников и характерных небесных явлений типа затмений солнца и луны.

Использование чисел является одной из самых элементарных знаковых операций. Счет предполагает установление соответствия между реальными вещами или людьми и какими-то их заместителями: пальцами рук и ног, камешками или палочками.

Использование числа состоит в двух основных классах операций:

- нумеровании объектов, присвоении им порядкового номера («первый», «второй», «третий» и т.д.);
- так называемых арифметических действиях (сложении, вычитании, умножении, делении и пр.).

Как правило, нумерование объектов начиналось с числа 3, поскольку 1 и 2 не считались числами в полном смысле слова. В древнегреческом языке, например, существовали отдельно единственное, двойственное и множественное число. И в русском языке слова «первый» и «второй» образованы от совсем иных корней, чем «один» и «два». Только после «двух» наблюдается совпадение корней порядковых и количественных числительных: «третий» от «три» и т.д. «Четыре», очевидно, считалось первым четным числом, ибо его корень совпадает со словом «чет». Арифметические действия абсолютно одинаковы во всех культурах. Среди них нет таких, в которых 2×2 равнялось бы 5 или 3.

Понятие числа – это безусловная абстракция. Чтобы составить представление о числе, нужно полностью отвлечься от конкретных свойств предметов и лиц, от различий между ними. Двух одинаковых вещей, как и людей, в природе не бывает, но понятие числа как раз и основано на приравнивании друг другу разных объектов.

Благодаря такому приравниванию число и становится подлинной универсалией культуры. Одинаковость, универсальность здесь является результатом целенаправленных усилий. Важнейшей числовой бинарной оппозицией выступает «чет-нечет», т.е. то, что делится надвое, пополам, и то, что не допускает такого деления. Центральное положение этой оппозиции может служить косвенным свидетельством важности операции деления (дележа) в примитивных обществах. Дихотомия (деление пополам) приобрела огромную роль в мышлении, а понятие *неделимого* (греч. « $\alpha\tau\omicron\mu\omicron\varsigma$ », лат. «*individuum*») стало одним из ключевых философских терминов.

Различие нечетных и четных стало поводом для идей о качественной разнородности членов числового ряда, о существовании лучших и худших, «счастливых» и «несчастливых» чисел.

С глубокой древности сохраняется традиция приписывания определенным числам особой значимости в мировом порядке. Вероятно, она происходит от проекции иерархических отношений в группе на числовой ряд. Особо важными во многих культурах считались числа 3 (3 части мирового древа, мировых сферы, божественных ипостаси и т.д.); 4 (4 стороны света, времени года, сословия, основных цвета, металла и др.). Сложение чисел 3 и 4 дает семерку (7 дней недели, спектральных цветов, «чудес света» и пр.). Умножение этих чисел (3×4) дает двенадцать (12 месяцев в году, часов в дне, апостолов в христианстве и т.п.). в культуре Китае и других стран дальнего Востока главнейшая мироустроительная роль была отведена числу 5. Представления о качественной однородности чисел вылились в науку *арифметики*, развившуюся в Древнем Египте, Вавилоне, Греции. Параллельно ей развивалась *нумерология* – учение о символическом значении определенных чисел, их фундаментальной роли в движении космоса и человеческой судьбе. Наиболее радикальное значение нумерология приобрела в средневековом Китае.

Вместе с письменностью в цивилизованных обществах появляются графические изображения чисел. Во многих культурах (в том числе и в Древней Руси) обозначениями чисел служили определенные буквы алфавита. Индийцы и римляне изобрели особые знаки для чисел – *цифры*. В Европу индийские цифры были завезены арабами, откуда и пошло их название (араб. «shifr» - «пустой», «нуль»). Колоссальным преимуществом индийской системы цифр оказался их *позиционный* характер. Значение цифрового знака определяется не только его *начертанием*, но и *позицией* по отношению к другим знакам. Если, например, цифра 3 стоит в крайней правой позиции, то она означает 3 единицы; если слева от другой цифры – 3 десятки, потом 3 сотни и т.д.

Основные обозначения чисел показаны в таблице:

ОБОЗНАЧЕНИЯ ЧИСЕЛ

Современная	Египетская (иероглифич.)	Египетская (иероглифическая)	Вавилонская	Греческая (аттическая)	Греческая (ионическая)	Римская	Древневерейская	Индийцев майя	Древнекитайская (палочк.)	Древнекит. (иероглифическая)	Индийск. (деванагари)	Арабская (алфавит)	Арабская (современная)	Арабская (гобари)
1		𐀀	𐀁	ι	Α	I	𐌀	•	一	一	۱	۱	۱	
2		𐀁𐀁	𐀂𐀂	ϰ	Β	II	𐌁	••	二	二	۲	۲	۲	
3		𐀂𐀂𐀂	𐀃𐀃𐀃	Ϡ	Γ	III	𐌂	•••	三	三	۳	۳	۳	
4		𐀃𐀃𐀃𐀃	𐀄𐀄𐀄	ϡ	Δ	IIII	𐌃	••••	四	四	۴	۴	۴	
5		𐀄𐀄𐀄𐀄𐀄	𐀅𐀅𐀅	ϣ	Ε	V	𐌄	—	五	五	۵	۵	۵	
6		𐀅𐀅𐀅𐀄	𐀅𐀅𐀅𐀄	ϡϣ	Ϝ	VI	𐌅	—•	六	六	۶	۶	۶	
7		𐀅𐀅𐀅𐀄𐀄	𐀅𐀅𐀅𐀄𐀄	ϣϡ	Ζ	VII	𐌆	—••	七	七	۷	۷	۷	
8		𐀅𐀅𐀅𐀄𐀄𐀄	𐀅𐀅𐀅𐀄𐀄𐀄	ϣϡϣ	Η	VIII	𐌇	—•••	八	八	۸	۸	۸	
9		𐀅𐀅𐀅𐀄𐀄𐀄𐀄	𐀅𐀅𐀅𐀄𐀄𐀄𐀄	ϣϡϣϣ	Θ	IX	𐌈	—••••	九	九	۹	۹	۹	
10	𐀀	𐀆	𐀆	Δ	Ι	X	𐌉	—	十	十	۱۰	۱۰	۱۰	
20	𐀀𐀀	𐀆𐀆	𐀆𐀆	ΔΔ	Κ	XX	𐌊	—••	二十	二十	۲۰	۲۰	۲۰	
30	𐀀𐀀𐀀	𐀆𐀆𐀆	𐀆𐀆𐀆	ΔΔΔ	Λ	XXX	𐌋	—•••	三十	三十	۳۰	۳۰	۳۰	
40	𐀀𐀀𐀀𐀀	𐀆𐀆𐀆𐀆	𐀆𐀆𐀆𐀆	ΔΔΔΔ	M	XL	𐌌	—••••	四十	四十	۴۰	۴۰	۴۰	
50	𐀀𐀀𐀀𐀀𐀀	𐀆𐀆𐀆𐀆𐀆	𐀆𐀆𐀆𐀆𐀆	ΔΔΔΔΔ	N	L	𐌍	—•••••	五十	五十	۵۰	۵۰	۵۰	
60	𐀀𐀀𐀀𐀀𐀀𐀀	𐀆𐀆𐀆𐀆𐀆𐀆	𐀆𐀆𐀆𐀆𐀆𐀆	ΔΔΔΔΔΔ	E	LX	𐌎	—••••••	六十	六十	۶۰	۶۰	۶۰	
70	𐀀𐀀𐀀𐀀𐀀𐀀𐀀	𐀆𐀆𐀆𐀆𐀆𐀆𐀆	𐀆𐀆𐀆𐀆𐀆𐀆𐀆	ΔΔΔΔΔΔΔ	O	LXX	𐌏	—•••••••	七十	七十	۷۰	۷۰	۷۰	
80	𐀀𐀀𐀀𐀀𐀀𐀀𐀀𐀀	𐀆𐀆𐀆𐀆𐀆𐀆𐀆𐀆	𐀆𐀆𐀆𐀆𐀆𐀆𐀆𐀆	ΔΔΔΔΔΔΔΔ	Π	LXXX	𐌐	—••••••••	八十	八十	۸۰	۸۰	۸۰	
90	𐀀𐀀𐀀𐀀𐀀𐀀𐀀𐀀𐀀	𐀆𐀆𐀆𐀆𐀆𐀆𐀆𐀆𐀆	𐀆𐀆𐀆𐀆𐀆𐀆𐀆𐀆𐀆	ΔΔΔΔΔΔΔΔΔ	Ϙ	XC	𐌑	—•••••••••	九十	九十	۹۰	۹۰	۹۰	
100	𐀀𐀀𐀀	𐀆𐀆𐀆	𐀆𐀆𐀆	Η	Ρ	C	𐌒	—••••••••••	百	百	۱۰۰	۱۰۰	۱۰۰	
200	𐀀𐀀𐀀𐀀	𐀆𐀆𐀆𐀆	𐀆𐀆𐀆𐀆	ΗΗ	Σ	CC	𐌓	—•••••••••••	二百	二百	۲۰۰	۲۰۰	۲۰۰	
300	𐀀𐀀𐀀𐀀𐀀	𐀆𐀆𐀆𐀆𐀆	𐀆𐀆𐀆𐀆𐀆	ΗΗΗ	Τ	CCC	𐌔	—••••••••••••	三百	三百	۳۰۰	۳۰۰	۳۰۰	
400	𐀀𐀀𐀀𐀀𐀀𐀀	𐀆𐀆𐀆𐀆𐀆𐀆	𐀆𐀆𐀆𐀆𐀆𐀆	ΗΗΗΗ	Υ	CD	𐌕	—•••••••••••••	四百	四百	۴۰۰	۴۰۰	۴۰۰	
500	𐀀𐀀𐀀𐀀𐀀𐀀𐀀	𐀆𐀆𐀆𐀆𐀆𐀆𐀆	𐀆𐀆𐀆𐀆𐀆𐀆𐀆	ΗΗΗΗΗ	Φ	D	𐌖	—••••••••••••••	五百	五百	۵۰۰	۵۰۰	۵۰۰	
600	𐀀𐀀𐀀𐀀𐀀𐀀𐀀𐀀	𐀆𐀆𐀆𐀆𐀆𐀆𐀆𐀆	𐀆𐀆𐀆𐀆𐀆𐀆𐀆𐀆	ΗΗΗΗΗΗ	Χ	DC	𐌗	—•••••••••••••••	六百	六百	۶۰۰	۶۰۰	۶۰۰	
700	𐀀𐀀𐀀𐀀𐀀𐀀𐀀𐀀𐀀	𐀆𐀆𐀆𐀆𐀆𐀆𐀆𐀆𐀆	𐀆𐀆𐀆𐀆𐀆𐀆𐀆𐀆𐀆	ΗΗΗΗΗΗΗ	Ψ	DCC	𐌘	—••••••••••••••••	七百	七百	۷۰۰	۷۰۰	۷۰۰	
800	𐀀𐀀𐀀𐀀𐀀𐀀𐀀𐀀𐀀𐀀	𐀆𐀆𐀆𐀆𐀆𐀆𐀆𐀆𐀆𐀆	𐀆𐀆𐀆𐀆𐀆𐀆𐀆𐀆𐀆𐀆	ΗΗΗΗΗΗΗΗ	Ω	DCCC	𐌙	—•••••••••••••••••	八百	八百	۸۰۰	۸۰۰	۸۰۰	
900	𐀀𐀀𐀀𐀀𐀀𐀀𐀀𐀀𐀀𐀀𐀀	𐀆𐀆𐀆𐀆𐀆𐀆𐀆𐀆𐀆𐀆𐀆	𐀆𐀆𐀆𐀆𐀆𐀆𐀆𐀆𐀆𐀆𐀆	ΗΗΗΗΗΗΗΗΗ	Α	CM	𐌚	—••••••••••••••••••	九百	九百	۹۰۰	۹۰۰	۹۰۰	

В целом культура прошла огромный путь от счета на пальцах до цифровых информационных систем и сложнейшей компьютерной техники. Значительными вехами на этом пути были греческий *абак* (счетная доска) и 8-разрядная суммирующая машина Б. Паскаля (1642), посредством которой можно выполнять четыре арифметических действия путем многократного сложения (вычитания).

4. Причинность

Одним из важнейших способов овладения временем выступает предвидение будущего на основе знания о прошлом. Стремление разглядеть в настоящем контуры грядущих изменений развивает убеждение в том, что последующие события вытекают из предыдущих. На этой основе возникает понятие причины (греч. « $\alpha \Rightarrow \tau \Leftrightarrow \alpha$ », лат. «causa»). Понятие о причинности начинается с бинарной оппозиции «причина-следствие». Она тесно связана с понятием времени и противоположностью «прежде (до)-после». Весьма вероятно, проблема выяснения причины вставала из-за часто наблюдаемого несоответствия между намерением и результатом поступка. Это несоответствие, например, неудавшаяся охота объясняется вмешательством посторонних сил. Обычно на свои отношения с природой человек проецирует то, с чем он сталкивается в общении с другими людьми. В совместном действии результат зависит не только от стараний и умений отдельного участника, но и от содействия или противодействия других лиц. Этот расклад сил переносится на все виды жизнедеятельности, в том числе на такие, где соучастие иных субъектов отсутствует или не играет существенной роли. В подобном случае результат действия (а проблематичен только отрицательный результат, неудача, провал) объясняется вмешательством невидимых участников – божественных или демонических существ. Уже в первобытном обществе причинность осмысливается символически, что наглядно демонстрируется в теории «второго копья». Во многих древних культурах основной, а иногда и единственной причиной всех бед и несчастий считается чей-то злокозненный умысел – колдовство. Если кого-то укусила змея, сожрал тигр или крокодил, раздавило сваленное ветром дерево, то причину смерти видели не в змее, тигре или дереве, а в кознях колдуна, который своими тайными способностями «навел» беду. Европейский миссионер советует туземцу: «Не стой на ветру, простудишься», - и слышит в ответ: «Ветер не может причинить зла, болезнь может навести только колдун». Действия колдуна – это как бы «второе копьё», которое поражает жертву одновременно с первым, т.е. с натуральным копьём, или «вторая змея», «второй тигр», «второе дерево».

К поискам невидимой причины трагического события прибегают тогда, когда оно последовало несмотря на то, что все было проделано по правилам. Когда кто-то терпит неудачу из-за собственной неловкости, нарушив определенные правила, ответственность не перекладывают на колдуна. Если у женщины подгорела или не доварилась каша из-за ее ротозейства, нет необходимости пользоваться теорией «второго копья». Это копьё служит символом влияния каких-то непонятных, а потому таинственных сил. Такой символ определенным образом организует человеческие действия. Он предписывает не только учет физических свойств предметов окружающего мира, но необходимость нейтрализовать, отвести от себя колдовские чары.

Более развитой формой теории «второго копья» является понятие *судьбы* (греч. «μοῖρα», лат. «*fatum*»). В этом понятии отдельные действия потусторонних сил связываются в целостную линию собственной жизни. Невидимая рука судьбы не просто наносит удар человеку в завершающий момент, но как бы ведет его, направляет его жизнь от рождения до смерти. Универсальный смысл понятия судьбы в том, что оно указывает на необходимость подчиняться высшей силе, не выходить за предписанные рамки даже там, где возникает очень сильный соблазн сделать это.

Отношение между причиной и следствием в древних обществах уподоблялось процессу порождения, отношению между родителями и детьми. Культура ориентировала бы человека односторонне, если бы толковала причинность только как судьбу, только как зависимость его жизни от внешних факторов. Человек происходит от родителей и должен подчиняться им, но в какой-то момент он становится родителем сам. В понятии причинности выражается не только подчинение внешним силам, но и собственная активность человека. Более того, важнейшее назначение причинности как культурной универсалии – провести линию водораздела между внешней определенностью и личной

свободой. «Causa» и « $a \Rightarrow t \Leftrightarrow a$ » - это не только «причина», но и «вина». Нельзя исключить того, что первый опыт осознания связей между причиной и следствием люди получали в процессе коллективного разбирательства каких-либо драматических случаев: убийства сородича или нанесения ущерба его имуществу и здоровью. В истории культуры понятие причины прошло путь от дознания, выяснения того, что на самом деле произошло в конфликте до науки как профессиональной деятельности. Важнейшим моментом научного подхода является *этиология* – установление причин того или иного явления.

Между подобным дознанием и наукой располагается огромный массив *этиологических мифов* – более или менее красочных повествований о том, почему люди стареют и умирают, почему рождаются дети, почему вечером солнце вечером заходит, а утром появляется вновь и т.д. Миф в своих объяснениях пользуется той причинной схемой, которая идет от родства, от связей между родителями и детьми. Природные явления возводятся к действиям какого-либо сверхчеловеческого существа: духа, демона или бога, а связь между явлениями – родственными или дружескими отношениями между существами, которые ассоциируются с ними. Основу понимания мира составляет проекция элементарных человеческих отношений на природу и мироздание в целом. В самом понятии природы отражается представление о порождении. Как и русское слово «природа», греческое «φύσις» и латинское «natura» произведены от глаголов «φύω» и «natao» - «рождать». Собственная активность человека понимается как определенная степень соучастия в родах, как помощь или препятствование им. Могущество сверхчеловеческих сил не исключает возможности активно влиять на них. Для этого используются жертвоприношения или магические действия. Универсальным для всех культур является противопоставление судьбы и свободы. Удельный вес каждого из противоположных моментов существенно различается в разных культурах.

5. Собственность

Понятие собственности основано на бинарной оппозиции «свое-чужое». Три исходными объектами, которые подпадают под эту оппозицию, были люди (или иные живые существа), участки пространства и вещи.

Ценностная окраска, характерная для всех универсалий культуры, в этой оппозиции особенно очевидна. Чем дальше мы перенесем умственным взором в историю человечества, тем яснее предстанет перед нами отождествление «своего» с положительным, хорошим, а «чужого» - с отрицательным, плохим, злым. Латинское слово «hostis» означало одновременно «чужой» и «враг» и только с развитием цивилизации приобрело положительное значение «гость». Самый первый опыт различения «своего» и «чужого» дается каждому человеку еще во младенчестве, когда он радостно тянется к матери и испуганно плачет или отворачивается, увидев чужого, незнакомого человека. Своим является то лицо или объект, от которого исходит благо: питание, тепло, ласка, простое доброжелательство. Чужое воспринимается как потенциальный источник опасностей.

В предыстории общества различение своего и чужого восходит к территориальному инстинкту животных и столь же инстинктивной враждебности к представителям других популяций. Территориальный инстинкт и «порядок клевания» способствуют распространению противоположности «свое-чужое» на отдельные предметы. Чужая территория – это место, в котором существо может подвергнуться ожесточенной атаке со стороны хозяина. Поэтому она потенциально опасна, и пребывание на ней сопровождается ощущением настороженности и стесненности. Такое же ощущение вызывают отдельные объекты, находящиеся на этой территории или же как-то связанные с особью, которая занимает более высокое положение в ранговой структуре. Даже если такой объект очень притягателен, его приобретают с опаской встретить активное сопротивление. В основе феномена собственности лежат два важнейших момента. Во-первых, свое устанавливается естественным фактом рождения (в отношении между

матерью и ребенком). Во-вторых, оно возникает как результат своеобразного «права первого захвата (лат. «*jus primus occupandi*»). Территория или вещь (плод, кость и т.п.) принадлежит тому, кто первый захватил ее. Перейти в другие руки они могут только через конфликт. С появлением артефактов (вещей, созданных человеческими руками) основание собственности смещается с «первого захвата» на производство. Человек владеет той вещью, которую он сделал сам, и тем участком земли, который он предварительно обработал (выкорчевал лес, убрал камни и т.п.).

В человеческом обществе исходные биологические механизмы преобразуются на основе родства. Родство является подлинной универсалией культуры, поскольку народов, которые не признают экзогамии в той или иной форме, обнаружено не было. Род – это своеобразная универсализация материнства – культурного процесса, в ходе которого «мать» превращается в «родину». Отношение, которое установилось между матерью и ребенком, распространяется на достаточно широкий круг людей. Они становятся друг для друга родными, т.е. «своими», несущими взаимную радость и пользу. Благодаря существованию рода как устойчивой социальной единицы, наряду с личной появляется *коллективная* собственность. У народов, занятых преимущественно охотой и собирательством, предметом такой собственности выступают охотничьи угодья; у кочевых животноводов – скот; у земледельцев – возделываемая земля. В личной или семейной собственности находится жилище, сооруженное человеческими руками: землянки или кибитки кочевников. Существование личной и коллективной собственности влечет за собой появление *наследования*. У всех народов мира имущество переходит от родителей к детям, но конкретные черты передачи различаются весьма существенно. Они зависят от системы родства и разделения труда между родовыми и территориальными группами. При матрилинейном родстве дети принадлежат к роду своей матери и получают по наследству определенную роль в общих ритуальных действиях. Но вступая в брак, они, как правило, включаются в разные территориальные общины. Юноши остаются в своей общине, а девушки уходят к мужьям.

Личная и коллективная собственность дополняют друг друга. Коллективное владение позволяет пользоваться одним и тем же объектом (например, родником) многим лицам в равной мере. В этом случае они не стремятся завладеть объектом в ущерб один другому. Но и заботу о нем они склонны передоверять друг другу, поэтому нередко предмет коллективного владения вообще остается без попечения. Предметы личной собственности не могут использоваться другими лицами без особого разрешения обладателя, зато он и заботится о них в полной мере, зная, что никто другой беспокоиться на их счет не станет.

Развитие культуры – это постепенное отодвигание грани, отделяющей «свое» от «чужого». Иными словами, культура развивается через освоение того, что было чужим или «ничейным». Собственность – это, прежде всего, своя территория, участок земли, на котором можно беспрепятственно охотиться, собирать плоды или коренья.

Враждебное отношение к чужому первоначально проявляется в стремлении уничтожить его или удалиться от него как можно дальше. В военных действиях обе стороны убивают врагов. Но постепенно расширяется практика превращения побежденных противников, военнопленных в *рабов*. По социальному положению рабы подобны прирученным животным. Они *работают* на хозяев. Таким образом, «чужое» посредством превращается в «свое». В Древнем Риме, например, рабы становятся даже членами фамилий – расширенных семей, возглавляемых хозяином.

Возможность использовать людей в качестве орудий или инструментов лежит в основе *частной собственности*, понимаемой как средство как средство, с помощью которого одни люди вынуждают работать на себя других людей. Коренное свойство частной собственности состоит в том, что она обладает принуждающим характером, подчиняет себе людей и заставляет их работать на ее собственное возрастание. Такая собственность вырастает из отношений племенного вождя к рядовым соплеменникам. Когда развитие

родо-племенных отношений завершается возникновением государства, альтернативой частной собственности становится *государственная собственность*.

Взаимопереходу «своего» и «чужого» соответствует практика обмена, которую детально исследовали французы М. Мосс, А. Юбер и К. Леви-Стросс. Туземцы, живущие на морском побережье, регулярно обмениваются дарами с жителями леса. В акте обмена свое добровольно становится чужим, а чужое своим. Способность дарить выступает важнейшим показателем социального престижа. Человек, не могущий ответить на дар еще более значительным подношением, клеймится общественным мнением группы как существо жалкое и ничтожное, а потому подлежащее, в крайних случаях, бойкоту. Между различными группами устанавливаются и поддерживаются прочные положительные связи, и «чужое» перестает восприниматься как «враждебное». Более того, по мере усиления культурных запретов «чужое» приобретает статус неприкосновенного, требующего к себе особо бережного отношения. Посягательство на чужую собственность становится преступлением.

Возможность взаимодействия своего и чужого ведет к формированию еще одной чрезвычайно важной универсалии культуры – понятия **справедливости** – некоего оптимального распределения собственности и правильного обмена. Это понятие составляет одну из опор внутренней цивилизации и поэтому более подробно будет рассмотрено позднее.

6. Классификация

Потребность в классификации – мысленном распределении конкретных предметов по группам – возникает, прежде всего, в родственных отношениях. Род как целое может существовать только при наличии таких общих понятий, как «мать», «отец», «сын», «дочь», «брат», «сестра» и т.д. необходимая для родового строя экзогамия возможна только при делении всех людей, по крайней мере, на две группы, внутри каждой из которых будут запрещены браки.

Материалом для классификации послужил язык как элементарная знаковая система. В использовании одного слова как знака для множества отдельных предметов уже заключена возможность распределения по группам. Слово «дерево» позволяет объединить в одну группу все пальмы, баобабы и т.п.

В основе классификации лежит способность *различения*. Одним из самых простых ее проявлений выступает восприятие цветовых различий. Эти различия даны человеку от рождения и одинаковы для всех, исключая патологические отклонения типа дальтонизма или тех, что вызываются болезнью Боткина. Существуют 11 основных или фокусных цветов. 3 из них *ахроматические*: белый, черный и серый, - и 8 *хроматические*: красный, розовый, оранжевый, желтый, зеленый, синий, фиолетовый и коричневый. Культура придает различению цветов символическое значение, подверженное существенным вариациям. Однако и здесь присутствуют универсальные моменты. Они связаны, главным образом, с белым, красным и черным цветами. Иногда к ним добавляется желтый или некоторые другие цвета. Белый цвет служит символом положительного, блага, чистоты, святости; черный – всего противоположного, а красный выражает становление, рождение, переход от одного полюса к другому.

Элементарной схемой классификации является **крест** как наложение друг на друга двух разных бинарных оппозиций. Для группировки предметов выделяется сначала одно свойство¹⁷ - Q_1 , потом другое – Q_2 . Первая дихотомия разделяет предметы на имеющие свойство Q_1 и не имеющие его $\neg Q_1$. Вторая дихотомия разделяет предметы по наличию или отсутствию второго свойства: Q_2 и $\neg Q_2$. В результате получается исходная тетрада:

$Q_1 \quad Q_2$

¹⁷ В русском и некоторых других языках слово «свойство» образовано от «свое» и указывает на прямую связь между универсалиями собственности, родства и классификации

$$Q_1 \neg Q_2 \qquad \neg Q_1 Q_2$$

$$\neg Q_1 \neg Q_2$$

В общественной жизни такими двумя свойствами могут быть, принадлежность к роду («ворона» или «черепахи») и половая принадлежность (мужчина или женщина). Простейшая социальная классификация дает нам 4 социальных группы (категории):

	Ворон-мужчина	
Ворон-женщина	черепаха-мужчина	
	Черепаха-женщина	

Добавление третьего свойства даст группу из 8 элементов и т.д. Этот способ классифицирования может быть распространен на любые объекты действительности: растения, животных, небесные явления и мн.др.

Другой универсальный способ классифицирования основан на принципе медиации (опосредования). Между двумя членами бинарной оппозиции устанавливается центральное, опосредующее и связывающее их звено центральная точка или *средокрестие* в кресте. Так возникает триада – распределение на три группы. Примером могут служить уже называемые ахроматические цвета: *белый – серый – черный*, - или пространственное деление: *верх – середина – низ* и т.д.

Более сложную классификационную систему представлял собой первобытный тотемизм. На языке североамериканских индейцев оджибве слово «ототеман», от которого было образовано понятие «тотем», означает «он принадлежит моей родне»¹⁸. У многих народов мира на определенной стадии развития каждая социальная группа внутри племени и даже союза племен ассоциируется с каким-то видом животных (журавлем, орлом, медведем, лосем – у индейцев), реке – растений (ямсом, кокосовым орехом, хлебным деревом – у аборигенов Полинезии) еще реже – с природным или социальным явлением (громом, приливом и т.п. – у австралийцев).

В такой классификации различия и сходства, которые существуют в природе, используются для обозначения различий и сходств, необходимых для функционирования человеческого сообщества. Тотемические обозначения, с точки зрения К. Леви-Строса, необходимы для того, чтобы установить различные режимы отношения к конкретным лицам. С помощью тотемных классификаций каждый отдельный индивид становится носителем некоторого социального значения, определяемого отнюдь не его личными качествами, но исключительно принадлежностью к группе. Некоторые исследователи пытались выявить связи между тотемной эмблемой группы и нравами ее членов. Имеется в виду, что у людей, чьим тотемом является, например, волк, должны обнаруживаться в поведении какие-то волчьи повадки. Если бы подобная связь существовала, тотемная эмблема была бы своеобразным коллективным прозвищем. Однако связи между тотемным названием группы и поведением ее членов в подавляющем большинстве случаев являются чисто случайными и произвольными, т.е. мы имеем здесь дело с простыми знаками, а не символами. Но в самом классификационном принципе есть тенденция к символизации. В ряде случаев принадлежность к определенному тотему специально подчеркивалась характерными чертами внешнего облика и даже поведения. Например, у индейцев осэдж и омаха для этого использовалась стрижка волос у детей, напоминающая внешние признаки (контуры) тотема; у индейцев саук члены одной группы обязаны были доводить всякое начатое дело до конца, а члены другой группы имели право отказаться от каких-то своих начатых действий¹⁹. Основная роль тотемных классификаций в становлении нравственности сводится к тому, что на их основе складывается *взаимная значимость* различных групп. Не только позиция в системе родственных отношений, но и место лица в более общей структуре родов, кланов,

¹⁸ См.: Леви-Строс К. Тотемизм сегодня// Первобытное мышление. С. 49

¹⁹ См.: Леви-Строс К. Неприрученная мысль// Первобытное мышление. С.247-248

фратрий, признающих данную классификацию, влияет на отношение к нему других людей. Ценность отдельного человека с этого момента включает в себя как составную часть значение его группы в каком-либо религиозном ритуале или общественном разделении труда. Тотемная классификация является не природным, а чисто культурным продуктом. Она вводит значимые различия между людьми там, где они по природе не существуют. Клань – это не естественные, а искусственно сконструированные виды. Для того чтобы различия между ними сохранялись при переходе от поколения к поколению, необходимы специальные средства: особые ритуалы как ценности, воплощенные в действиях, и мифы как идейное обеспечение этих ритуалов.

Тотемическая классификация представляет собой понятийную сетку, на основе которой формируется *мировоззрение*. Как и любая другая сетка, она неизбежно огрубляет действительность: разрушает множество реальных связей между вещами и существами, искусственно устанавливает вместо них другие – воображаемые или предполагаемые. Подобная сетка присутствует во всякой культуре, но расположение ее узлов, образно говоря, рисунок ячеек уникален. От исходного распределения по группам существенно зависит этническое своеобразие культуры в дальнейшем. Постепенно от первоначальной сетки отслаиваются и приобретают самостоятельность другие сетки. Живая природа отделяется от неживой, а социальный мир от природного. Радикально меняются принципы распределения людей по социальным группам. Термин «классы» («classis») восходит к римскому царю Сервию Туллию, который разделил граждан Рима на 5 групп («классов») по имущественному положению. На классы разделяются также животные, растения, минералы и т.д. Наука, как один из самых зрелых продуктов культуры, стремится придать базисной сетке понятий подлинно универсальное, значимое для всех содержание.

7. Оценочные универсалии культуры

Оценочные универсалии прямо указывают на то, к чему следует стремиться и чего избегать. Они образуют шкалу, используемую в различных формах деятельности и соответствующих видах культуры:

Приятное – неприятное,
Истина – ложь,
Польза – вред,
Красота – безобразие,
Добро – зло,
Божественное - демоническое.

Их видовые различия связаны с характером оцениваемых объектов и образцов, эталонов или стандартов, на основании которых производится оценка. Можно выделить гедонистическую, утилитарную, познавательную, эстетическую, моральную и религиозную оценки. Первая и последняя в этом ряду являются полюсами, между которыми расположены остальные. Первая коренится в биологической природе человека, последняя имеет всецело символическое происхождение, вытекает из веры в сверхчеловеческие и сверхъестественные силы, которые задают совершенно особый масштаб положительного и отрицательного.

В *гедонистической* (от греч. «δου→» - «удовольствие», «наслаждение», «приятность»), или чувственной, оценке вещи, ситуации и состояния оцениваются как *приятные* или *неприятные*. Эталон для оценки в данном случае выступает уравновешенное состояние нервной системы или внутренние схемы связи влечений и образов. **Эта оценка представляет собой непосредственную фиксацию субъективной значимости.**

Познавательная, или когнитивная (от лат. «cognitio» - «знание», «познание», «дознание») оценка оперирует противоположностью *истины* и *лжи*. Ее объектом выступают знания, воплощенные в форме представлений, понятий, суждений,

теоретических конструкций и т.п. В познавательной деятельности люди стремятся постичь вещи и явления, как они существуют сами по себе, «на самом деле» и во взаимосвязи друг с другом. Познать ту или иную вещь, значит, отнести ее к соответствующему виду и роду, а самое главное – предвидеть, в каком направлении она будет изменяться. Эталоном для подобной оценки служит уже сложившаяся структура видовых и родовых свойств, количественных и качественных характеристик объектов. **Эта оценка направлена на фиксацию объективной значимости вещей и явлений в чистом виде.** По своей сущности познавательная оценка тем более верна, чем последовательнее она отвлекается от субъективной значимости, выносит ее «за скобки».

Утилитарная (от лат. «utilitas» - «годность», «польза», «выгода») оценка разделяет объекты на *полезные* и *вредные*. Она производится с помощью практического рассудка, который владеет логикой видовых и родовых отношений, применяя ее для установления целей и средств. Соображения выгоды и убытка наиболее распространены в хозяйственной деятельности, в сфере экономики – в том, что составляет «внешнюю цивилизацию». Самым типичным объектом подобной оценки являются вещи: орудия, механизмы, сооружения. Она может распространяться и на живые существа, в том числе на людей, но при этом и те, и другие воспринимаются только как средства, а не как цели сами по себе. **Данная оценка является опосредованным – через рассудочное познание - фиксированием субъективной значимости.** Таким образом, она представляет собой своеобразную надстройку над гедонистической и познавательной оценками, но сдвинута ближе к гедонистической.

Эстетическая (от греч. «αἰσθησις» - «ощущение», «чувствование») оценка воспринимает мир сквозь призму *прекрасного* и *безобразного*. Основными ее объектами оказываются существа, вещи и действия. Уникальность данной оценки обусловлена тем, что средства, предназначенные для фиксации субъективной значимости, используются в ней для установления значимости объективной и наоборот. Ключевую роль в эстетической оценке играет представление о совершенстве. Прекрасным нам кажется существо, совершенное в своем виде и роде. **Эстетическая оценка есть чувственная форма восприятия идеала как предельной значимости.** В качестве таковой она диаметрально противоположна утилитарной. Красота и польза не исключают друг друга в одном и том же предмете, но представляют собой два взаимоисключающих взгляда на один и тот же предмет. Это обстоятельство позволило английскому писателю О. Уайльду в своем художественном манифесте сделать категорический вывод: «Всякое искусство совершенно бесполезно». Общей для эстетической и гедонистической оценки является способность испытывать наслаждение, но природа его коренным образом различается. Эстетический вкус в отличие от «гастрономического» не дан от рождения, но формируется в процессе собственного творчества или потребления продуктов чужой творческой деятельности. Способность различать прекрасное и безобразное опирается на опыт ручной обработки вещей и пользования словом. В обоих видах активности речь идет о соответствии между формой и функцией, намерением и реализацией, материалом и воплощением.

В *нравственной* оценке применяется дихотомия *добра* и *зла*, справедливого и несправедливого, честного и бесчестного, достойного и недостойного и т.п. Объектами этой оценки выступают поступки, намерения, качества и характеры людей, межличностные отношения. Общим свойством этих объектов является объективное социальное значение, способность осознавать и целенаправленно обеспечивать его. **Моральная оценка – это выявление степени соответствия между субъективным и объективным значением поведения.** Добром является максимальным соответствием между этими аспектами значимости; зло - рассогласование между ними.

С одной стороны, моральная оценка более интегральна в сравнении с другими видами, поскольку она включает в себя и гедонистические, и познавательные, и утилитарные, и эстетические моменты как подчиненные. С другой стороны, она более специализирована,

так как направлено только на то, что каким-либо образом связано с человеком. Нравственная оценка по существу является самооценкой – такой идеальной операцией, в которой человек вообще, человечество оценивается свое собственное поведение и все то, что его непосредственно обуславливает.

Стандартом, по которому производится данная оценка, служат нормы – обобщенные и закреплённые традицией правила поведения. Они представляют собой различные схемы совмещения объективного и субъективного значения, иначе говоря, границы внутри которых индивидуальное значение поступков не противоречит социальному значению и, наоборот, значение для других совместимо со значением лично для себя. Все, что находится в этих границах, есть нравственное добро; то, что выходит за них – зло. Двумя фундаментальными источниками добра являются, с одной стороны, способность воспринимать объективную значимость как полностью совпадающую с субъективной, чужой интерес как свой собственный; с другой стороны, стремление к личному совершенствованию – к усложнению и дифференциации собственных способностей и качеств, к гармонизации внутреннего мира. На чувственном уровне устремленность к добру проявляется, во-первых, в сострадании и со-радовании; во-вторых, в чувстве собственного достоинства и своего рода нравственном вкусе, который не допускает делать то, что представляется несовершенным и низким.

Религиозная оценка представляет собой моральную, которая возведена в Абсолют. Масштабом для оценки в религии становится не какой-либо другой человек, а сверхчеловеческое существо – Бог. Интуитивно постигаемый Бог считается источником всякого блага. В наиболее резко выраженных религиозных системах положительно то, что совпадает с волей бога, т.е. является Его, а не моим собственным желанием. Для человека положительное сводится к покорности, а отрицательное – к своеволию, сопротивлению, бунту и предательству. Такова, например, религия ислама, само название которой переводится как «покорность». Возникший на исламской почве *суфизм* отвергает даже малейшую возможность защиты собственного интереса. Как утверждает Рабия аль Адавийя, любить Аллаха можно только ради него самого, а не из страха перед адом или из надежды на райское блаженство: «О Господи, если я служу Тебе из страха перед адом, то спали меня в нем, а если служу я Тебе из надежды на рай, изгони меня из него». В христианской культуре такой крайний вариант оценки представлен Иоанном Дунсом Скоттом.

Во многих религиях источник физического и морального зла мыслится в виде антипода бога, его противника (Сатана в христианстве, Мара в буддизме, Иблис в исламе и т.п.).

В развитии оценочных универсалий культуры наблюдаются две тенденции: дифференцирующая и интегрирующая. С одной стороны, культура движется в сторону уточнения нюансов: выявления различных оттенков приятного, полезного, доброго и их противоположностей. С другой стороны, она стремится к синтезу – совмещению приятного с полезным, прекрасного с добрым, т.е. к достижению ценностного всеединства. В этой разнонаправленном движении происходит перемещение акцентов. В одних культурах на передний план выходит ориентация на пользу, в других – на красоту, в третьих – на моральное добро, в четвертых – святость. Это движение носит волнообразный характер. Достигая пика в движении к одной ценности, культура начинает двигаться в противоположном направлении: от полезного к приятному, от добра к красоте.

Универсальными элементами культуры являются различные формы человеческой деятельности, основанные на этих оценочных понятиях. В систему культуры входят кулинария и эротическая техника, средства организации досуга и развлечений. Представления о пользе легли в основу развития хозяйства, техники и технологии. Познавательная деятельность выражается в развитии способов приобретения, проверки и хранения знаний, в формировании философии и специальных наук. Эстетическая оценка воплощается, с одной стороны, в преобразовании среды обитания человека и его телесного

облика; с другой – в многообразных видах искусства: архитектуре, скульптуре, живописи, музыке и поэзии. Моральная оценка, развиваясь, вылилась в организацию власти, в системы нравственности и права. Взаимосвязь этих универсальных элементов образует целостный организм культуры.

Литература

- Авени Э. Империи времени. Календари, часы и культуры. Киев: София, 1998. С. 11-92
- Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике// Литературно-критические статьи. М.: Худ. лит., 1986
- Биккерман Э. Хронология древнего мира. М.: Наука, 1976. С. 10-74
- Леви-Стросс К. Неприрученная мысль// Первобытное мышление. М.: Республика, 1999. С. 140-171, 218-263
- Леви-Стросс К. Тотемизм сегодня// Первобытное мышление. М.: Республика, 1999
- Хайдеггер М. Искусство и пространство// Время и бытие. М.: Республика, 1993.
- Элькин А.П. Австралийские аборигены// Магический кристалл. Магия глазами ученых и чародеев. М.: Республика, 1992. С. 138-143

ТЕМА 4. Язык и культура.

По мнению многих европейских ученых, на границе между природой и культурой находится язык. Так считали в XVIII в. Иоганн Гердер и Вильгельм фон Гумбольдт, в XIX в. Макс Мюллер и Александр Потемня, в XX в. Эрнст Кассирер, Мартин Хайдеггер и Клод Леви-Стросс.

Язык выступает исходным строительным материалом, из которого культура возводит большинство своих сооружений. Способность к речи как употреблению языка образует демаркационную линию, отделяющую мир культуры от животного царства. Речевой аппарат астралопитеков не приспособлен к членораздельной речи, поэтому они не являются человеческими существами; аппарат неандертальцев пригоден для этой цели, и поэтому они люди.

Практически во всех языках мира слова «язык», «lingua», «γλῶττα» одновременно характеризуют две вещи: соответствующий орган членораздельной речи и знаковую систему, реализуемую посредством речи. У всех народов речь выступает исходной формой языка. Язык это система знаков и правил их кодирования и декодирования, а речь – это использование языка с помощью звуковых сигналов для коммуникации людей. Друг без друга язык и речь существовать не могут.

1. Происхождение языка

С языка начинается тот вид культуры, который мы, следуя А. Веберу, определили как внутреннюю цивилизацию. Но это его значение не исчерпывается, поскольку и внешняя цивилизация и собственно культура получают жизнь благодаря языку. Социофакты предшествуют артефактам и ментифактам.

Речь и язык возникают, взаимно дополняя друг друга, как орудия общения. В их основе лежит потребность влиять на действия другого человека или группы людей. В лингвистике, науке о языке, существуют две различные версии возникновения первых слов: экспрессивная и коннотативная.

1. *Экспрессивная* (от лат. «expression» - «выражение») гипотеза предполагает, что речь порождается потребностью выражения эмоций: страха, боли, радости, гнева и т.п. Первыми возникают речевые акты, которые непосредственно выражают самые простые и сильные движения души. В современном строе языка такие элементы называются междометиями («ах», «ой», «ух» и т.п.).

2. *Коннотативная* (от лат. «*connotatio*» - «связь», «соединение») версия утверждает, что первые слова возникли как средства побудить к определенным действиям или привлечь внимание к определенным предметам. Исходными «кирпичиками» языка выступают имена людей, к которым обращаются за помощью или с предостережением, и предметов, на которые желают обратить внимание других («мама», «мамонт» и т.д.), и глаголы императивного наклонения, типа «дай», «иди», «ложись», «встань» и др. Желая привлечь внимание другого человека к какому-либо объекту: действию. Предмету или существу, субъект стремился издавать звуки, характерные для этих объектов.

Вторая гипотеза представляется более весомой, потому что она связывает появление речи с произвольными действиями человека, тогда как выражение эмоций является непровольным, стало быть, не нуждается в особой знаковой системе. Выражения боли, ужаса, досады, восторга в непровольных восклицаниях не считается речью в собственном смысле. Но еще более вероятным можно считать происхождение языка из своеобразного синтеза экспрессивной и коннотативной сторон. Человеческий младенец появляется на свет с криком. Вследствие своей совершенной беспомощности он может выжить только при содействии другого человека, в первую очередь – матери. Крик, в котором выражается чувство голода или боли, является первоначально единственным способом влиять на ситуацию, единственной формой активной связи с внешним миром. Постепенно в этом призывном крике нарастает момент *произвольности*. Из выражения внутренних ощущений он превращается в орудие управления ситуацией. Первым проблеском речи в собственном смысле выступает разрыв связи между внутренним ощущением и звуковым сигналом: когда ребенок кричит не потому, что голод доставляет ему неприятность, а зовет мать, выражает желание, чтобы она приблизилась к нему. Самые простые речевые акты имеют форму «желание – имя» или «имя – действие». При этом желание может быть выражено только интонацией, например, «мя!» («хочу мячик!»).

Становление языка связано с социальной иерархией через речевые категории *приказа* (запрета), *просьбы*, *обещания* и *совета*. **Приказ**, так же, как и его отрицательная форма, запрет представляет собой прямую форму чьего-либо волеизъявления без явного указания на ценностные основания требуемого или запрещаемого действия. В становлении языка запрет, по всей вероятности, предшествует приказу. Английский лингвист Майкл Даммит в свое время обратил внимание на то, что фундаментальным понятием, необходимым для отдачи приказа как лингвистического акта является понятие неповиновения, а понятие подчинения производно от него. Равным образом, утверждение производно от исключения определенных возможностей²⁰. Наиболее правдоподобно допущение, что первым употреблением речи была зачаточная форма запрета – попытка криком остановить чужое враждебное действие. Крик боли может быть понят как бессознательное стремление заблокировать чью-то разрушительную активность. По крайней мере, остановка уже разворачивающегося действия более элементарна, чем вызывание желаемого действия. Если подобное допущение верно, то речевой приказ следует понимать как дальнейшее развитие запрета, как расширенный запрет, распространяемый на все, кроме требуемого действия. Приказ – это некое *предварение* насилия, которое может обойтись без того, что оно предваряет, если требуемое действие будет выполнено. Таким образом тот, кто считает себя более сильным (занимает доминирующее положение в социальной иерархии), навязывает свою волю тому, кого он считает более слабым и рассматривает как находящегося на одну или несколько ступеней ниже. Существенным культурным шагом в запрете-приказе является, собственно говоря, только эта задержка насилия, превращение его из актуального в потенциальное.

В **просьбе** ценностный момент выражен сильнее, хотя и в неявной форме. Приказ не оставляет альтернативы, возможности действовать по-другому. В этом плане положительное требование является даже более жестким, чем запрет, ведь последний за

²⁰ См.: Даммит М. Что такое теория значения?// Философия, логика, язык. М.: Прогресс, 1987. – С. 196

пределами запретного может оставлять весьма обширную область. Просьба не исключает альтернативы, наоборот, она ее молчаливо предполагает. Проситель как бы указывает партнеру, что в силах последнего сделать или не сделать нечто, но сделать – это лучшая для него, просителя, возможность. В форме просьбы полагается действие, ценное для того, кто высказывает просьбу, и одновременно особая значительность того лица, к которому обращаются. В архаических формах просьбы слова соединялись с ритуальным жестом. Проситель прикасался рукой к подбородку просимого, вероятно, подчеркивая таким образом его достоинство. Последовательность терминов: «просьба» - «мольба» - «молитва», - выражает нарастание сакрального содержания, обусловленное возвышением значимости того лица, которое просят.

Приказ и просьба требуют различных речевых способностей. Приказывающий имеет возможность говорить кратко и не стеснять себя в выборе выражений; проситель же вынужден пользоваться только такими словами и оборотами, которые не задевают статуса того, у кого он просит, и наоборот всячески возвышают его. По неволе ему приходится быть многословным. Поэтому просьба дает больший простор для развития речи. Нравственная ущербность просьбы, ее теневая сторона заключается как раз в том, что проситель выставляет себя в качестве принадлежащего к более низкому социальному рангу. Он как бы демонстрирует малость своего достоинства. Клеймо “попрошайки”, человека, живущего подаяниями, за редким исключением имеет сугубо негативный смысл. Лишь в мировых религиях, начиная с буддизма, жизнь нищенствующего монаха становится образцом для подражания.

Односторонность просьбы преодолевается **обещанием**. Просьба и обещание логически связаны друг с другом. В ответ на испрашиваемое благо проситель словесно формулирует какое-то собственное действие, обладающее положительным значением для того, к кому обращена просьба. Обещание, таким образом, восстанавливает равновесие, нарушенное выполненной просьбой. Взаимное обещание обеих сторон представляет собой *договор* – одно из самых фундаментальных явлений социальной жизни. В обещании альтернативность приписывается тому, от кого она исходит.

Совет также предполагает альтернативу, а то и целый спектр различных возможностей. В этой форме коммуникации акцент смещается с ценности полагаемого действия для того, кто его высказывает, на его ценность для того, кому предназначен совет. Другое лицо делается масштабом оценки.

Способность давать совет высоко ценилась в архаических обществах. Эпический поэт Гесиод объявлял умение советовать мерилом нравственного достоинства человека:

Тот – наилучший меж всеми, кто всякое дело способен
Сам обсудить и заране предвидит, что выйдет из дела.
Чести достоин и тот, кто хорошим советам внимает.
Кто же не смыслит и сам ничего из чужого совета
К сердцу не хочет принять, - совсем человек бесполезный.
(Труды и дни, 293-297, пер. В. Вересаева).

Дальнейшая культурная эволюция совета ведет к образованию специфических речевых жанров: пословиц и изречений. В первых выражается дух народа, коллективный жизненный опыт; во вторых – мудрость философов. Изречения семи греческих мудрецов по праву считаются фундаментом античной этики. Они положили основу особому литературному жанру – дидактической и гномической поэзии (Солон, Теогнид, Фокилид). Чтобы повысить назидательную силу изречений, правители эллинских полисов украшали ими фронтоны храмов. Наследницами греческих житейских советов являются знаменитые евангельские “логи” – речения Христа – нравственные наставления, предваряемые словами: “Я же говорю вам...”. В них заключена квинтэссенция христианской морали.

Речевое общение предполагает и создает для себя специфические средства, производит определенные изменения в психической и социальной реальности. Рассмотрим сначала социальный пласт. Феномен приказа и просьбы, очевидно,

предполагает как условие неравенство социальных статусов, т.е. *социальную иерархию*, отношения господства и подчинения. Приказ – это коммуникативная форма, посредством которой доминирующий субъект добивается желательного ему поведения от подчиненного субъекта. Эффективность приказа обеспечена реальной силой, какой располагает господин. Просьба – это изначальная форма, с помощью которой подчиненный добивается желательного поведения от доминирующего субъекта. По отношению к приказу (а точнее сказать, к запрету) она вторична. Обращаясь с просьбой, подчиненный субъект как бы выражает свою готовность повиноваться приказу и выставляет просимое как ответ на эту готовность.

Обещание и совет основаны, наоборот, на отношениях *равенства*. Свою подлинную стихию они находят в общении двух независимых друг от друга социальных групп или лиц, стоящих на одной ступени в социальной иерархии. Уже в просьбе есть неявное полагание *взаимности* (“Дай за то, что я тебе подчиняюсь”), а в обещании она выходит на поверхность и составляет реальную опору связи. Злодеяние влечет за собой отмщение, неспособность или нежелание выполнить обещанное – разрыв связей или низведение на более низкую социальную ступень. Общественные истоки советы еще более явны. На любом перепутье возникает разногласие и необходимость выбрать из нескольких голосов наилучший. На первоначальных этапах социальной организации – это нечто вроде совета старейшин.

Во внутреннем пространстве человеческой души приказ формирует понятие о *запретном* и склонность к повиновению; просьба – душевную отзывчивость; обещание – верность слову и доверие; совет – как способность взвешивать намерения и последствия, принимать решение.

Но простейший анализ показывает, что ни приказ, ни просьба, ни обещание не мыслимы при отсутствии у адресата той способности, которая называется «произволение». Совет обладает самой высокой степенью произвольности. Во-первых, его дают только в тех ситуациях, когда человек оказывается перед сложным выбором; во-вторых, выбор касается и самой подачи совета: его можно давать и не давать (воздерживаться от суждения). Для подачи совета необходимо размышление над обоими аспектами выбора: советовать ли вообще и что советовать. Но и приказ ведь делает определенной ту ситуацию, которая до его получения представляла собой перепутье. Тем не менее, ничего специфически культурного в приказе самом по себе нет. Собаки и другие одомашненные животные тоже выполняют словесные команды. По всей вероятности, человек вступает в сферу культуры в той точке, где он приобретает способность приказывать самому себе.

Решающая роль *слова* в формировании данной способности представляется нам очевидной. Приказывать самому себе значит либо останавливать уже начатое действие, либо запускать какое-то другое, противоположное тому, которое вызывается органическими влечениями. Останавливать свои действия и менять их противоположными могут, как уже отмечалось, и животные²¹. Но поводом для подобного изменения у них служит всегда только внешний фактор: изменение ситуации или сигнал, поступивший от хозяина. Тот, кто подчиняется внешнему фактору, не может быть свободным, т.е. хозяином самому себе. Культура появляется на свет как результат наращивания внутренней активности. Она вспыхивает вместе с первыми проблесками **свободы воли**, когда человек оказывается способным сам, по своей инициативе, прекратить действие и начать его. Не страх, не гнев, не голод, не половое влечение, а нечто иное, лежащее вне этого ряда, начинает определять его поведение. Это, собственно, возможно только тогда, когда возникает принципиально новая, неестественная

²¹ Более того, звуковая сигнализация животных включает в себя зачатки как оценочной, так и повелительной функций языка. Животные своими криками могут оценивать действия другой особи и детерминировать чужие действия (См. об этом: Алексеев В.П. Становление человечества. М.: Политиздат, 1984. – С. 184)

значимость предметов действительности. Человек создает эту значимость сам, хотя и не как отдельный индивид, а как конкретно-историческая общность людей – полис или этнос в интересующем нас промежутке истории. Средством сохранения и распространения такой значимости служит $\gamma\lambda\alpha\tau\tau\alpha$ - естественный язык как универсальная знаковая система. Слово “создает” в данном случае будет не совсем точным. Речь идет о каком-то деянии, лежащем посередине между творением и открытием. Это деяние не является творением в полном смысле, потому что ни один человек создать язык не способен. Самое большее, что он может сделать – ввести в оборот несколько новых слов. Преимущественная деятельность индивида в отношении к языку – это узнавание значения слов, иногда – установление новых связей между ними. Однако, рассматриваемое деяние не является и открытием в строгом смысле, ибо открыть можно только то, что уже существует, но пребывает в потаенности. Язык же *устанавливает новые связи* между предметами, т.е. не только находит тайные, забытые тропы, но и прокладывает новые. Деятельность языка можно понять как установление связей между людьми, осуществляемое всеми участвующими сторонами, как если бы лесные жители прорубались сквозь чащу из своих изолированных жилищ для встречи друг с другом.

Связь между звучанием слова и его значением является предметом дискуссии. Здесь тоже имеются две полярные гипотезы:

1) *конвенциональная* (от лат. «conventio» - «договор», «соглашение») предполагает, что слова в каждом языке возникают произвольно, случайно и закрепляются путем конвенции. У многих слов нет ни малейшего сходства между тем, как они звучат, и тем, что они означают. В пользу этой гипотезы свидетельствует также факт множественности языков, каковых в мире существует от 4,5 до 6 тысяч.

2) *миметическая* (от греч. «μῖμῆσις» – «подражание») утверждает что слова в языке возникают не случайно, а естественным путем, на основе мимесиса, а именно, звукоподражания, и в них выражается сущность обозначаемых предметов. В пользу этой гипотезы говорит существование лингвистических универсалий – общих моментов в лексике и грамматике. Действительно, в любом языке немало звукоподражательных слов. В русском, например, это «жужжание», «свист», «писк», «кукушка» и т.п.

По современным научным представлениям, и та, и другая гипотезы односторонни. Основной массив слов во всех языках имеет конвенциональное происхождение, но в каждом языке есть определенное количество слов, основанных на звукоподражании. Язык как сложная система – это не подражание природе и не результат договора, а знаковая деятельность, разворачивающаяся спонтанно и выполняющая одновременно несколько совершенно разных функций. Из множества звуковых комбинаций в реальном языке избирается ограниченное число таких, которые с наибольшей полнотой, точностью и удобством могут передавать информацию от одних людей к другим, сохранять ее в течение необозримого времени и устанавливать новые связи между отдельными ее элементами.

Процесс естественного возникновения языка называется «**глоттогенез**». Древнейшая речь, состоящая из отдельных слов-предложений, появилась, как считают некоторые ученые, в эпоху среднего палеолита. По гипотезе русского культуролога Вяч. Вс. Иванова, примерно 100 000 лет назад у вида *Homo sapiens* возник единый праязык, который со временем разделился на две общности: *ностратическую* и *неностратическую* (буквально «нашу» и «не нашу»). В конце верхнего палеолита, около 15 000 лет назад из ностратической общности выделились крупные языковые семьи, показанные в таблице:

№	макросемья	семьи или группы	языки	ареал
1	индоевропейс	.хетто-лувийская	хеттский, лувийский, ликийский	Малая Азия

		индо-арийская	хинди, урду, бенгали, маратхи, гуджарати, панджаби; цыганский	Индия и др.
		иранская	персидский, таджикский, фарси, пушту, белуджский, курдский, осетинский, татский, талышский, ягнобский	Средняя Азия, Кавк
		греческая	древнегреческий, новогреческий	Греция, Кипр
		италийская	латинский, латинский, оскский, умбрский, фалискский	Древний Рим
		романская	испанский, португальский, каталонский, галисийский; французский, окситанский; итальянский, сардинский; румынский, молдавский	Юго-западная Евро
		кельтская	галльский, кельтиберск ирландский, мэнский, гэльский; валлийский, корнский, бретонский	Северо-западная Е Европа, Британские о-
		германская	готский; шведский, датский, норвежский, исландский, фарерский; английский, немецкий, идиш, нидерландский, фризский, африкаанс	Северо-западная Е Европа, Британские США, Канада, Австралия, Но Зеландия, ЮАР
		балтийская	прусский, ятвяжский; литовский, латышский	Прибалтика
		славянская	русский, украинский, белорусский; польский, лужицкий, чешский, словацкий; болгарский, македонский, сербскохорватский,	Восточная и Юго-вост ная Европа, Северная Евразия

			словенский	
2	иберийско-кавказская	картвельская	грузинский; мегрельский, чанский; сванский	Грузия
		абхазско-адыгская	абхазский, абазинский, адыгейский, кабардино-черкесский, убыхский	Северный Кавказ
		нахско-дагестанская	чеченский, ингушский, бацбийский; аварский, андийский, ботлихский, годоберинский, каратинский, ахвахский, багвалинский, тиндинский, чамалинский; цезский, хваршинский, гинухский, бежитинский, гунзибский; даргинский; лакский; лезгинский, табасаранский, агульский, рутульский, цахурский, крызский, будухский, хиналугский, арчинский, удинский	Северный Кавказ
3	дравидийская	южная	тамильский, малаялам, кота, тода, кодагу, каннада	Южная Индия
		юго-восточная	телугу	шт. Андхра-Прадеш, Тамилнад и Карнатака в Индии
		юго-западная	тулу, корага, беллари	шт. Тамилнад
		центральная	колами, найки, парджи, гадаба	Южная Индия
		гондванская	гонди, конда, куи, куви, пенго, манда	Южная Индия
		северо-западная	курух, малто	Южная Индия
		северо-восточная	брагуи	Пакистан, Афганистан Иран

4	уральская	финно-угорская	финский, ижорский, карельский, вепсский, водский, эстонский, ливский; саамский; мокша, эрзя, марийский; удмуртский, коми; венгерский, хантыйский, мансийский	Финляндия, северо-запад России, Среднее Поволжье, Северный Урал и Зауралье, Венгрия
		самодийская	ненецкий, энецкий, нганасанский, селькупский	Архангельская и Тюменская обл., Красноярский кр.
5	алтайская	тюркская	чувашский; туркменский, гагаузский, азербайджанский, турецкий; караимский, кумыкский, карачаево-балкарский, татарский, башкирский, ногайский, казахский, каракалпакский; уйгурский, узбекский; тувинский, якутский, хакасский, шорский	Восточная Сибирь, Поволжье, Средняя Азия, Закавказье и Кавказ Турция, Крым, Молдавия
		монгольская	монгольский, бурятский, калмыцкий; дунсянский, монгорский, баоаньский	Монголия, Бурятия, Калмыкия, Северный Китай
		тунгусо-маньчжурская	эвенкийский, эвенский, негидальский, солонский; нанайский, ульчский, орокский, ороцкий, удэгейский; маньчжурский, чжурчжэньский	Восточная Сибирь, Приморье, Северо-восточный Китай

Сейчас эти ностратические языковые группы составляют более половины населения земного шара.

Состав неностратических языков показан в следующей таблице макросемей:

6	семито-хамитская (афроазийская),	семитская	аккадский; иврит, арабский, альтийский; мехри, шхаури, окотри; тигре, тиграи, амхарский, аргобба	Ближний Восток
		египетская	древнеегипетский, коптский	Египет
		чадская	хауса, ангасский, боле; логоне, котоко, марги, бата, хиги, мандара, мусгой, матакам, гидер, музгу, масса; сомрай, сокоро, муби	Западная Африка
		кушитская	бедауйе; афар, сахо, сомали, бони, байсо, рендилле, оромо, бурджи-сидамо, консо, гидоле, арборе, гелеба, могогодо; омето, каффа; ираквский, араманикский	Судан, Эфиопия, Джибути, Египет, Сомали, Кения, Танзания и др.
7	сино-тибетская	китайская	китайский	Китай
		тибето-бирманская	тибетский, бирманский, качинский	Тибет, Бирма
8	конго-кордофанская	нигеро-конголезская	манде, гур, ква, камбари, катаб, биром, джукун, ибибио, тив; суахили, кикуйю, рунди (кирунди), лингала, луба, луганда, коса, зулу, кимбунду, шона, свази, тсонга, адамауа	Центральная и Западная и Южная Африка
		кордофанская	коалиба, тегали, талоди, тумтум, катла	Судан
9	австроазиатская	вьетмыонгская	вьетнамский	Вьетнам
		семанг-сакай	семанг	Малайзия, Таиланд
		мон-кхмерская	кхмерский, монический, пеарический, бахнарический, катуический, кхмуический, палаунг	Южный Китай, Северо-Восточная Индия, Никобарские о-ва, Кампучия
		мунда	кхервари, мундари, курку, кхариа, савара, джуанг, гадаба	шт. Бихар, Орисса и Зап. Бенгалия в Индии
		кхаси	кхаси	шт. Мегхалая в

				Индии, Бангладеш
10	американская	на-дене	хайда, тлингит, эяк, атапаскский	о-ва Королевы Шарлотты и Юж. Аляски, Аляска, Британская Колумбия
		алгонкино- вакашская	алгонкинский, ритванский, селишский, вакашский	Калифорния, Ньюфаундленд
		пенутианская	мивок, костаньо; такелма, калапуя, кус, якона и чинук	Калифорния, Орегон
		хокальтекская	шаста, карок, яна, помо, юма, салинский, сери, вашо, текистлатек, тлапанек, коавильтекский	шт. Калифорния в США, Мексика
		ирокезская	ирокезский, эри, сенека, онеида, тускарора, могавк, гурон, чероки	шт. Нью-Йорк и Оклахома в США, Канада
		сиу	дакота, ассинибойн, омаха, канса, айова, виннебаго, манданский, хидатса	Северные штаты США, Канада
		юто-ацтекская	таракаита, хопи, зуньи, нумич, пима, тюбаталабаль	Шт. Аризона, Нью-Мексико, Мексика
		майя-киче	юкатекский, чоль, цельталь; мам, киче, кекчи, поком	Мексика, Гватемала, Гондурас
		отомангская	отоми, масауа, паме, чичимек-хонас, матлатцинкский, окуилтекский; пополокский, искатекский, чочо, масатекский; миштекский, куикатекский, трик; амусго; чинантекский	Мексика
		чибчанская	гуатусо, таламанк, куна, чибча, паэс, рама, гуайми, мотилон	Южная и Центральная Америка
		аравакская	локоно, гуахиро, островной карибский, майпуре, ачагуа, ипурина, таино, пиро, мохо, пареси.	Колумбия, Венесуэла, Вест- Индия

		кечуа-аймара	кечуа, аймара	Перу, Эквадор, Боливия
		же	каинганг, канела, суя	юго-восток Бразилии
		тупи-гуарани	тупи, гуарани, юруна, арикем, тупари, рамарама, монде и пурубора.	Парагвай
11	австронезийская	индонезийская	индонезийский, малайский, яванский, сунданский, тагальский, малагасийский.	Индонезия, Малайя, Филиппины, Мадагаскар
		полинезийская	тонганский; самоанский; маорийский, гавайский, таитянский	Тонга, Самоа, Новая Зеландия, Таити, Гавайские о-ва
		меланезийская	фиджийский, мота, моту, маилу, амфлеттанский, добуанский, киривинский	о-ва Фиджи, Добу, Тробрианы, Амфлетт
		микронезийская	сонсорол, яп, трук, понане, маршалльский	Каролинский и Маршалльский арх.

Кроме этих макросемей существует несколько малочисленных семей и отдельных, изолированных языков, типа нивхского, айнского и др., родственные связи которых покрыты совершенной тайной.

В целом процесс глоттогенеза завершился и новые естественные языки больше не возникают. Зато на рубеже XIX-XX вв. распространилась мода на изобретение искусственных языков. Первым в этой семье искусственных знаковых систем стал *волапюк*. В 1880 г. его создал посредством упрощения английского языка швейцарец И.М. Шлейер. Язык *эсперанто* предложил в 1887 г. польский врач Л. Заменгоф (псевдоним – Doctor Esperanto). На его основе в 1907 г. Л. де Бофран сконструировал язык *идо*. Однако ни одна из этих попыток не дала сколько-нибудь признанных результатов. Бедность искусственных языков не обеспечивает полноценного культурного диалога. Для возникновения языка необходима живая и достаточно массивная общность людей, в которой происходила бы реальная повседневная коммуникация, причем не только обмен информацией, но и ее производство. Язык живет до тех пор, пока люди не только говорят но и мыслят на нем.

Не становится языком и так называемый «жаргон» («арго») - словесная знаковая система, которая используется представителями какой-либо социальной группы (например, уголовного мира) для того, чтобы отделить себя от представителей других групп. Как правило, в жаргоне происходит упрощение и обеднение языковых средств.

2. Строение и сущность языка

Любой естественный язык является знаковой системой, которая минимумом средств может выразить неограниченное содержание. Он возникает на естественно-биологической основе, но от жестовой и звуковой сигнализации животных отличается *членораздельностью*.

Французский лингвист Андре Мартине разделил элементы языка в двух плоскостях на:

- *значимые* элементы - слова и предложения;
- *незначимые* – слоги и звуки.

Отдельные звуки, как и слоги, сами по себе не означают ничего. Они выполняют различительную функцию, служат только материалом, из которого путем комбинирования по определенным правилам создаются значимые единицы: слова и предложения. Сигнализация животных разделяется только в одной плоскости – на значимые единицы.

Соединение значимых единиц в языке происходит двумя различными способами. С этим связано различие двух языковых планов. Начиная с Фердинанда де Соссюра, лингвистика различает в языке синтагматический и систематический (или парадигматический) планы. $\Sigma/\nu\tau\alpha\upsilon\mu\alpha$ означает “строй”, “то, что построено вместе”. Синтагматический план языка обращен непосредственно к реальности как потоку событий. Связь слов в высказывании определяется реальной или воображаемой связью обозначаемых ими предметов в пространстве и времени. Парадигматический план существует вследствие того, что любой язык представляет собой целостную систему, в которой слова координированы и субординированы друг с другом. В специальном лингвистическом смысле $\pi\alpha\rho\delta\epsilon\iota\upsilon\mu\alpha$ – это список флексий слова, взятого в качестве модели. С помощью таких моделей устанавливается грамматическое соответствие однокоренных слов. Кроме того, имеются и семантические парадигмы, которые противопоставляют слова по смыслу или соподчиняют их, напр., “добро” и “зло”, “зло” и “порок” и т.п. Если синтагматический план выражает событийную структуру действительности, то парадигматический – структуру ее отношений. Высказывание “все критяне лжецы” принадлежит к синтагматическому плану, а “ложь – порок” – к систематическому. Благодаря последнему язык не только описывает реальность, но и является средством ее классификации²².

Глава копенгагенской лингвистической школы Луи Ельмслев выделил в языке план *выражения* и план *содержания*. Первый включает в себя правила, по которым соединяются друг с другом не значимые элементы языка: звуки, слоги и т.д. Второй относится к значениям слов и предложений. Двум разным объектам в плане содержания может соответствовать один термин в плане выражения. Например, инструмент для срезания травы и сплетенные волосы могут называться одним словом «коса». И наоборот, одно значение может выражаться разными словами: «бегемот» и «гиппопотам».

Звуки делятся на *согласные* и *гласные*. В различных языках количество звуков колеблется от одного десятка до нескольких: в гавайском языке, например, 5 гласных и 6 согласных; в абхазском – 2 гласных и 68 согласных. Кроме того, различаются звуки долгие и краткие, ударные и безударные, звонкие и глухие, твердые и мягкие и т.д. В китайском и вьетнамском языках значение слова определяется не только входящими в него согласными и гласными звуками, но и тональностью, в которой произносится данное слово. В живой разговорной речи всех народов огромную роль играет интонация. Многие женщины могут произносить слово «нет» так, что оно означает «да».

Звуковая сторона языка называется **фонетикой**, словесная – **лексикой**; строение слов, их связь и порядок в предложении – **грамматикой**, которая в свою очередь делится на **морфологию** и **синтаксис**.

В самых развитых языках насчитывается от 400 до 500 тыс. слов. Но в реальном общении используется только незначительная их часть. 50% лексики бытовой разговорной речи составляет примерно 150 слов.

Грамматика обеспечивает связь слов в *предложении*. Одним из важнейших грамматических средств являются флексии – изменения в звучании и написании слов,

²² Различие синтагматического и парадигматического планов иллюстрируется античной ордерной системой. Соединение колонны и архитрава в дорическом архитектурном ордере – это аналог синтагмы, отношение дорического ордера к ионическому и коринфскому – парадигмы. - См.: Барт Р. Основы семиологии// Структурализм: «за» и «против». М.: Прогресс, 1975. С. 140.

например, использование различных окончаний. Одна из самых простых флексий – падежи имен существительных и прилагательных. Флексии не меняют значения слова. Судьба есть судьба, независимо от того, стоит ли она в именительном, родительном или дательном падеже. Меняется характер отношения между теми объектами, о которых говорится в предложении. С помощью флексий передается определенная информация о свойствах объектов и отношениях между ними. Классическое предложение: «Глокая куздра штеко будланула бокра и курдячит бокренка», - является грамматически правильным, но кроме соединительного союза «и» не содержит в себе ни одной лексической единицы русского языка.

Иным грамматическим средством выступают вспомогательные слова: предлоги, союзы, частицы, вспомогательные глаголы. Предлог «в» или частица «не» самостоятельного значения не имеют и могут использоваться в речевом отношении изолированно от других слов. Они служат только для выражения различной связи слов в предложении.

По своему строю языки существенно отличаются друг от друга. В древнеиндийском санскрите, например, большое количество флексий при чрезвычайности ограниченности частиц. В английском, наоборот, флексий крайне мало, зато в изобилии представлены предлоги, частицы, вспомогательные глаголы. В китайском языке флексии отсутствуют вообще, поэтому исключительно важен порядок слов в речи, иероглифов в тексте. Отсутствие флексий дало повод некоторым лингвистам считать китайский язык аномальным отклонением. В древнегреческом и русском языках, где достаточно много и флексий и частиц, порядок слов может свободно изменяться, подчиняясь чувствам и намерениям говорящего, совершенно не затрагивая при этом смысла.

По грамматическому строю языки делятся на **аналитические**, практически не имеющие флексий и вспомогательных средств, и **синтетические**, располагающие достаточным их количеством. Синтетические языки, в свою очередь, делятся на агглютинирующие, флектирующие и инкорпорирующие. В первых к неизменяемой корневой основе добавляются аффиксы (окончания и приставки). Во вторых изменяются не только аффиксы, но и корень. В третьих из множества неизменяемых корней составляются большие комплексы. Самыми простыми считаются языки инкорпорированного строя. В них отсутствует четкое разделение частей речи и членов предложения. Целое предложение может состоять из одного сложного слова. В языке сибирского народа юкагиров, к примеру, употребляется слово «кориедиленбунил», которое объединяет слова «волк», «олень», «убивание» и может быть переведено как «волк убивает оленя». Подобного рода слова-предложения строятся исключительно по синтагматическому принципу, объединяя друг с другом предметы и действия, смежные во времени и пространстве.

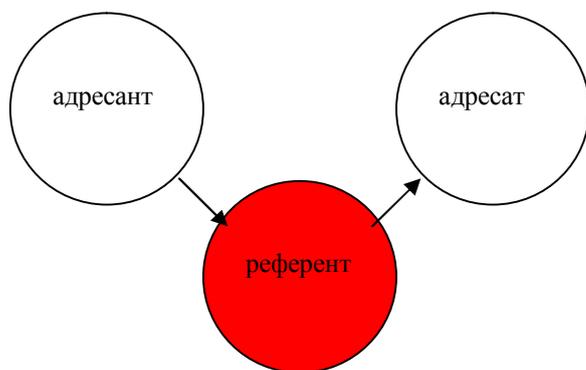
Социальная сущность языка раскрывается через его функции. Они наиболее полно выделены Пражской лингвистической школой. Представители этой школы (В. Матезиус, Я. Мукаржовский, Н. Трубецкой, Р. Якобсон и др.) выделяют в языке две стороны: практическую и теоретическую. Иначе, но близко по смыслу практическая и теоретическая стороны называются коммуникативным (конативным) и когнитивным (мыслительным) его аспектами.

Практическая сторона реализуется в коммуникации и включает в себя три функции:

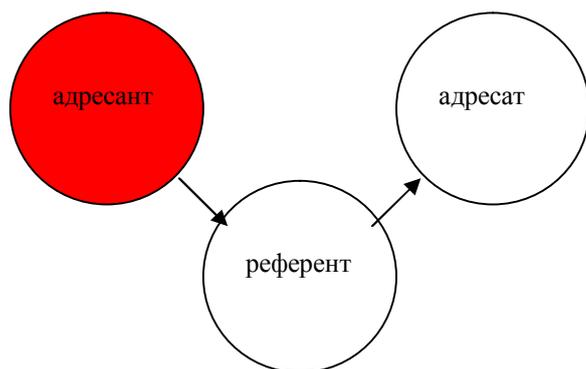
- 1) *референтную* (передача информации о предмете общения),
- 2) *экспрессивную* (выражение собственных чувств и эмоций),
- 3) *импрессивную* (влияние на состояние адресата: чувства и поступки других людей).

Р. Якобсон добавляет к этим трем функциям еще две – *фатическую* и *поэтическую*. Фатическая функция (от греч. φᾰσις – «утверждение», «подтверждение») призвана начать и поддержать коммуникацию. Только эта функция, по его мнению, является общей и для

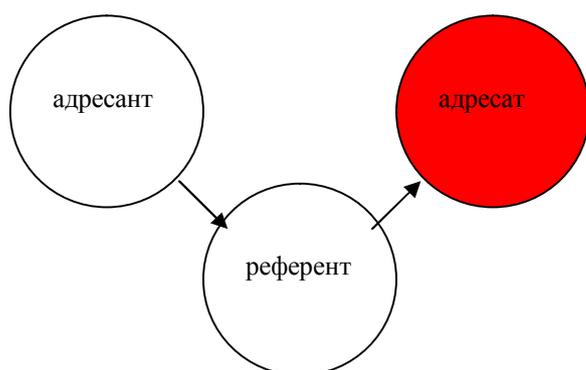
людей и для животных. Именно она побуждает попугаев произносить свои тирады. С нее начинается освоение языка детьми: “стремление вступать в коммуникацию появляется у них гораздо раньше способности передавать или принимать информативные сообщения”²³. Поэтическая функция предполагает использование языка и речи исключительно ради удовольствия, которое доставляет совершенное владение ими. Различие практических функций языка обусловлено особыми акцентами в структуре коммуникации: в отношении между адресантом (тем, кто посылает речевое сообщение), адресатом (тем, кому оно посылается) и референтом (предметом сообщения). В первой функции доминирует референт, т.е. главным является содержание сообщения:

В экспрессивной функции важны только переживания адресанта:

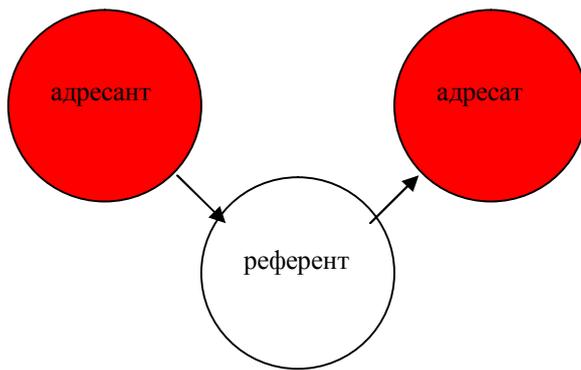

В импрессивной функции, наоборот, важен строй переживаний адресата:

В фатической функции референт вообще не имеет значения, важно только поддержание связи между адресантом и адресатом:

²³ Якобсон Р. Лингвистика и поэтика// Структурализм: «за» и «против». М.: Прогресс, 1975. С. 201

В поэтической функции акцент перемещается с содержания на *форму* сообщения.

Теоретическая сторона также выражается в трех функциях:

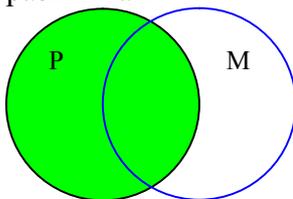
1. *номинативной* (именование словами предметов мышления),
2. *конструктивной* (обеспечение логического мышления),
3. *аккумулятивной* (накопление знаний в лексике и грамматике).

В целом сущность языка выражается в том, что он обеспечивает общение между людьми, мышление и познание мира. еще в XVIII в. В. фон Гумбольдт понял, что язык является не готовым, застывшим продуктом, а творческой деятельностью человеческого духа. Овладеть языком – это не значит выучить все слова и грамматические правила их соединения. Главная – непрерывная работа по выражению мысли и чувства в слове. Облачение мысли в слово самая простая и доступная человеку форма творчества. Именно с него начинается жизнь духа. “Все функции духовной жизни человека основаны на его способности говорить вслух или про себя. Язык – выражение свободы от заданной ситуации и ее конкретных требований. Он дает человеку универсалии, с помощью которых он может творить миры над заданным миром технической цивилизации, а также духовное содержание”²⁴. Формируясь как средство общения между людьми, язык становится фундаментом развития человеческого в человеке.

3. Язык и мышление

Когнитивный (мыслительный) аспект языка требует особого рассмотрения. Греческий «λογος» означает одновременно и «слово», и «мысль». Стало быть, уже в глубокой древности люди осознали, что мышление развивается в языке и через слово. Язык выполняет роль посредника между *знаком* и *мыслью*. Он объединяет их путем одновременного расчленения. Какофония звуков превращается в членораздельную речь, а диффузные, расплывчатые представления – в четко определенные понятия. На определенном этапе развития человека в филогенезе и онтогенезе слово и мысль соединяются друг с другом, образуя феномен *вербального*, или *логического* мышления.

С помощью кругов Эйлера отношение между речью (Р) и мышлением (М) можно изобразить так:

Это означает, что существует доинтеллектуальная стадия развития речи и доречевая стадия мышления. Речь без мысли – это детский лепет в буквальном смысле, т.е. разнообразные звукосочетания, которые младенец произносит в коляске от избытка

²⁴ Тиллих П. Избранное. Теология культуры. М.: Юрист, 1995. С. 269-270

чувств, вне всякой связи с предметами и ситуацией. Возможно, что и в культурной предыстории человечества был такой период лепетания, когда речь носила чисто *экспрессивный* характер.

К неречевому мышлению относится мышление с помощью образов: художественное, инструментальное или техническое. У нормального ребенка доречевое мышление развивается в течение первых 10-12 месяцев жизни. Его действия постепенно становятся целесообразными, осмысленными. Правда, мысль, не пользующаяся словом, остается ограниченной. В основном она ограничена оптически актуальной ситуацией – тем, что субъект видит в данный момент. Предмет, оказавшийся вне оптического поля, не включается в число средств решения задачи. Слово дает человеку огромное преимущество: оно позволяет ему переносить предметы в свой ум, чтобы потом извлекать их оттуда в нужной ситуации. Пользуясь словами как знаками, человек может производить умственные действия с отсутствующими вещами – с тем, что значительно удалено от него в пространстве или времени. На этой основе становится возможным многоступенчатое планирование собственного поведения: между начальным и завершающим действиями выстраивается длинная цепь промежуточных. Поставив перед собою определенную цель, человек в плане своего сознания («в уме») рисует линию деятельности с учетом благоприятствующих факторов и помех.

Соединение мысли и слова происходит у ребенка под влиянием родителей в возрасте от 1,6 до 2 лет. Ребенок вдруг открывает, что всякая вещь имеет свое имя, и потом начинается нескончаемая серия вопросов: «А это что?», «А это как называется?». На этом этапе происходит резкое увеличение словарного запаса. Однако, первое время, иногда очень долго, ребенок не отличает названия вещи от ее свойств. Имя выступает для него не знаком вещи, а ее свойством. «Лопатка» поэтому преобразуется в «копатку» и т.п. К трем годам ребенок научается свободно строить *предложения* и организовывать их в *рассказ*.

Постепенно речь переходит с аффективно-волевой фазы на интеллектуальную. Промежуточными этапами в этом переходе являются *эгоцентрическая* и *внутренняя* речь. На этапе эгоцентрической речи ребенок как бы разговаривает сам с собой, вслух. Обычно это происходит в ситуации, когда возникают какие-либо затруднения. В отсутствие реального собеседника малыш беседует с собой как воображаемым партнером. По сути дела это движение от диалога к монологу. Внутренняя речь появляется только в переходном возрасте, после 12 лет. В этом возрасте формируется мышление с помощью понятий и сложные волевые действия, основанные на саморегуляции. Средством образования понятий выступает слово в его различных грамматических формах.

Употребление *имен существительных* способствует формированию понятия о *вещах* и *существах*²⁵,

- глаголов – о действиях,
- прилагательных – о качествах,
- числительных – о количестве,
- предлогов и союзов – об отношениях.

Универсалии культуры, которые мы рассмотрели в предыдущей теме, формируются на основе лексики и грамматики. Понятие пространства вообще складывается в процессе усвоения наречий (если говорить о так называемых «частях речи») или обстоятельствах места (если говорить о «членах предложения»): «далеко – близко», «вверх – вниз» и т.п. Понятие времени кристаллизуется из пользования временными формами глаголов и обстоятельствами времени. Понятие числа возникает из употребления порядковых и количественных числительных. Собственность понимается на основе родительного падежа и притяжательных местоимений («мой», «твой», «наш» и т.д.), а до того – на

²⁵ Первоначально имена собственные не отличаются от нарицательных. Когда младенец говорит «мама», он мыслит только свою собственную мать не «мать вообще». Общих понятий у него еще не существует. Различение собственных и нарицательных имен начинается только с появления способности классифицировать

основе обстоятельств места: «здесь» - «там». Аварское «дих чу буго» (букв. «лошадь возле меня») означает «у меня есть лошадь» или «моя лошадь». Фундамент для развертывания понятия о причинности образуют винительный падеж, переходная форма глаголов и сложно-подчиненные предложения с союзами «так как» и «потому что», «если – то». Таким образом, на языковом фундаменте возводится картина мира.

В 20-е годы XX в. американские ученые Эдуард Сэпир и Бенджамин Уорф выдвинули гипотезу «лингвистической относительности». По этой гипотезе, структура и лексика языка определяет строй и характер мышления. Стало быть, люди, говорящие на разных языках, по-разному понимают и даже воспринимают мир. Лексические различия языков ведут к тому, что различные народы по-особому классифицируют предметы окружающего мира, следовательно, имеют неодинаковые мировоззренческие системы. В частности это относится к выделению участков цветового спектра. У русских используются два разных слова «синий» и «голубой», поэтому они, якобы, должны лучше различать эти цвета, чем, например, англичане или американцы, которые имеют только одно слово «blue». Индейцы зуны (нито-ацтекская языковая семья) обозначают одним словом желтый и оранжевый цвета, поэтому тоже должны различать их не столь уверенно как носители культур, в которых имеются соответствующие лингвистические различия.

Грамматические различия языков влияют на предпочтение, оказываемое тем или иным универсалиям культуры. В английском, например, очень популярны временные формы глаголов. Поэтому в англо-язычных культурах наблюдается повышенный интерес к понятию времени: его измерению, применению календарей и часов. Грамматика индейского племени винту устроена так, что сосредотачивает внимание на «степени достоверности» информации о действиях. Однако дальнейшие исследования не подтвердили лингвистического релятивизма. Словарный запас не является единственным средством различения предметов и лиц. Тот факт, что в каком-либо языке нет специального слова для обозначения определенного цветового оттенка, не доказывает, что люди, пользующиеся этим языком, не выделяют этот оттенок. Они могут передать его с помощью серии других слов. Определяющую роль здесь играет не словарный запас языка, а умение пользоваться им в общении. Дифференцированное зрительное и слуховое восприятие существует до языка, например, у многих высших животных. Кроме того, выяснилось, что прямого соответствия между грамматикой и логикой нет. Грамматика у каждого народа своя, а правила логического мышления одни и те же. Отношение между мыслью и словом носит более сложный характер. Грамматика предназначена для того, чтобы обеспечивать *понимание* одного человека другим, логика обеспечивает процесс *мышления*, который включает в себя:

- различение и отождествление,
- обобщение и ограничение,
- выявление противоречий и их разрешение,
- нахождение оснований и выведение следствий.

Формулировка грамматических правил требует более высокого уровня абстракции, чем тот, который нужен для выявления грамматических правил. Поэтому логические правила более универсальны, чем грамматические.

Язык не так сильно влияет на мышление, как это представлялось Сэпиру и Уорфу. Наиболее тесно связано со словом *дискурсивное* мышление, последовательно разворачивающееся в цепи понятий, суждений, умозаключений. Но кроме него, у человека присутствует и *интуитивное* мышление, более тесно связанное с визуальным или слуховым образом. В середине XX в. представители школы «общей семантики» (А. Кожибский, Ф. Чисхольм, С. Хайакава и др.), которые группировались вокруг журнала «ЕТС» («И так далее»), обратили внимание на недостатки вербального мышления, прежде всего, на его нетождественность и неполноту. Во-первых, слово не тождественно предмету, который оно представляет; во-вторых, слово никогда не выражает всего, что относится к предмету. На исходе XX в. стала утверждаться точка зрения, что дальнейший

прогресс аудиовизуальной техники сделает образное мышление приоритетным, и тогда произойдет фундаментальный переворот в культуре.

4. Язык и письменность

Коренное преобразование языка было связано с изобретением **письменности**. Самое примитивное письмо было пиктографическим. Повествование разворачивалось в нем через последовательную серию картинок. Главный недостаток пиктографии – невозможность передачи общих, абстрактных понятий. Передаче доступна только зрительная информация. Египтяне, жители Хараппы и китайцы изобрели иероглифическое письмо, в котором отдельные знаки использовались либо для обозначения понятий, либо для передачи слогов и отдельных звуков речи. Кроме того, в иероглифической письменности использовались своеобразные классификаторы («детерминативы»), указывающие к какой группе объектов относится значение данного слова: людям, животным, растениям и т.п. На основе метонимии и метафоры с помощью иероглифов можно передавать абстрактное содержание.

Еще большими возможностями обладали шумерское и крито-микенское слоговое письмо. Принципы комбинаторики используются в них более системно, поскольку значимые единицы – слова – кодируются с помощью незначимых единиц – слогов. Это позволило существенно сократить количество используемых знаков. В шумерской клинописи наиболее употребительны 300 (из них 50 идеограмм, 100 простых слогов, 130 сложных слогов, 20 цифровых знаков); крито-микенском линейном письме «В» - 81 знак. Для сравнения напомним, что в египетской письменности широко употреблялись 700 иероглифов, а в китайской – 50 000, из которых сейчас используется от 4000 до 7000.

В конце II тысячелетия до н.э. (XII в.) финикийцы создали первое алфавитное²⁶ письмо, состоящее из 22 знаков.

²⁶ Слово «алфавит» восходит к названию двух первых финикийских букв: «алеф» и «бет»

ФИНИКИЙСКИЕ АЛФАВИТЫ

Транскрипция	Ахирам XIII в. до н.э.	Йехимлик XII в. до н.э.	Меша IX в. до н.э.	Средне- финикийский V-III вв. до н.э.	Пунийский	Ново- пунийский
·	κ	κ κ	κ	κ	κ κ	κκκ
b	ϑ	ϑ	ϑ	ϑ ϑ	ϑ	ϑϑϑ
g	ι	ι	ι	λ	ι λ	λλλ
d		Δ	Δ	Δ Δ	Δ	ΔΔΔ
h	Ϟ	Ϟ	Ϟ	Ϟ	Ϟ Ϟ Ϟ	ϞϞϞ
w	ϠϠ	ϠϠ	Ϡ	ϠϠϠϠ	ϠϠ	ϠϠϠϠ
z	Ϡ	Ϡ	ϠϠ	z	h	λλλ
h	Ϡ	Ϡ	Ϡ	Ϡ Ϡ Ϡ	Ϡ Ϡ	ϠϠϠ
t	⊕		⊕	⊕ ⊕	⊕ ⊕	⊕⊕⊕
i	ϡ	ϡ	ϡ	ϡ ϡ ϡ	ϡ ϡ	ϡϡϡ
k	∨	∨	∨	∨ ∨ ∨	∨ ∨	∨∨∨
l	∟	∟	∟	∟ ∟	∟ ∟	∟∟∟
m	∩	∩	∩	∩ ∩ ∩	∩ ∩	∩∩∩
n	∩	∩	∩	∩ ∩	∩ ∩	∩∩∩
s	⊕		⊕	⊕ ⊕	⊕ ⊕	⊕⊕⊕
r	⊕	⊕	⊕	⊕ ⊕	⊕ ⊕	⊕⊕⊕
p	⊕	⊕	⊕	⊕	⊕	⊕⊕
q		ϡϡ	ϡ	ϡ ϡ	ϡ ϡ	ϡϡϡ
r	ϡ	ϡ	ϡ	ϡ ϡ ϡ	ϡ ϡ	ϡϡϡ
s	∩	∩	∩	∩ ∩ ∩	∩ ∩ ∩	∩∩∩
t	+X	X	X	∩ ∩ ∩	∩ ∩ ∩	∩ ∩ ∩

Точнее его называют квазиалфавитным, поскольку употреблялись знаки только для согласных звуков, а гласные «домысливались» при чтении. Финикийский алфавит оказал влияние на все позднейшие алфавитные письменности мира. из него с IX в. до н.э. греки начали создавать алфавит в собственном смысле.

Α	α	альфа	а
Β	β	бета	б
Γ	Γ	гамма	г
Δ	δ	дельта	Д
Ε	ε	эпсилон	э
Ζ	ζ	дзета	дз
Η	η	эта	э
Θ	θ	тэта	тх
Ι	ι	йота	и
Κ	κ	каппа	к
Λ	λ	ламбда	л
Μ	μ	мю	м
Ν	ν	ню	н
Ξ	ξ	кси	кс
Ο	ο	омикрон	о
Π	π	пи	п
Ϛ	ς	коппа	

Ρ	ρ	ро	р
Σ	σ	сигма	с
Τ	τ	таυ	т
Υ	υ	ипсилон	ю
Φ	φ	фи	ф
Χ	χ	хи	х
Ψ	ψ	пси	пс
Ω	ω	омега	о
Θ		сампи	-

Те буквы, для которых в древнегреческом языке не было соответствующих звуков, использовались для обозначения гласных. Порядок следования букв остался таким же, как в финикийском алфавите. В 403 г. до н.э. процесс оформления алфавита был в основном завершён. Буквы «дигамма», «коппа» и «сампи» вышли из употребления.

В этом первом алфавите наблюдалось самое точное соответствие между буквой и обозначаемым ею звуком. Там, где закономерности речи вели к замене звонкого согласного глухим или наоборот, греки меняли и написание слова. В последующих системах письма это строгое соотношение звука и графического знака было нарушено. Наибольшей величины отклонения достигли в английском языке, где редкое слово читается так, как пишется. Русское слово «буква» родственно немецкому «Buch», которое означает книгу.

Латинский алфавит (латиница) сложился на основе древнегреческого, но под влиянием этрусков.

A	a	а	а
B	b	бэ	б
C	c	цэ	ц или к
D	d	дэ	д
E	e	э	э
F	f	эф	ф
G	g	гэ	г
H	h	ха	х
I	i	и	и
J	j	йот	й
K	k	ка	к
L	l	эль	л
O	o	о	о
P	p	пэ	п
Q	q	ку	к
R	r	эр	р
S	s	эс	с
T	t	тэ	т
U	u	у	у
V	v	вэ	в
W	w	дубль вэ	в
X	x	икс	кс
Y	y	ипсилон	и

Z	z	зета	з
---	---	------	---

В IV в. до н.э. он включал 21 букву. Современная латиница состоит из 26 букв и употребляется в большинстве стран Европы, Америки, в Австралии, Новой Зеландии и мн.др.

Обретение письменности не только обеспечило возможность функционирования государства – точной передачи на большие расстояния властных распоряжений и фиксирования законов. Оно позволило материализовать в летописях историческую память народа и таким образом создало основу для развития национального самосознания. Устное предание не дает точности, ибо передатчики часто добавляют что-либо от себя, меняют линию повествования сообразно собственному пониманию и вкусу. Записанное слово сохраняется неизменно, варьироваться могут только его интерпретации (истолкования).

5. Влияние языка на другие формы культуры

Язык является исходной формой культуры и поэтому он служит почвой для возникновения множества других ее форм, даже таких, казалось бы, отдаленных, как техника и технология. Как отметил один из французских структуралистов, “машины, даже самые сложные, создаются не чем иным, как словами”²⁷. Будучи весьма удобной и простой формой знаковой деятельности, он создает модель для более сложных знаковых систем. Самой элементарной формой использования языка в культуре является *повествование*, или *наррация* (от лат. «narratio» -«рассказ», «рассказывание»). Это, собственно говоря, любая весть, передаваемая от одного человека к другому устно или письменно. Единицей повествования считается *дискурс* – по определенным правилам организованная совокупность предложений. Стремление дать имена явлениям природной и общественной жизни ведет к появлению *мифологии*. Наиболее развитые мифологические системы возникли на базе тех языков (санскрита, древнегреческого), в грамматике которых присутствует различие *родов*. Передача мифов из поколения в поколение порождает *фольклор* – устное народное творчество: легенды, басни, сказки, пословицы, поговорки, песни и т.п. В точках взаимоперехода плана выражения и плана содержания возникает «игра слов», а на ее основе развиваются *юмор* и *остроумие*. Соединение языка с письменностью вызывает к жизни *литературу*, в первую очередь, *поэзию*.

Многообразие поэтических приемов определяется особенностями языкового материала. Структура стиха, как отмечал Р. Якобсон, всегда связана с просодическими (ударными) и синтаксическими свойствами языка²⁸. Народы, у которых ударение ставится на первом слоге (например, немцы, чехи), строят стих иначе, чем русские поэты, пользующиеся языком, который допускает совершенно свободное ударение.

Поскольку поэзия возникла из устной речи, для нее важна фонологическая звуковая сторона языка. Это выражается в использовании аллитераций – повторения однородных согласных звуков. Звуковая игра создается, кроме того, *этимологическими фигурами* – группами слов с одним и тем же корнем, но разными суффиксами («смех», «смешно», «усмехаться», «насмешка», «высмеять» и т.п.); *гомеоптонами* – группами слов с разными корнями, но одинаковыми суффиксами («козленочек», «ягненок», «ребенок»). Особую роль играет *ритм* (чередование коротких и длинных, ударных и безударных гласных) и *рифма* созвучие отдельных слов в конце, середине или даже в начале строки). По Р. Барту, поэтическая рифма представляет собой нарушение дистанции между синтагмой и системой, сознательно достигаемое напряжение между принципом сходства и принципом различия. Эстетический эффект создается контрастом

²⁷ Лакан Ж. Семинары. Кн. 2. «Я» в теории Фрейда и в технике психоанализа. М.: Гнозис/ Логос, 1999. С.71

²⁸ См.: Якобсон Р. Основа славянского сравнительного литературоведения// Работы по поэтике. М.: Прогресс, 1987. С. 25

между сходством звучания (выражения) и различием значения (содержания). Главными поэтическими средствами выступают тропы (от греч. «τρῶπος» - «поворот», «оборот»). Посредством тропов осуществляется «оборачивание» значений. Выделяются три вида тропов: метонимия, метафора и оксиморон. **Метонимия** – использование имени одного объекта для обозначения другого на основе смежности – пространственной или временной связи между предметами или лицами. К метонимии прибегают, например, называя человека шляпой только потому, что он в шляпе. Особой разновидностью метонимии является синекдоха – называние целого именем его части («борода») и наоборот («пролетариат»). **Метафора** – это перенос свойств одного предмета на другой на основании *сходства* между ними. Метафорическим будет выражение «полет мысли», ибо в стремительном переходе от одного понятия к другому усматривается сходство со способностью птиц или насекомых пользоваться крыльями. Оксиморон (от греч. «ἄξιος» - «острый» и «ἄσφαιτος» - «тупой», «глупый») – соединение в одном выражении двух противоположных признаков, игра контрастов («обжигающий холод», «ученое невежество» и т.п.).

Роль тропов в поэзии настолько велика, что по мнению очень видных лингвистов, лирическое стихотворение представляет собой развернутую метафору одного-единственного означаемого. Как утверждал французский исследователь Н. Рюве, стихотворение может быть понято как результат серии преобразований, которым подвергается предложение «Я тебя люблю». Поэтическое искусство благодаря тропам создает неисчерпаемое многообразие прекраснейших вещей на очень ограниченном фундаменте – переживаниях, связанных с любовью и смертью. Конечно, в реальности круг мотивов, лежащих в основе лирической поэзии, несколько шире (очень важны, к слову, мотивы признания – непризнанности, понимания-непонятости), но это не умаляет всемогущества метафоры.

Кроме этих средств в поэзии используются умышленное искажение количественных показателей: гиперболы и литоты. *Гипербола* представляет собой намеренное преувеличение упоминаемого предмета (гоголевские шаровары «шириной в Черное море»); *литота* – такое же преуменьшение («маковой росинки в рот не попало»).

Одной из наиболее значительных форм использования языка в культуре стала *риторика* – ораторское искусство, красноречие. Она возникла из практики публичных судов в Древней Греции, где обвинитель или обвиняемый должен был перед судьями своей речью, а в дальнейшем речью нанятого за деньги оратора доказать правильность собственной позиции. Двумя основными жанрами античной риторики были категория (κατηγορία) и апология (ἀπολογία), т.е. обвинение и защита.

В риторике, направленной на изучение дискурса, акцентируется языковая *форма*. В противоположность ей развивался содержательный анализ слова как орудия мысли, вершиной которого стала *диалектика*, или логика.

Американская лингвистическая школа (К.Л. Пайк, У. Брейт, Дж. Сёрль, Р.Т. Белл и др.) сосредоточила внимание на значении языка для внутренней цивилизации. Итогом ее усилий стало появление новой научной отрасли – социолингвистики. Исходным моментом здесь послужило различение *эмического* и *этического* в языке. К этическому была отнесена структура языка, фонетические и грамматические связи; к этическому – языковое поведение.

Этическое содержание языка служит социальной стратификации: размежеванию общественных групп и слоев. В крайних случаях обособление выливается в диглоссию – феномен двуязычия. В России второй половины XVIII – начала XIX вв. дворянство использовало для общения в своем кругу французский язык.

Отдельный культурный пласт составляет так называемая «*инвективная лексика*», куда входят слова и выражения, используемые для того, чтобы оскорбить, унижить, дискредитировать какого-либо человека. В русском языке она называется «*матерщиной*» или «*матом*». «*Материться*» – значит *матёро*, крепко выражаться. Возникновение

матерщины связано с верой в магию слова – в то, что название вещей определенными именами влечет за собой изменение этих вещей в соответствии с названиями. Чтобы избежать отрицательных последствий таких именований, на употребление некоего массива слов налагались *запреты*. Вместо них стали использоваться другие слова, которые указывали на предмет не прямо, а косвенно. Таким путем появились *аллегории* и *эвфемизмы* (от греч. «εὐφημῶ» - «произнесение слов, имеющих благое предзнаменование, и воздержание от тех, какие имеют дурное»). Первоначально подобные ограничения приурочивались к ритуалу жертвоприношения, впоследствии приобрели обобщенный характер. Эвфемия стала обозначать благоговейное молчание или, как следствие, крайнюю осторожность в выборе слов и выражений. Конечным пунктом трансформации термина оказалось умение находить благопристойные эквиваленты для инвективных выражений. Люди, которые не хотят или не могут пользоваться косвенными языковыми средствами, как бы бросают вызов правящим миром таинственным силам и общественному мнению. Возникновение подобной лексической системы привело к тому, что язык расслоился на более высокие и более низкие культурные уровни. В тех культурных нишах, где движение вверх не принадлежит к числу ведущих ценностей, ненормативная лексика употребляется как нечто обычное и само собой разумеющееся. Матерные слова используются как простые формы связи грамматических конструкций, выполняя одну только экспрессивную функцию. В среднем и высшем культурном слоях обращение к таким языковым средствам ведет к общему понижению, деградации культуры. Такое же значение имеет использование криминального жаргона.

Особую роль в развитии мировой культуры сыграли те языки, которые принято называть классическими:

- **древнегреческий**, воплощавшийся в живой речи с IX в. до н.э. по XV в.н.э.;
- **латынь** – с VIII по V вв.н.э. - живой разговорный язык; до XIX в. язык западноевропейской науки, по настоящее время – язык католического богослужения;
- **иврит** (древнееврейский) - с IX в. до н.э. язык Ветхого Завета; в наши дни – государственный язык Израиля;
- **санскрит** (древнеиндийский) – с IX в. до н.э. язык Вед и индуистских текстов;
- **арабский** – с VII в.н.э. язык ислама.

В целом язык образует внутреннее ядро культуры. Культурное развитие личности начинается с этого ядра: с овладения словом как умения слушать и говорить. Богатство словарного запаса и точность словоупотребления являются надежными показателями интеллекта и культурного кругозора. Владение письменным словом – грамотность – в современном обществе выступает основанием социального престижа.

В настоящее время существует в мире 12 языков, на которых говорят не менее 100 млн. человек:

- 1) китайский – 1,1 млрд.,
- 2) английский – 450 млн.,
- 3) хинди – 300 млн.,
- 4) испанский – 320 млн.,
- 5) русский – 250 млн.,
- 6) индонезийский – 150 млн.,
- 7) арабский – 190 млн.,
- 8) бенгальский – 190 млн.,
- 9) португальский – 160 млн.,
- 10) японский – 130 млн.,
- 11) немецкий – 100 млн.,
- 12) французский – 100 млн.

Границы языка приблизительно совпадают с границами этноса. Но сложные отношения между государствами и народами, появление гигантских империй («мировых держав и сверхдержав») привели к тому, что некоторые языки используются в качестве средств межнационального общения. Официально признаны таковыми:

английский,
испанский,
французский,
русский,
арабский.

Литература

Барт Р. Введение в структурный анализ повествовательных текстов // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX-XX вв. Трактаты, стили, эссе. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987

Барт Р. Основы семиологии // Структурализм: «за» и «против». М.: Прогресс, 1975

Белл Р.Т. Социоллингвистика. М.: Международные отношения, 1980. С. 88-153

Кармин А.С. Основы культурологии. Морфология культуры. СПб.: Лань, 1997. С. 69-126

Коул М., Скрибнер С. Культура и мышление. М.: Прогресс, 1977. с. 54-80

Лангер С. Философия в новом ключе. С. 94-129

Лосев А.Ф. О пропозициональных функциях древнейших лексических структур // Знак. Символ. Миф. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982

Лосев А.Ф. О типах грамматического предложения в связи с историей мышления // Знак. Символ. Миф. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982

Молчанов А.А. Таинственные имена первых европейцев. М.: Наука, 1980

Моль А. Социодинамика культуры. М.: Прогресс, 1974. С. 39-43, 126-207

Потебня А.А. Мысль и язык // Слово и миф. М.: «Правда», 1989. С. 17-105

Рассел Б. Человеческое познание. Его сферы и границы. К.: Ника-центр, Вист-С, 1997. С. 68-170

Флоренский П.А. У водоразделов мысли. Ч.1. Гл.IV. М.: «Правда», 1990. С. 152-273

Хайдеггер М. Путь к языку // Время и бытие. М.: Республика, 1993

Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М.: Прогресс, 1975

Тема 5. Внутренняя цивилизация

Наиболее непосредственную связь с языком имеет внутренняя цивилизация как искусственно создаваемая сфера отношений между людьми. Взаимные связи накладывают определенные ограничения на поведение людей и, в конечном счете, ведут к изменению их внутренних качеств и даже внешнего облика. Альфред Вебер, введший в научный оборот этот термин, подразумевал под ним «внутреннюю интеллектуализацию», то, что поступки, которые примитивный человек совершает бессознательно, для цивилизованного человека уже невозможны, как невозможна бездумная жесткость, подобная жестокости ребенка. По мере развития цивилизации «рефлексия освещает все большую часть нашей жизни и жизни других людей и позволяет ощутить страдания, которые мы раньше не чувствовали, поскольку мы их не знали, рассматривать их как факт своего собственного переживания и включить в наше восприятие образа жизни»²⁹. Под влиянием культуры возрастает чувствительность человека по отношению к окружающим его людям, способность предвидеть последствия своих действий для других и готовность избегать поступков, наносящих урон обществу, совершать такие, которые благотворны.

Внутренняя цивилизация – это не только регуляторы поведения, действующие в самой личности, но и система учреждений, направляющих деятельность индивидов в определенные рамки. Она призвана создать такие общественные структуры, которые, во-первых, максимально ограничивали бы *вредную* для окружающих активность человека и защищали его от посягательств других людей; а во-вторых, способствовали бы развитию и проявлению его *полезных* качеств. В конечном счете, она превращает душу отдельного человека в зеркало, отражающее множество других людей.

1. Социальная структура и обычай

Ядром внутренней цивилизации выступает противоположность власти и служения (заботы). **Власть** (греч. «кратос») – это элементарное отношение между людьми, когда один субъект отдает команду, а другой выполняет ее. Различие ролей обусловлено неодинаковостью их социального положения. Феномен власти, очевидно, уходит корнями в иерархический «порядок клевания» у животных. А-самец может повлиять на поведение самцов более низких рангов, ничего не предпринимая реально, одним фактом своего присутствия. Это влияние заключается либо в существенном ограничении действия, либо в предоставлении образцов поведения. **Служение** в широком смысле (греч. «θεραλεία») – это действия одного субъекта, добровольно направленные на благо другого. В противоположность власти служение представляет собой служение самоограничение ради другого существа. В реальной жизни власть и служение настолько тесно сплетены друг с другом, что правители нередко называют себя «слугами народа». Поскольку такое переорачивание смыслов происходит сплошь, между властью и служением, вероятно, существует глубокая внутренняя связь, которую нам предстоит выяснить.

В человеческом обществе на поведение людей существенно влияет то место, которое они занимают в социальной структуре, которая может быть как вертикальной, так и горизонтальной. Влияние общественной структуры на поведение людей выражается в установлении определенного *порядка*. Простейшей формой порядка является последовательность операций одного или нескольких взаимодействующих людей в каких-либо сходных ситуациях, например, раздела пищи, совместного труда, вступления в половую связь, смерти кого-то из окружающих или рождения нового человека.

Родство. Изначальным основанием общественной структуры, ее фундаментом служит **родовой строй**. Возникающее вместе с ним представление о *родственных* связях

²⁹ Вебер А. К вопросу о социологии государства и культуры// Культурология. XX век. Антология. М.: Юрист, 1995. С.502

позволяет различать “свое” и “чужое”. Это представление формируется одновременно с образованием таких социальных структур как *род* (клан), *семья* и *территориальная община*. Род, очевидно, является общественной организацией совершенно нового типа, не имеющей аналогов в животном мире. Более или менее устойчивые семьи (брачные союзы) создают многие животные, не только млекопитающие, но и птицы. Наличие подобных семей ограничивает половую активность особей. Принципиальная новизна рода состоит в том, что он накладывает ограничения и на *выбор* брачного партнера.

Чтобы установить значение рода в генезисе внутренней цивилизации, надо понять, что род, или клан является не реальной, а идеальной или знаковой общностью людей. Он не может существовать как самодостаточная социальная группа³⁰. Существование рода возможно только благодаря знаковой деятельности, которая фиксирует родственные отношения. Стало быть, род не может возникнуть до тех пор, пока нет языка с его классифицирующим потенциалом, с его способностью создавать различные классы людей, таких, например, как тотемные группы. Эта знаковая деятельность воплощается в **этносе** (греч. «ἔθος» - «обычай», «нрав», «характер», «образ мыслей и действий») – устойчивых формах индивидуального и массового поведения. Родовой строй с соответствующим ему распределением статусов, ролей и обязанностей становится дополнением иерархической организации животного сообщества.

Отличие человеческого рода от любого животного сообщества состоит в том, что он возможен только в соотношении с другим родом. Он не может совпадать с общиной, с любой формой территориально обособленной общности, потому что для общины необходимы как минимум два рода, члены которых могли бы вступать в брак друг с другом. Родство держится на обязательных правилах брака, социальной и территориальной принадлежности рождающегося потомства. Чем элементарнее культура, тем с большим рвением ее представители устанавливают, сохраняют в памяти и извлекают из нее информацию о том, кто с кем в каких родственных связях состоит. Маориец чувствует себя неловко, если не может до мельчайших деталей очертить родственные связи, соединяющие его с рыбами океана, либо с путешественником, которому он оказывает гостеприимство³¹. В подобном рвении нет ничего удивительного, ибо родство образует фундамент этой культуры. Вместе с разделением полов оно создает почву для социальной дифференциации, для различения способов отношения к людям. Степень родства определяет характер отношений между лицами: чем ближе родство, тем больше круг обязанностей и тем более они непреложны. От близости родства зависит степень служения: больше всего заботятся о тех, кто роднее. На этом зиждутся *обычаи*, из этого вырастает *нравственность*. Наиболее близкой является связь между матерью и детьми, именно в этом отношении следует искать исходное ядро культуры межчеловеческих отношений, по крайней мере, одно из таковых.

Развитие культуры связано с противопоставлением родственных и половых отношений. З. Фрейд и его последователи обратили внимание на ту огромную роль, которую сыграл в становлении культуры запрет на инцест. Латинское слово «incestum» образовано путем отрицания из прилагательного «castus» («чистый», «невинный») и означает «кровосмешение» – брак или половую связь ближайших кровных родственников: матери и сына, брата и сестры, отца и дочери и т.п. В расширительном смысле инцестом называется всякий интимный союз лиц противоположного пола, слишком близких друг другу по принятой классификации родства. Запрещение инцеста небезосновательно считается одним из древнейших культурных правил. С него начинается деление половых связей на «чистые» и «нечистые», дозволенные и запрещенные.

³⁰ Это обстоятельство понимал американский антрополог Л.Г. Морган, который определял историческое значение рода, исследуя культуру ирокезов и других индейцев в полевых условиях, но упустили из виду К. Маркс и Ф. Энгельс, знакомые с культурой первобытных народов только по работам других ученых.

³¹ См.: Леви-Строс К. Первобытное мышление. М.: Республика, 1999. С. 58

Возникновение и повсеместное распространение запрета на инцест связано с тем, что феномен родства при наличии инцестуозных связей не возможен, поскольку тогда происходит смешение, т.е. устраняется различие между «своей» и «чужой» кровью. Инцест вреден биологически. Он уменьшает генетическое разнообразие и через несколько поколений может привести к вырождению замкнутых популяций. У некоторых высших животных, но только у самок, наблюдается инстинктивное отвращение к половой связи с сыновьями и братьями. Сама природа ищет альтернативу инцесту, вызывая повышенный сексуальный интерес к чужим, незнакомым особям. Но культурный вред кровосмешения многократно превышает биологический, ибо оно разрушает основание, на котором возводится человеческое общество. С запретом на инцест связана **экзогамия** – социокультурное установление, предписывающее выбирать брачного партнера за рамками собственной группы. Благодаря экзогамии род четко очерчивает и сохраняет свои границы.

Внутренняя цивилизация начинается с запрета на инцест и экзогамии. Благодаря делению общества на брачные классы, возникает родовая (клановая) структура, на которую наслаиваются отношения власти. В другом человеке различается не только пол, но и социальная принадлежность. Он воспринимается как носитель некоторых базовых ролей, т.е. как *личность*. По отношению к нему ведут себя не только в соответствии с тем, чем он является (мужчиной или женщиной, молодым или старым, здоровым или больным), но и с тем, что **он значит**, т.е. какую позицию в социальной классификации занимает.

В силу естественных причин **исходным стало матрилинейное родство**. Феномен материнства намного глубже и прочнее укоренен в бытии, чем отцовство, и поэтому первоначально родство отсчитывалось по матери. Осознание огромной важности матрилинейного родства вылилось в ту роль, какую приобрел символ Матери в системе бессознательных культурных устоев. Этот символ прочно связал друг с другом образы *рождения и кормления (заботы)*. На протяжении многих веков он питал ключевые представления материнского лона и земных недр, откуда появляется на свет все живое. Греческий образ Антея, вся сила которого заключена в связи с Матерью-Землей – одна из множества вариаций этого мифологического символа. В высокой сакральности материнского образа сконцентрировались многие аспекты родового уклада, в том числе запрет на инцест. Половая связь с матерью, даже неосознанная, обрела форму величайшего преступления. Фиванский царь Эдип, убивший своего отца и женившийся на своей матери, стал символом вынужденного разрыва всех нравственных связей.

Социальная иерархия. Уяснение культурной роли материнства произвело в XIX в. столь ошеломляющее воздействие, что благодаря усилиям швейцарского ученого Й. Бахофена широко распространилась идея *матриархата* – такого периода в истории человечества, когда власть в обществе принадлежала женщине-матери. Очарованию этой идеи поддались очень многие ученые и в XX в., хотя ни одной реальной культуры с такой властной структурой обнаружено не было. Гипотеза о матриархате основана на недоразумении: на смешении идеальной родовой структуры с реальным первобытным социумом, рода – с территориальной общиной. Ни в одном реально функционирующем обществе родственные отношения не вытесняют и не могут вытеснить иерархической организации. **Родство является дополнением к властной иерархии, а не ее заменой.**

Власть, происходящая из животного доминирования («порядка клевания»), создает в сообществе вертикальные структуры. Самыми элементарными отношениями господства и подчинения являются отношения между отцом и детьми, вождем и рядовыми членами племени. Весьма нередко эти отношения строились по одной и той же модели. Важнейшими функциями всякой власти выступают:

- консолидация действий индивидов, которые ей подчинены;

- принятие окончательного решения в ситуации выбора между различными вариантами поведения общности (ведения войны или уклонения от нее, сохранения прежнего местожительства или перехода на новое и т.п.);

- разрешение конфликтов, неизбежно возникающих между членами любой общности.

Одним словом, властвующий субъект регулирует действия подвластных, руководствуясь идеей общего блага, т.е. блага общности как целого. Он приказывает совершать одни поступки и запрещает другой, подкрепляя приказы и запреты собственной физической силой, главным образом, наказывая или даже уничтожая тех, кто нарушает запреты и не исполняет приказы. Эти наказания вместе с теми случаями, когда ослушание приводит к явному ущербу для общества, образуют психологический фон, на котором вырастает **авторитет** вождя – вера в то, что он обладает большими, чем остальные члены племени, способностями принимать правильное, наилучшее решение. В этом случае носителя власти наделяют **харизмой** (греч. «χαρίσμα» – «дар») – некоей сверхчеловеческой способностью приносить благо другим, – и подчиняются ему уже не из страха перед наказанием, а только на основе веры в его призвание руководить. Регулятивное воздействие носителей харизмы не исчерпывается прямыми приказами и запретами. Иногда нет нужды приказывать и запрещать, поскольку поведение таких лиц становится образцом для подражания («мимесиса»). Свет от харизмы падает обычно на группу людей, приближенных к вождю, и даже на вещи, которые с ним как-то связаны (одежду, оружие, пищу и т.п.)

Так в обществе постепенно происходит разделение высших (господствующих) и низших (подчиняющихся) слоев. Параллельно разворачивается дифференциация и в низшем слое. Появляется группа «аутсайдеров» - субъектов, опустившихся на самое дно вследствие нарушения каких-либо запретов или совершенной неспособности усвоить самые элементарные культурные требования.

2. Культура и нравственность.

Родство и социальная иерархия нередко вступают в противоречие друг с другом. Необходимость разрешать противоречие между иерархией статусов, главным механизмом которой было состязание личных качеств членов сообщества: силы, агрессивности, практического интеллекта, умения пользоваться словом (приказывать, запрещать и советовать), с одной стороны, и системой родственных отношений, где место каждого члена не зависело от его личных качеств, но определялось исключительно классификационными принципами, явилась одной из движущих пружин становления и развития внутренней цивилизации. Иерархический порядок определял, в первую очередь, конкретный объем привилегий: количество и качество жен, характер жилища, долю в общей добыче и т.д. Через родственные отношения шло распределение взаимных обязанностей. Своеобразным синтезом той и другой стороны: иерархии и родства, привилегий и обязанностей, власти и служения - стала **нравственность** (мораль).

О том, что подобный синтез был необходим, говорит повсеместное распространение обряда *кувады*. Этот экзотический по своему оформлению обычай состоял в том, что непосредственно во время родов будущий отец, находясь в соседнем помещении, совершал действия, подражающие акту рождения: корчился, издавал душераздирающие крики и т.п. Такое странное его поведение носило знаковый характер: подражанием он демонстрировал свое участие в рождении, чтобы в дальнейшем между ним и родившимся ребенком устанавливалась *родственная* связь. Только в этом случае у него появлялась возможность и обязанность заботиться о *своих* детях, а не о детях своей *сестры*. Через обряд *кувады* родственные отношения приобрели, наряду с матрилинейным, также и патрилинейный классификационный принцип, т.е. стали отсчитываться не только по матери, но и по отцу. Эти культурные трансформации, в конечном счете, ведут к такому синтезу иерархической организации и родственных отношений, когда какой-то один

патрилинейный род приобретает доминирующее положение и закрепляет его за собой через принцип наследования сыновьями ранга и властных полномочий своих отцов.

Нравственность как особая форма регуляции межличидудуальных отношений складывалась в эпоху верхнего палеолита, примерно в промежутке от 35 до 12 тыс. лет назад. В этот период завершается формирование вида *Homo sapiens sapiens*, способного быть ее носителем. Верхнепалеолитический человек, по косвенным данным, обладал речью, сознанием, ритуальной организацией жизни. Эти способности качественно отличают поведение человека от поведения животных. Так же, как и человек, животные способны и к насилию, и к обману, но они не могут сделать отказ от насилия или обмана правилом своих действий. Они вообще лишены возможности устанавливать какие бы то ни было *правила*, а поступают сообразно своей природе. Нравственность, пользуясь языком и другими символическими средствами, создает в отношениях между людьми особый порядок, отличный от естественно-биологического. Она возникает на основе животных механизмов поведения, использует их в своем функционировании, но к ним ни в коей мере не сводится.

Эти механизмы – только материал, из которого нравственность строит свою сложную систему в ходе длительного развития. Очень важно уяснить, что из этого материала нравственность не возникает сама собою. Для формирования нравственных способностей необходимо **актуальное взаимодействие** людей, жизнь в обществе. Развитие вне общества делает человеческого ребенка неморальным существом, т.е. особого вида животным. Люди, воспитанные животными, приобретают повадки именно этих животных. От рождения у них есть все необходимое для совместной жизни, но в виде разрозненных компонентов, которые сами по себе соединиться не могут. Необходимо внешнее воздействие, которое связало бы их. Нравственным существом делает человека сообщество, в котором он растет, и культура, которую он усваивает.

Нравственность возникает в человеческом обществе одновременно с появлением духа: сознания и слова. Исходными формами нравственного поведения являются словесные контакты между людьми, обмен информацией в форме приказа, просьбы, совета и обещания. Нравственное поведение строится на основе правил и принципов, а они не возможны без соглашений между людьми. Неудовлетворительность многих попыток решить проблему происхождения нравственности объясняется именно недооценкой роли языка в этом процессе. Разумеется, не язык сам по себе вызывает к жизни нравственную регуляцию. Разворачивающаяся на его основе семиотическая деятельность ведет к развитию религии и особой общественной организации. **Решающим моментом в переходе от естественных механизмов поведения к обычаю и нравственности является семиотическая деятельность – создание и использование знаков, прежде всего, языковых.**

Словесный знак дает возможность *произвольного оперирования представлениями*, что являет собой колоссальный шаг к развитию *свободы воли*. Во-первых, предьявление знака – это способ намеренного вызывания определенных представлений и соответствующих действий. Воспринятый знак как бы в опережение обычных сенсорных механизмов дает субъекту значимую информацию и настраивает на необходимое действие. Предостерегающие крики, вероятно, развивались от констатации опасности вообще (возможно, даже любой боли), до указания на ее конкретный источник.

Во-вторых, знак, возникая в процессе коммуникации, связывал адресанта и адресата. **Через знак значимое для одного становилось значимым для другого.** По природе знак диалогичен. Слово (логос) возможно только в *диалоге* – коммуникации между людьми. Диалог предполагает не просто обмен словами, но взаимное согласование смыслов и значений. Использование слова, связывая одного человека с другим, способствовало росту относительной независимости от власти собственных влечений.

Животному мир дан сквозь призму его влечений к нападению, бегству, пище и т.д. Все эти влечения есть и у человека. Но его связь с миром намного разнообразнее и богаче,

поскольку, кроме того, что воспринимается собственными органами чувств, человек узнает о мире то, что ему рассказывают другие. Через диалог его собственный кругозор расширяется чужими точками зрения. На определенном этапе диалог между людьми превращается в диалог человека с миром. Слияние различных точек зрения порождает понятие *объективного значения*. На этом этапе представление становится идеей, а влечение – стремлением к ценности. Человек постигает мир как организованное целое и оценивает события не только в плане их соответствия собственным влечениям, но и в плане их значимости для целого, элементом котором является и он сам. Таким образом он поднимается от полного подчинения собственным влечениям к свободе воли. **Свободой воли называется способность человека совершать действие на основе его объективного значения, на основе познания его роли в универсальных мировых связях.** Подчинение правилам позволяет человеку быть свободным в тех достаточно широких рамках, которые они очерчивают. Границей свободы одного человека выступает свобода другого.

Благодаря нравственности происходит коренное преобразование базисных органических влечений. Они становятся элементами более сложных поведенческих систем. Влечение к нападению превращается в жажду **возмездия**, восстановления нарушенной **справедливости**. Влечение к бегству становится чувством **стыда** и предостерегающим голосом **совести**. На основе влечения к пище вырастает стремление к **благу и совершенству**. Половое влечение расцветивается чарующими красками **любви**.

Мир как целое дан человеку в символах. Символ призывает к определенному поведению. Через символы мир, лежащий по ту сторону влечений и ощущений, не просто открывается человеку, но захватывает всю его душу и увлекает к переустройству себя. Такие слова, как «Бог», «добро», «правда», «справедливость», - не простые знаки, безразличные к тому содержанию, которое они обозначают. Сквозь их звуковой строй и графическое начертание просвечивает особая реальность, те становящиеся связи мира, которые имеют большее значение, чем все, что видится и слышится. Символически ориентированное существо нуждается не только в органической пище, питье, воздухе и всех других материальных предметах влечений, но и в том, чтобы быть активным соучастником мирового процесса. **Способность руководствоваться символами есть высшее проявление свободы воли.** В отношении к символу проявляется творческий характер человеческого духа. Единство мира может быть представлено в субъекте только через единство его духовных структур. Призывая к совершенствованию, символы собирают отдельные душевные движения в целостный поток, составляя то, что называется **духом**.

Человек в отличие от всех прочих живых существ рождается без готовых поведенческих механизмов. Большинство мозговых связей и структур формируется уже после рождения. Поскольку человеческий индивид появляется на свет незавершенным, в его организацию генетически вложено стремление к обретению совершенства. Это и есть самая кардинальная духовная способность. Совершенствование человека происходит в форме творчества новых форм жизни на основе символов. Важнейшими средствами культурной деятельности выступают идеи и ценности, высший синтез которых называется *идеалом*. Благодаря идеалу инстинктивное побуждение к развитию превращается в сознательное стремление к совершенству. С помощью этого стремления нравственность перерастает границы внутренней цивилизации и превращается в могучую силу культурного развития в целом. Она не только ограничивает поведение людей по отношению друг к другу, но побуждает к художественному творчеству, познанию мира и себя, переустройству действительности и самосозиданию.

В процессе исторического развития нравственность стремится обобщить все многообразие жизненных ситуаций с точки зрения баланса между объективной и субъективной значимостью, найти для каждой конкретной ситуации оптимальное соотношение той и другой. Продуктом ее усилий служат **нормы – обобщенные правила**

поведения. В нормах сконцентрирован исторический опыт длинной череды предшествующих поколений, и поэтому они представляют собой подлинное социальное богатство. Таковым же они являются и для каждой отдельной личности, причем таким богатством, которое не надо искать где-то «за тридевять земель», потому что оно лежит рядом, под рукою – для тех, кто способен им воспользоваться. Освоить нравственную норму – значит научиться вести себя так, чтобы другие относились к тебе как к ценности. Но самым прямым путем к такому отношению является готовность действительно быть ценным для других.

Сама по себе норма носит обобщенный характер: она устанавливает границы, за которыми действие теряет свое положительное значение и приобретает отрицательное. Даже такая конкретная норма, как «выполняй обещания» относится к великому множеству ситуаций, каждая из которых характеризуется разным уровнем значимости этой нормы и, стало быть, имеет разные границы ее обязательности. Границы значимости каждой нормы полагаются не столько ситуацией, сколько ее отношением к другим нормам. Если бы все зависело только от ситуации, то в морали не было бы никакого абсолютного содержания, и люди выполняли бы обещания или отрекались от них по своему произволу, в зависимости от выгоды. Однако при подобном раскладе вообще бы не могли существовать никакие обещания, поскольку никто, кроме, может быть, самых наивных людей, не стал им верить. Норма выполнять обещания является абсолютной, потому что она поддерживается другими нормами и, в свою очередь, поддерживает их. Она сохраняет свою силу до тех пор, пока не вступает в противоречие с более высокой нормой, например, той, которая предписывает защищать жизнь другого человека. Уникальность поступков обусловлена неповторимой конфигурацией норм и лиц, затрагиваемых ими.

Благодаря своему абсолютному содержанию нравственные нормы ценны сами по себе, независимо от пользы, которую приносит их исполнение в том или ином конкретном случае. Нравственный человек стремится выполнять данное им обещание даже в том случае, когда верность слову не приносит пользы ни ему, ни другим, - только для того, чтобы сохранилась норма. Нравственность не сможет выполнять свои функции и разрушится как система, если ее требования не будут иметь абсолютного значения. Она способна функционировать только добываясь относительной самостоятельности своих требований, делаясь неким «становящимся Абсолютом».

Посредством нравственности социальное значение поступков оказывается двойственным: *реальным* и *знаково-символическим*. Реальное значение поступков состоит в материальной пользе или материальном ущербе, который причиняется другим людям. Знаково-символическая сторона поступка выражается в его связи с идеальным миром ценностей, с его способностью разрушать или, наоборот, выстраивать и укреплять его целостность этого мира. Следовательно, нравственные поступки представляют собой акты материального и духовного творчества либо совмещают и ту, и другую сторону. Последнее для морали наиболее характерно.

Двойственной природой социального значения поступков объясняются факты, когда поведение, не приносящее никакой конкретной выгоды ни тому, кто его совершил, ни тем, на кого оно было направлено, встречает признание, одобрение и восторг. Если кто-то гибнет в огне, безуспешно пытаясь спасти ребенка, он совершает подвиг во имя торжества духа.

Существует определенное различие между *знаковым* и *символическим* содержанием поступка, обусловленное разницей между простым знаком и символом. Знаковым поступком можно считать рукопожатие как форму приветствия. Протянутая рука, как известно, является знаком отсутствия враждебных намерений. Примером символических действий служат религиозные ритуалы, такие как христианское причащение или мусульманский хадж. В подобных действиях личность с помощью символов соотносится со сверхчеловеческими существами и трансцендентными аспектами реальности. В

знаковых действиях мораль граничит с *этикетом*, а в символических - *религией*. Этикетом (от франц. «*etiquette*» - «ярлык») называется знаковая система, регулирующая отношения между статусными позициями внутри сословия (чаще всего, высшего) или между сословиями, которые занимают более высокие и более низкие ступени в социальной иерархии. Нарушение правил этикета ставит под сомнение право лица, которое его допустило, принадлежать к соответствующему статусу и пользоваться его привилегиями. К этикету относятся различные «кодексы чести»: рыцарский, самурайский и т.п. Этикетные правила располагаются ближе к древним обычаям, чем мораль, и более жестко ограничивают поведение человека, оставляя ему минимальную свободу выбора. Они более консервативны, нежели нравственные нормы.

3. Культурная роль государства

В нравственности осуществляется синтез доминирования и родственной заботы. Но культура, двигаясь вперед, не только объединяет, но и дифференцирует свои продукты. Дальнейшее развитие властных отношений ведет к возникновению государства. На это указывает само слово: «государь» - то же, что и «господин», т.е. человек, наделенный властью. Государство возникает в результате усиления и расширения власти главы общины или племенного вождя. По версии Л. Мамфорда и некоторых других ученых, государство стало следствием покорения многочисленных земледельческих общин небольшою группой охотников, которые беспрекословно подчинялись своему вождю, владели оружием и навыками убийства.

Весьма вероятно, что возникновение государства совпало с появлением городов. Подтверждением тому может служить греческий язык, где слово «*πῶλις*» означает одновременно и «город», и «государство»³². Город есть территориальная целостность, которая защищена от остального мира крепостными стенами. В нем размещены силы, с помощью которых осуществляет свою власть: *чиновничество*, доводящее волю государя до подданных, и *армия*, приводящая к покорности внутренних и внешних врагов. Как считает М. Вебер, очень большая часть городов возникла из княжеских поселений, состоящих из ремесленников и торговцев, которые производят или обменивают продукты, необходимые для властителя и его окружения. Историческим предшественником города является *бург* – “крепость, где жил сеньор с подчиненными ему как должностному лицу или лично в качестве дружины воинами вместе с его и их семьями и челядью”³³. Обладание таким бургом означало военное господство над округом, а все, кто жил внутри крепостных стен, были обязаны участвовать в их возведении, починке и выполнении других защитных функций.

Одним из самых существенных признаков государства выступает ограниченная территория. Само государство можно понять как структуру, возникшую для защиты, расширения и обустройства своей территории. Власть внутри границ качественно отличается от влияния, которое данный государь может иметь за границей, в других государствах. Граждане обязаны платить *налоги* и выполнять действия, предписанные властителями, например, участвовать в войнах, грандиозных строительствах, содержать в порядке оросительные каналы и т.п.

Время возникновения первых государств известно более или менее точно. Большинство исследователей сходится на IV тыс. до н.э., когда в Древнем Египте и Шумере обнаружилось следы государственной власти. К III тыс. до н.э. относятся политические образования Хараппы и Мохенджо-Даро в Индии, Крита и Лемноса в Эгейском море; ко II тыс. – Китая.

Переход к государственной жизни был резким скачком в развитии внутренней цивилизации, а по мнению многих ученых – даже ее началом. В пользу такого мнения

³² Такое же значение имеет арабское «аль-мадина», но в аккадской клинописи для указания на страну и на город использовались разные детерминативы

³³ Вебер М. Город // Избранное. Образ общества. М.: Юрист, 1994. С. 319

говорит само значение термина «цивилизация». Колоссальным преимуществом государства является возможность установления порядка, единого для очень больших масс людей, причем не состоящих в родственных отношениях и не знающих друг друга лично. На этом основании Л. Мамфорд назвал государство «мегамашиной». Единый порядок позволяет согласовать в пространстве и времени действия множества индивидов, привести в движение колоссальные созидательные и разрушительные силы.

Государство закрепляет определенный уровень ценности за каждым своим гражданином и таким образом распространяет нравственную регуляцию на все социальное пространство, охватываемое его границами. Типичным примером этой нравственной системы является древнегреческая добродетель - совокупность качеств, необходимых для нормальной жизни в полисе. Подобная нравственная система зиждется на двух стержневых принципах. С одной стороны, она предписывает любить своих соотечественников и ненавидеть чужеземцев, а для менее воинственных государств – относиться к чужеземному безразлично. С другой стороны, полисная мораль предписывает поведение, полностью соответствующее тому месту, которое человек занимает в жизни по праву рождения. Эту ее особенность очень тонко прочувствовал Платон, распределивший роли граждан идеального государства в соответствии с золотом, серебром или железом их породы. *Благородство* в буквальном значении термина является в рассматриваемой системе важнейшим основанием человеческой ценности. Родство здесь сохраняет значительную роль, но становится сильно дифференцированным. В период становления государства, вероятно, случилось резкое возрастание социальной роли какой-то одной патрилинейной родственной группы, которая закрепила за собой всю власть и сделала ее наследственной. В дальнейшем различные властные, управленческие функции были разделены между несколькими родственными группами, в результате чего сложилось правящее сословие. Первобытная система тотемных групп заменяется системой классов и сословий, принадлежность к коим, кроме отдельных редких фактов социальной динамики, определяется рождением. Предельной формой такой организации общества явилась индийская варновая система, предусматривающая образование эндогамных групп, непреложное распределение функций и не допускающая прижизненного перехода из одной группы в другую.

Исходною формой государственного правления, по всей вероятности, была **монархия**, т.е. власть одного человека – *царя*. Как правило, эта власть была пожизненной и передавалась по наследству старшему сыну правителя. Правда, в архаических государствах и структурах промежуточного характера смерть властителя и передача власти наследнику далеко не всегда происходили естественным путем. Дж.Дж. Фрэнгер приводит серию исторических примеров искусственного ускорения такой смены. Там, где народ верил в харизматическую силу царя и ее влияние на урожайность сельскохозяйственных культур, плодovitость скота и здоровье населения, наступление старости служило признаком надвигающихся социальных бедствий и сигналом к превентивным действиям. Когда многочисленные жены царька африканских шиллуков начинали сетовать по поводу его способности исполнять супружеские обязанности, это воспринималось приближенными как приговор его царствованию. Дряхлеющего правителя либо обрекали на голодную смерть в замурованной хижине, либо, предохраняя от напрасных мучений, вешали. Иногда царь вынужден был отстаивать свою дееспособность в смертельном поединке с молодым претендентом на трон. Ревнивую заботу древних царей о бессмертии, о загробном существовании можно вполне понять только в контексте этой опасности. Превращение монархии в тиранию – бесконтрольную и неограниченную власть – обусловлено стремлением правителя устранить посягательства соперников.

На заре культуры светская (преимущественно военная) власть не была отделена от духовной. Вождь племени, а в последствии – царь был одновременно и шаманом, в дальнейшем – верховным жрецом. Государства Древнего Египта, Шумера, майя, ацтеков

и инков были *теократическими*, т.е. основывались на обожествлении властелина. Но уже в ведической Индии государственная власть закрепляется за второй по значимости варной (кастовой группой) кшатриев-воинов. Последовательное разделение светской и духовной власти было осуществлено в демократических полисах Древней Греции.

Необходимость такого разделения обусловлена тем, что интегративная функция государства требует, чтобы перед властью в определенном отношении были равны все его граждане, т.е. люди, проживающие на его территории, независимо от их этнической принадлежности и вытекающих отсюда верований. Государство существует как целое только тогда, когда у него есть средства принудить всех своих граждан к совершению действий, способствующих общему благу, и к отказу от поведения, разрушительного для остальных. К отделению светской власти от духовной ведет также и то обстоятельство, что в своих решениях правители должны руководствоваться соображениями политической целесообразности, а не только религиозными заповедями. Линия поведения шамана или священнослужителя детерминирована более жестко, чем деятельность военного вождя, который должен считаться с постоянно изменяющимися условиями, следовательно, относиться к жизни более творчески.

Разделение светской и духовной власти имело весьма существенное культурное значение. Общественная иерархия благодаря ему стала более сложной, многозначной и неопределенной. Заметно расширились пути обретения социального престижа и, самое главное, возросли возможности свободы и творчества.

Качество деятельности государства и связанных с ним общественных организаций выражается понятием *политической культуры*, которое было введено в оборот Габриэлем Олмондом («Сравнительные политические системы», 1956). Его появление обусловлено усложнением и глобализацией политической жизни. Политика выходит за границы государства, охватывает все более крупные регионы. В XX в. возникли новые типы политической деятельности: международные движения против технократии и бюрократии; региональные и межнациональные движения, которые пытаются объединить целые регионы мира по принципу исторических традиций, экономических интересов и культурного родства.

Во второй половине 60-х и в 70-е гг. в США сложилась новая концепция политической культуры. У ее истоков стояли Рой Макридис и др. Согласно этой концепции, в каждой стране имеется самобытная политическая культура, основанная на своеобразии потребностей человека и фундаментальных нравственных ценностей. Она представляет собой совокупность многообразных аспектов исторически сложившегося политического сознания нации. Это сознание включает специфическое восприятие истории и политики, укоренившиеся ценности и убеждения, политические знания и ожидания. Множество самобытных политических культур располагается в системе координат, одну из осей которой образует противоположность между *аристократизмом* и *демократизмом*, а другую – *деспотизмом* и *либерализмом*. Первая ось связана с вопросом, должен ли быть реальным носителем власти один человек или ограниченный круг лиц, занимающих самую высшую ступень в общественной иерархии (наследственная либо интеллектуальная элита), или же к принятию политических решений должны быть допущены и те, кто находится на нижних ступенях иерархии («демос»). Вторая ось касается вопроса, как далеко должна простираться власть: должна ли она поставить под контроль все сферы и ниши общественной жизни и не оставлять подчиненным никакого пространства или же ее вмешательство в общественную жизнь следует ограничить минимумом, уподобив, например, государство «ночному сторожу», который только охраняет безопасность граждан и их собственность, соответственно предоставив гражданам и негосударственным организациям максимальную свободу.

В этой системе координат сложились три основные модели политической культуры: авторитарная, тоталитарная и либерально-демократическая. **Авторитарная** (от лат. «auctoritas» - «полновластие», «влияние», «авторитет») модель представляет собой

соединение аристократического принципа власти с более или менее деспотическим способом правления. Классическими формами авторитаризма были наследственная монархия и тирания. Современные варианты авторитарной политики допускают ряд демократических учреждений, таких, например, как выборность власти, разделение, законодательной, исполнительной и судебной властей, определенные права и свободы граждан, но при условии подконтрольности этих учреждений верховной власти их известной декоративности. В авторитарной политической системе государство не ставит перед собой цели поглотить культуру в целом, предоставляя ограниченную самостоятельность религии, искусству, науке и образованию.

Тоталитарная (от лат. «totus» - «весь», «целый») политическая культура является крайней формой авторитаризма. Ее первые ростки появились еще на Древнем Востоке: империя Маурьев в Индии (321-185 гг.), империя Цинь Ши хуанди в Китае (221-206 гг. до н.э.) и др. В XX в. тоталитаризм фашистского или коммунистического толка (фашистская Италия, нацистская Германия, сталинизм в СССР в 1935-1953 гг.) возникает вследствие усиления государственной власти и установления «тотального» контроля над жизнью людей. Такая внутренняя цивилизация маскируется под демократизм, но при этом полностью игнорирует обратную связь общества с государством, требуя абсолютного подчинения себе и не допуская ни малейшей критики в свой адрес. Для нее характерна «этатизация» («огосударствление») всей общественной и даже личной жизни граждан, вплоть до разрушения супружеских и родственных связей по политическим соображениям. После непродолжительного успеха в мобилизации общества на решение военных или преобразовательных задач тоталитарные режимы потеряли свои позиции и превратились в своеобразные реликты. Такое превращение закономерно, поскольку тоталитаризм представляет собой попытку «движения вспять» - насильственного возвращения к доисторическому состоянию синкретической целостности культуры, когда ее основные формы: религия, мораль, искусство, наука и т.д., - не отделялись друг от друга.

Последним словом западной цивилизации считается **либерально-демократическая** политическая культура, которая органично соединяет привлечение социальных низов к управлению обществом с расширением гражданских прав и свобод. Она предполагает развитое гражданское общество с системой «сдержек» и «противовесов», которое противостоит государственному аппарату и корректирует его деятельность. Подобная внутренняя цивилизация допускает плюрализм мнений, возможность учета противоположных позиций; отвергает одностороннюю пристрастность.

4. Право в системе культуры

Государство функционирует на основе отчетливо сформулированных и зафиксированных законов, а также институтов, которые вырабатывают их и стоят на их страже. Органическим дополнением государства является система *права* – совокупности правил и законов, определяющих порядок совместной жизни людей. Двумя важнейшими источниками права являются древний обычай, тщательно сохраняемый в памяти поколений, и законодательная воля правителей государства. Необходимость права вызвана тем, что древний обычай не может регулировать отношения между людьми, когда на одной территории совместно проживают два разных этноса или два племени с разными обычаями.

Право очерчивает границы человеческого поведения, устанавливая совокупность прав и обязанностей («повинностей»). Между теми и другими существует более или менее органическая связь. Чтобы были обеспечены права одного человека, например, неприкосновенность жилища, на других людей должны быть наложены обязанности: не посягать на неприкосновенность, карать нарушителей и т.п. Многие повинности, например, исторически возникли из добровольных подношений и долгое время сохраняли

такое наименование³⁴. Средневековых французских монахов, однажды подаривших королю несколько бочек вина, обязали делать это ежегодно. Такое обыкновение складывалось на основе почтения к некогда совершившемуся факту («прецеденту»). Закрепление в праве определенных отношений между людьми происходило под воздействием двух основных факторов:

- эти отношения соответствовали интересам определенных лиц и групп;
- эти лица и группы располагали достаточной силой и властью, чтобы сделать постоянными благоприятные для них отношения.

Право представляет собой систему обычаев, поддержку которых взяло на себя государство. В первую очередь поддерживаются те обычаи, которые несут материальную или какую-либо иную выгоду правящим кругам. Нарушение таких обычаев объявляется самым серьезным *преступлением* и подвергается жесточайшим карам, в том числе, мучительной и позорной смертной казни. Важнейшим из преступлений является *бунт* – вооруженное восстание против власти. Серьезным преступлением провозглашается также посягательство на жизнь другого человека, в несколько меньшей степени – на его здоровье и собственность.

В Древней Индии, например, мятежников казнили сожжением рук и головы. Убийцу матери, отца, сына, брата, учителя подвергали сначала сдиранию кожи, а потом сожжению головы. Женщину, убившую мужа, родителей или ребенка, отдавали на растоптание скоту. Простое убийство, а также изнасилование, повлекшее за собой смерть потерпевшей, нанесение тяжелых увечий, кражей слонов, лошадей и колесниц, принадлежащих государю, карались сажанием на кол.

В Древнем Китае применялись 5 видов наказаний:

- «доспехи и оружие» - карательный поход против мятежников с целью истребления их вместе с семьями³⁵;
- «топоры и секиры» - смертная казнь;
- «ножь и пила» - кастрация, отрезание носа и конечностей;
- «долото и сверло» - удаление коленных чашек и клеймение;
- «плеть и палка» - нанесение 500, 300 или 200 ударов плетью или бамбуковой палкой по пяткам.

Одной из труднейших задач права выступает установление соответствия между характером преступления и величиной наказания. В решении этой задачи наметилось несколько общих тенденций. Во-первых, для развития права характерна тенденция к смягчению наказаний, к замене мучительных, членовредительских и унижительных казней более рациональными и гуманными мерами, допускающими возможность исправления. Во-вторых, право двигалось от автоматизма в осуществлении санкций, каким отличался, например, талион – принцип кровной мести, который предполагал эквивалентность деяния и воздаяния («око за око, зуб за зуб»), к учету всего комплекса факторов: величины и значимости совершенного преступления, степени умысла, особенностей жертвы и т.д. В-третьих, карательная деятельность государства стремится освободиться от влияния субъективных мотивов мести, предубеждения, этнической ограниченности и подчиниться политическим, прагматическим и общезначимым соображениям.

Правовые системы возникли во всех государствах, хотя не во всех сохранились письменные своды законов – «кодексы». Древнейшей упорядоченной системой права являются законы вавилонского царя Хаммурапи (II тыс. до н.э.). «Чтобы сильный не притеснял слабого, чтобы оказать справедливость сироте и вдове, чтобы в Вавилоне – городе, главу которого вознесли Анум и Элليل, и в Эсагиле – храме, фундамент которого прочно установлен, точно небеса и земля, - судить суд страны, выносить решения страны и притесненному оказать справедливость, я начертал свои драгоценные слова на своем

³⁴ См.: Блок М. Феодальное общество // Апология истории. М.: Наука, 1986. С.176

³⁵ Вместе с мятежником истреблялись «три поколения», т.е. пять категорий родственников: отец, мать, жена, братья, дети

памятнике и установил перед своим, царя справедливости, изображением”³⁶, - говорится в заключении к этому своду законов. Нормы древнеиндийского права изложены в трактатах «Манавадхарма-шастра» («Законы Ману») и «Артхашастра». В Древней Греции первые попытки кодификации относятся к VII-VI вв. до н.э. и к деятельности афинских правителей Дракона и Солона. Для уточнения законов они обратились к практике других греческих полюсов и Египта. Одна из самых разработанных правовых систем появилась в Древнем Риме. Это *jus civile* – «гражданское право».

Из Рима оно распространилось, с одной стороны, в Византийскую империю, а с другой, в Западную Европу, где на протяжении средневековья преподавалось в университетах. В судебной практике сильную конкуренцию ему составляли обычное право древних германцев, кодифицированное в «Саксонской правде» и других сводах законов, а также церковное «каноническое право», основанное на Библии и сочинения отцов церкви. По мнению ряда ученых, в этой конкуренции римское гражданское право приобрело статус некоей идеальной нормы, которую следует знать, но которой нельзя пользоваться в реальном судопроизводстве. Светские феодалы в своих владениях вершили суд, руководствуясь обычным правом и собственными интересами; в ведении церкви находились дела, связанные с верой (ереси, колдовство, богохульство), и некоторые другие, прямо не касающиеся государства.

В своем историческом развитии право прошло долгий путь от *обычного права*, основанного на родственных отношениях и кровной мести, через *сословное право*, фиксирующее изначальное неравенство статусов и, соответственно, законных возможностей, к *универсалистскому праву*, признающему равенство всех людей перед законом, независимо от их положения в обществе, принадлежности к тому или иному государству.

Культурная роль права сводится к двум основным моментам: право воспитывает, во-первых, *уважение к закону*, сознание его возвышенности и непреложности; во-вторых, *уважение к личности*, признание ее неотъемлемых прав и свобод. Правовые системы заметно отличаются друг от друга в зависимости от того, какой из этих моментов выходит на передний план. Обычное и каноническое право отдавали приоритет непреложности закона, поэтому связывали эффективность юриспруденции с суровостью наказаний преступников.

В современном мире преобладают правые системы двух типов: западного, основанного на принципах либерализма и автономии человеческой личности, и восточного, тяготеющего к религиозному фундаментализму либо иным жестким идеологическим схемам. Наиболее суровые кары предусмотрены правом исламских стран (особенно Ирана) и Китая.

На протяжении длительного времени правовой регуляции подвергались только отношения между людьми внутри государства. В отношениях между государствами господствовал принцип силы, по которому свою волю навязывает тот, кто располагает большим военным потенциалом. Договоры, существовавшие между правительствами отдельных государств, только отражали сложившуюся расстановку сил и незамедлительно нарушались при ее изменении. В XX в. с появлением влиятельных международных организаций, таких как Лига наций, ООН, ЮНЕСКО, МАГАТЭ и др. сфера действия права значительно расширилась. Нюрнбергский процесс 1946 г. стал первым серьезным прецедентом юридической оценки деятельности целого государства и даже группы государств. Всеобщая декларация прав человека, принятая в 1948 г., определила базисные права людей, независимо от их национальной и государственной принадлежности. Это служит самым ярким свидетельством интегративной тенденции во внутренней цивилизации, а именно, гармонизации связей между нравственностью, правом и политикой.

³⁶ Хрестоматия по истории Древнего Востока. Ч. 1. М.: Высш. школа, 1980. С. 174

Современная правовая культура характеризуется тенденцией к конвергенции, сближению правовых систем различных типов. Эта тенденция отчетливо проявилась в увеличении роли сравнительного права – научных исследований законодательных систем других стран и самое главное в принятии международных правовых документов.

Литература

- Апресян Р.Г. Идея морали и базовые нормативно-этические программы. М.: ИФРАН, 1995. С. 32-61
- Вебер А. К вопросу о социологии государства и культуры// Культурология. XX век. Антология. М.: Юрист, 1995. С. 497-539
- Вебер М. Город // Избранное. Образ общества. М.: Юрист, 1994. С. 309-446
- Гусейнов А.А. Социальная природа нравственности. М.: Изд-во МГУ, 1974. С. 63-86
- Гусейнов А.А. Цели и ценности: как возможен моральный поступок? // Этическая мысль. Вып. 3. М.: ИФРАН, 2001
- Дробницкий О.Г. Понятие морали. М.: Наука, 1974. С. 214-329
- Дробницкий О.Г. Природа морального сознания// Проблемы нравственности. М.: Наука, 1977
- Мамфорд Л. Миф машины. Техника и развитие человечества. М.: Логос, 2001. С. 219-304
- Политическая культура: теории и национальные модели. М., 1994
- Шпенглер О. Закат Европы. Минск: Харвест, М.: АСТ, 2000. С. 1091-1284

ТЕМА 6. Серьезные и игровые аспекты культуры.

1. Культурное значение труда

Антиномичный характер культуры выражается в том, что она, с одной стороны, максимально привязывает человека к чему-то, настраивает на серьезный лад, а с другой стороны, позволяет отстраниться от каких-то житейских проблем, развлечься, почувствовать внутреннюю свободу.

Серьезное содержание культура воплощается в повседневной жизни, в первую очередь, в **труде**, практической деятельности по производству материальных средств существования, в разработке техники и технологии, т.е. того, что мы прежде определили как «*внешнюю цивилизацию*» или «вторую природу». Близкой по духу к труду является репродуктивная деятельность человека – рождение и воспитание детей. Прямым антиподом производительной активности выступает война, требующая к себе не менее, если не более серьезного отношения, чем труд. По своему ценностному содержанию война антикультурна, ибо направлена на разрушение, а не на созидание. Однако в ней используется, хотя и весьма односторонне, множество выработанных культурой средств.

Труд начинается с охоты и собирательства, которые еще не вполне отличаются от соответствующей деятельности животных: хищников, травоядных и грызунов. Собственно человеческим моментом здесь была только возможность произвольного перехода от охоты к собирательству, что временами наблюдается и у приматов, которые, в основном питаются плодами, изредка прибегают к повадкам хищников.

Многие исследователи считают, что первобытный человек был в большей степени охотником, чем собирателем, т.е. предпочитал выследивать, преследовать и убивать животных, а не разыскивать и откапывать съедобные плоды и корни. Это было бы справедливо в том случае, если бы человек происходил от хищников, а не травоядных. Но это совсем не очевидно. Л.

Мамфорд, например, не без оснований утверждает, что собирательство предшествовало охоте, а первыми охотничьими орудиями были не дубины и копья, а силки и западни, которые «ближе к земле». Такая позиция имеет известное этимологическое оправдание. Греческое слово «μηχανή» и латинское «machina», от которых были образованы термины «механизм» и «машина», первоначально означали «вымысел», «хитрость», «кознь». И древнерусское «кузнь» («то, что делает кузнец») имеет тот же смысловой оттенок: оно родственно, а не только созвучно «козни». Аналогичную связь имеют слова «ковать» и «коварство». Данные смысловые связи свидетельствуют о том, что трудовая деятельность первобытного человека предполагала изобретение всяких хитростей: умение заставить другие существа и вещи действовать на людскую выгоду. Вероятнее всего, человек начинался не с охоты и не собирательства, а с возможности совмещать оба занятия и использовать приемы, сложившиеся в одном деле к другому делу, т.е. со своего рода «операциональной метафоры».

Естественный язык, очень чуткий к социальным изменениям, особым образом выделил процессы перехода от собирательства к земледелию, а от охоты к скотоводству. Латинское слово «cultura», как мы помним, первоначально применялось по отношению к земле и тому, что на ней произрастает. В эпоху мезолита (среднего каменного века) люди стали переходить от собирания готовых растительных продуктов к уходу за деревьями, кустарниками и травянистыми растениями, которые дают более вкусные и питательные плоды, клубни и корни. В тропическом поясе это были таро и ямс. Именно такие растения стали считаться одомашненными, т.е. культурными (возделанными). В процессе ухода и искусственного отбора полезные качества этих растений усиливались. В конечном итоге произошла так называемая «неолитическая революция», приведшая к земледелию в собственном смысле – возделыванию злаков. По свидетельству ботаников, ни одно из важнейших злаковых растений не встречается в диком состоянии. В том виде, в каком они известны нам сейчас, они созданы человеком.

Сходное превращение произошло и в охотничьей деятельности. Охоту на диких животных человек постепенно заменил domestикацией (одомашниванием) тех, которые имели наиболее полезные для него свойства – в живом или мертвом виде. Первою была одомашнена собака, вероятно, верная помощница на охоте. Начальной заменой дичи стали свиньи и утки.

Прямую связь с культурой труд приобретает с того момента, когда начинается производство *орудий*. Между целью деятельности и исходной потребностью выстраивается постепенно удлиняющаяся цепь *средств*. Простейшие орудия типа палки или камня могут использовать и обезьяны. Но только людям доступно изготовление орудий для производства других орудий, например, каменного топора, которым можно придать палке удобную форму.

В архаическом обществе производство не является самодовлеющим, более того, оно “подчинено нуждам непродуцирующего разрушения”³⁷. Изготовление орудий аналогично использованию языка. Подобно тому, как в языке для передачи смысла от одного человека к другому употребляется звуковой материал, по большей части безразличный для этого смысла, так и в производстве орудий человек использует наличные вещи (камни, куски дерева) в качестве дополнений для своих естественных органов. Орудийная деятельность – это тоже комбинаторика, но направленная не на звуковые образы, а на свойства вещества. Как поясняет Л. Мамфорд, “в изготовлении орудий не было ничего исключительно человеческого до тех пор, пока оно не оказалось модифицированным языковыми символами, эстетическими замыслами и знанием, передаваемым социальным путем”³⁸. Разумеется, огромную роль в становлении техники сыграло вертикальное положение человеческого тела, прямохождение, позволившее освободить передние конечности от двигательных функций и превратить их в собственно руки – органы, которые способны производить множество разнообразных операций: хватания, держания, нанесения ударов, разрывания и т.п. С помощью главным образом рук, в меньшей степени зубов и ног человек выполняет весьма сложные действия: “он может копать, царапать ногтями, колотить кулаками, перекручивать волокна, прясть нити, ткать, завязывать узлы, сооружать укрытия из сучьев, плести корзины, лепить горшки из глины, очищать плоды, раскалывать ореховую

³⁷ Батай Ж. Теория религии. Минск: Совр. литератор, 2000. С. 91

³⁸ Мамфорд Л. Миф машины. М.: Логос, 2001. С. 11

скорлупу, разрывать зубами волокна или нити, размягчать шкуры жеванием, давить босыми ногами виноград”³⁹. Способность выполнять дифференцированные, сложные и тонкие действия руками – один из фундаментальных показателей культурного развития человека. Термин «золотые руки» как признание мастерства и по сей день остается свидетельством высокого социального престижа. Однако ручная работа с вещами становится возможной только благодаря развитию всей системы человеческих способностей. Всякое творчество подпитывается единым источником – возможностью использовать один объект в качестве знака для другого объекта, переносить какие-то важные связи с одних объектов на другие. Одно из самых кардинальных изобретений первобытного человека – добывание огня посредством трута – возникло, как предполагает французский ученый Гастон Башляр, в практике отношений между полами. По его словам, “объективная попытка добыть огонь трением подсказана глубоко интимным опытом”⁴⁰. Зарождающаяся культура позволяла человеку открывать новые связи, новые функциональные возможности таких привычных вещей, как камень или кусок дерева.

Социальная структура общества реализует себя, прежде всего, в разделении труда. Уже на стадии присваивающего хозяйства мужчины занимаются охотой, женщины – собирательством. С переходом к скотоводству и земледелию меняется только содержание функций. У кочевых скотоводческих народов пастухами становятся мужчины, на долю женщин отводится доение и обработка молочных продуктов. В земледельческом труде до изобретения сохи и плуга основную роль играют женщины – бывшие собирательницы. Мужчины сохраняют за собой статус охотников или воинов, поскольку охота и война – близкие по роду занятия. С появлением *ремесла* – ручной работы в собственном смысле – мужчины сосредотачивают в своих руках кузнечное дело, т.е. производство орудий и оружия; а женщины – гончарное производство, изготовление глиняной посуды. “На долю женщины приходится изготовление и использование глиняных сосудов, ведь глина, из которых их делают, – это женское, как и земля; иначе говоря, глина – это женская душа”⁴¹. Стало быть, у культурных истоков женщина более тесно связана с землей и более предрасположена к тому, чтобы придавать форму *мягкому* материалу. Мужчина более свободно перемещается в пространстве, овладевает другими живыми существами и меняет форму *твердых* предметов из дерева, камня или металла. Обработка камня и железа придала твердость и упорство мужскому характеру.

Первые механизмы или машины, вероятнее всего, были изобретены мужчинами. Л. Мамфорд предполагает, что самой первой машиной был лук, который появился в промежутке от 30 до 15 тыс. лет назад. Это предположение вполне правдоподобно, если понимать машину как приспособление, благодаря которому на человека работают физические силы. В луке действует потенциальная энергия натянутой тетивы и согнутой палки. Копье или дротик еще не являются машиной, хотя они тоже поражают цель на расстоянии. Дальность их полета и точность попадания определяются почти исключительно силой и согласованностью движений самого охотника. В луке и стрелах эта роль переходит к упорядоченности материала. Поэтому копье – это орудие, обособившееся от человеческих органов, а лук – механизм в собственном смысле слова, который человек только запускает в действие. Аналогичную роль в женском производстве сыграл гончарный круг, который, по приблизительным оценкам, был изобретен на 20 или 10 тыс. лет позднее лука и стрел.

2. Физическая и бытовая культура

Физическая культура, т.е. культивирование человеческого тела, возникает из фундаментального человеческого стремления к совершенствованию. По Л. Мамфорду, собственное тело было для человека самым близким и удобным предметом исследования и экспериментирования. Ни один телесный орган, ни одно отправление не было исключено из поля интереса и творческой активности наших далеких предков. Одним из первых проявлений

³⁹ Там же. С. 138

⁴⁰ Башляр Г. Психоанализ огня. М.: Прогресс, 1993. С. 41

⁴¹ Цит. по: Леви-Стросс К. Ревнивая горшечница// Путь масок. М.: Республика, 2000. С. 172

культуры стала *гигиена* – уход и забота о здоровье собственного организма. Согласно греческой мифологии, у бога врачевания Асклепия было две дочери – Гиги́ея (Здоровье) и Панакея. Первая и дала имя гигиене. Многие гигиенические приемы были унаследованы от животных, в том числе, груминг – вычесывание и вылавливание вшей и блох. Вплоть до открытия микроорганизмов гигиенические требования основывались на магии. Процедура очищения (водой, мочой людей или животных, песком) имела в большей степени религиозный характер и относилась, скорее, к собственно культуре, чем к внешней цивилизации.

Помимо гигиены культура тела включала в себя целенаправленное упражнение органов (прежде всего, мускулатуры), совершенствование движений и внешнего облика. Уже на первом году жизни ребенок усваивает навыки прямохождения. В дальнейшем происходит совершенствование техники движений: их скорости, точности, силы, продолжительности исполнения и т.п.

В древности культура тела формируется в основном спонтанно, как побочный результат различных видов серьезной или игровой деятельности. Специально ею занимались, по некоторым свидетельствам, в Древнем Вавилоне. У греков появилась *гимнастика* – комплекс упражнений, развивающих тело. Важное место двигательным и дыхательным упражнениям отводила древнеиндийская йога. В Китае и других дальневосточных странах складывается система единоборств (у-шу). Телесные способности формируются так называемыми «рыцарскими искусствами» в средневековой западной Европе (верховая езда, владение мечом и копьем, плавание и т.п.). но подлинный расцвет культуры тела наступает только в современной культуре. Характерным продуктом культуры XX в. является культуризм («body-building») – особая методика наращивания мышечной массы тела упражнениями с отягощениями. Создателями «бодибилдинга» считаются американцы Чарльз Атлас (Анджело Сицилиано), Чарльз П. Роман и Джо Вейдер, автор книги «Система строительства тела». С 1952 г. проводятся ежегодные чемпионаты мира по бодибилдингу, включающие в себя художественное позирование.

Чемпионка России по бодибилдингу Ольга Аксенова

Двукратный чемпион мира

Сергей Дмитриев

В 70-е годы в США появился фитнес (англ. «fitness» - «пригодность», «пребывание в форме») – комплекс программ спортивно-оздоровительного характера, основанный на использовании аэробики (ритмической гимнастики), «шейпинга», танца, боевых искусств и психотренинга. В аэробике осуществляется совершенствование движений на основе музыкального ритма. В конце XX в. возник шейпинг (англ. «shaping» - «придание формы») – культивирование внешнего вида и

движений (походки, осанки, одежды, прически, макияжа), учитывающее особенности женского организма и душевного склада.

Техника изменения телесного облика была чрезвычайно разнообразна. Основная цель, которая преследуется многочисленными, подчас очень болезненными и трудными операциями – *украшение*. Татуировки (от полинезийск. «tatau» - «рисунок»), наколки, надрезы, вживление в организм инородных предметов и пр. диктуются требованиями внутренней цивилизации: стремлением повысить и закрепить свой социальный ранг или просто привлекательность в глазах окружающих.

Ритуальная татуировка маорийца

Трудно найти часть человеческого тела, которая сумела бы полностью избежать искусственных преобразований. Различными механическими средствами, применяемыми, чаще всего, в раннем детстве, удлиняли череп, шею и уши, укорачивали нос, изменяли разрез глаз, утолщали губы, выбивали зубы, увеличивали или наоборот сокращали до нуля половые органы, укорачивали женскую ступню, выполняли множество других хирургических операций.

В современной массовой культуре произошло оживление интереса ко многим из этих экзотических древностей. Татуировка и пирсинг, давно утратившие связь с живой символикой, стали элементами моды.

3. Религиозно-мифологические корни культуры

Иная сторона серьезного содержания культуры разворачивается в **религии**. Здесь культура выходит за пределы естественного положения вещей, создает или открывает особый *сверхъестественный мир*. Религия как бы возвращает человеку то единство, которое он утрачивает в труде и других видах обыденной жизни, где он низводится на уровень вещи или орудия. **Религией устанавливается предельно серьезное отношение к жизни**. По одной из версий, латинское слово «religio» происходит от глагола «religare», означающего «связывать», «скреплять», «сковывать». Если эта версия верна, то в религии речь идет главным образом об изменении поведения людей в присутствии сверхчеловеческих существ или сил. Поскольку «сверхчеловеческое» - это то, что выше и совершеннее человека, основной функцией религии выступает *ценностная ориентация*. Связывая человека, она способствует его благу. В религии внутренняя цивилизация становится собственно культурой. Регулирующим фактором человеческого поведения выступает уже не общественная организация непосредственно, а некое идеальное представление о космическом порядке, например, «небесная иерархия».

Стержневой бинарной оппозицией религии является противоположность *сакрального* (священного) и *профанного* (светского, обыденного). «Сакрально то (живое существо, вещь или

идея), от чего зависит все поведение человека, что для него не подлежит обсуждению, осмеянию и шуткам, от чего он не отречется и не отступится ни за что на свете”⁴².

Сакральное изначально двойственно: оно одновременно притягивает к себе и удерживает на расстоянии. “Все, что относится к священному, является притягательным и преисполнено непреходящей ценности, но в тот же миг оно же предстает во всей своей леденящей душу угрозе в отношении того безоблачного и безбожного мира, который и является прибежищем человечества”⁴³. С одной стороны, религия рисует пугающие образы зла и порока, с другой, устанавливает или открывает **святыни** – высшие ценности. Метафорически выражаясь, она указывает человеку дорогу туда, где он становится более совершенным, предостерегая от пагубных путей, где он будет блудить во тьме.

В основе сакрализации лежит способность человека к созданию символов. Священным может стать при определенных условиях любой предмет, любое действие, любой участок пространства. Таким условием становится приобретение знакового характера. “Предмет становится священным в той мере, в какой он заключает в себе, или обнаруживает нечто иное, не то, что есть он сам”⁴⁴. Эта «инаковость» предмета есть его принадлежность к особому порядку, обладание какой-то сверхъестественной силой.

Во-первых, религия определяет наиболее ценные участки *пространства* – святы места. С глубокой древности таковыми считались участки, где происходило соприкосновение неба и земли, например, у греков и римлян те, куда ударяла молния. К таким местам относились как к средоточию сверхчеловеческих сил. Одной из самых важных в жизни человека является дорога к храму. Святое место обладает тем свойством, что одно только пребывание в нем делает человека чище, возвышеннее и благороднее. Многие религии включают в круг своих требований и советов посещение храма или паломничество к святым местам. Степень ценности той или иной точки пространства определяется ее близостью к священным существам. В некоторых религиях приближение к Богу понимается методом «от противного»: как максимально возможное удаление от повседневной жизни, ее забот и соблазнов. В этом случае земля в целом становится обыденным, повседневным пространством, а для священного отыскивается иной, *потусторонний* мир, чаще всего, *небо*. Жизненный путь человека становится подъемом вверх или падением вниз, в преисподнюю, где сосредоточено все, что в максимальной степени обладает негативной ценностью.

Во-вторых, религия устанавливает особо ценные промежутки *времени* – праздники. В поток обыденной, будничной жизни, когда человек связан по рукам и ногам заботой о пропитании, вставляются сверкающие разнообразными красками праздничные дни, в которые люди перестают быть самими собой, отрекаются от привычного социального статуса вместе с его тягостными или скучными обязанностями, осваивают новые, более яркие и привлекательные роли, стало быть, сами становятся более совершенными. Праздники “противостоят будням как прерывистые вспышки – тусклой непрерывности, как неистовый восторг – повторению день ото дня одних и тех же материальных забот, как мощное дыхание совместной экзальтации – спокойным трудам, которыми озабочен каждый по отдельности, как сосредоточение общества – его рассеянию, как лихорадка кульминационных моментов – тихой работе в слабые фазы жизни”⁴⁵. Религиозные праздники – это периоды особой близости к Богу или иным сверхчеловеческим силам. Ценностная неоднородность времени по мере развития религии и других сторон культуры объединяется в целостную картину священной истории и только из нее впоследствии возникает идея истории как таковой.

В-третьих, религия учреждает особо ценные *действия*: обряды, ритуалы, таинства. Важнейшим ритуалом большинства религий является **жертвоприношение**. Глубинный смысл этого ритуала в поддержании мощи сверхчеловеческих сил, в предотвращении их иссякания. В христианстве на передний план выдвинулись 7 таинств: крещение, причастие, миропомазание,

⁴² Кайуа Р. Миф и человек. Человек и сакральное. М.: ОГИ, 2003. С. 249

⁴³ Батай Ж. Теория религии. Минск: Совр. литератор, 2000. С. 34

⁴⁴ Элиаде М. Трактат по истории религий. Т.1. СПб.: Алетейя, 2000. С.51

⁴⁵ Там же. С. 220

исповедь (покаяние), венчание, елеосвящение и священство (возведение в сан). По своему глубинному смыслу все эти действия ведут к преобразению человека: освобождают от первородного греха, приобщают к лону церкви, связывают с другими людьми.

Особо ценные действия могут быть чисто словесными или представлять собой манипуляции с вещами. Отсюда, в-четвертых, религия дает жизнь священным *словам и словосочетаниям*. Они могут исходить от высших существ к людям либо, наоборот, быть обращением людей к этим существам. Важнейшими из божественных воззваний к человеку являются заповеди. Слова, идущие снизу вверх бывают заклинаниями или молитвами. Между двумя последними видами сакральной лексики существует принципиальная разница. По своей форме они различаются как *приказ* и *просьба*. К заклинаниям тяготеют примитивные религиозные культы, которые обещают человеку поставить под его контроль сверхъестественные силы. До молитвы возвышаются более развитые религии, которые не допускают возможности приказывать высшим силам, утверждая, что к Богу можно обращаться только со смиренной просьбой и искренней благодарностью.

В-пятых, всякая религия определяет более или менее узкий круг *вещей*, представляющих особую ценность для верующих. К таким вещам – «фетишам» – относятся, например, кресты, иконы, церковная утварь, мощи святых и т.п. В православном храме сакральные предметы расположены в самой ценной (алтарной) части. На самом священном месте алтаря – «горнем месте» - пребывают семисвечник и большой запрестольный крест. В центре алтаря находится престол, на котором лежат антиминс (шелковый плат с изображением положения Христа во гроб и частицей мощей какого-либо святого, а также напрестольное евангелие, крест, дарохранительница и дароносица. У северной стены алтаря стоит особый стол-жертвенник, на котором поставлены потир – святая чаша для вина, дискос – блюдо для просфир и другие предметы, необходимые для причастия. Само прикосновение к подобным вещам, вследствие их особой святости, оказывает преобразующее воздействие.

Наконец, в-шестых, само преобразование верующего человека выражается в особых *состояниях*, к каковым относятся энтузиазм, экстаз, медитация и др. *Энтузиазмом* (от греч. « $\lambda\theta\upsilon\omicron\upsilon\varsigma \leftrightarrow \alpha\sigma\iota\varsigma$ » – «божественное вдохновение») называется состояние священного воодушевления, когда какая-либо сверхчеловеческая сила: дух или даже сам Бог, – нисходит на человека и действует через него или сообща с ним. В состоянии энтузиазма люди способны предвидеть будущее и вершить великие дела (ратные или культурные подвиги). Для того чтобы вызвать энтузиазм, во многих религиях предусмотрены специальные молитвы или ритуальные действия. *Экстатическое* (от греч. « $\epsilon\kappa\sigma\tau\alpha\sigma\iota\varsigma$ » – «смещение», «исступление») состояние представляет собой смещение души человека, то есть выход ее из своих привычных границ, слияние с душами других человеческих или сверхчеловеческих существ в одно нерасчлененное целое. В подобном состоянии человек временно утрачивает свою индивидуальность и ранговые различия. Перестают действовать механизмы самосознания, такие как чувство личной ответственности, стыд и совесть. К экстазу в разных религиях ведут особые ритуальные практики, включающие в себя употребление наркотических веществ, стремительные ритмичные движения и т.п. *Медитация* (от лат. «*meditatio*» - «обдумывание», «сосредоточение»), наоборот, означает целенаправленное движение душевных способностей внутрь, *в середину*, к какому-то одному состоянию или содержанию сознания. Медитирующий человек стремится отвлечься от постоянно изменяющихся внешних впечатлений и таким образом добивается самоуглубления.

Кардинальным моментом в религии является вера в особо ценные *существа*. К ним относятся боги, духи, святые. Ранговые отношения, существующие между людьми, в результате символического переноса распространяются на мир незримых существ. Исходной основой для ранжирования сверхчеловеческих агентов являлась жизненная сила – способность противостоять смерти. Боги, как правило, вообще не подвержены старению и умиранию. Духи занимают промежуточное положение между богами и людьми. Христианские ангелы, например, бессмертны, но сотворены Богом; бестелесны, но могут принимать зримые образы. Из людей наиболее близки к божественным существам святые. Согласно православию, их тела в меньшей степени подвержены тлению. Отсюда вытекает учение о *мощах*.

Повествование о жизни и действиях сверхчеловеческих существ образует мифологию. **Мифология** - это исходное ядро религии и культуры в целом. Из этого ядра постепенно выделяется искусство и нравственность. В дальнейшем формируются философия, наука и другие формы культуры.

В ключевых образах и сюжетах мифологии, по предположению К. Леви-Стросса, выражаются глубинные структуры души, которые соответствуют общему строению человеческого мозга. Но биологическая природа человека выражается в мифах не прямо, а через систему образов фантазии, возникающих благодаря языку. Миф является продуктом коллективного творчества, разворачивающегося вследствие того, что одни люди пытаются сообщить другим свои тайные страхи, радости и надежды.

В развитии культуры переходу от мифа к логосу предшествует движение от слова к мифу, в котором знак превращается в символ. Без мифологии не смог обойтись ни один народ мира, из чего можно заключить, что появление этой культурной формы обусловлено жизненно важными потребностями и особенностями человека, а потому необходимо. По всей видимости, в самом языке есть нечто такое, что предрасполагает его превращаться в миф. Неслучайно греческое *μῦθος* означает одновременно и «миф» и «слово». Связь между языком и мифом является столь тесной, что у некоторых ученых, первым из которых был Макс Мюллер, возникло предположение, что языковые особенности выступают почти единственным источником мифотворчества, а мифология в целом – это своеобразная болезнь языка – “детская болезнь, против которой нет лекарств”⁴⁶. В последующих исследованиях мифологии это предположение не подтвердилось, но какое-то рациональное зерно в нем, безусловно, есть.

Знак вообще и слово как языковый знак почти никогда не означает индивидуального предмета. Исключение составляют только имена собственные, да и они у разных существ могут совпадать. Обычное же имя нарицательное относится к целому классу одинаковых либо сходных предметов. Это касается, хотя и в разной степени, как слов вроде «человек», «собака», «дерево», так и слов более частного значения «дуб», «отец», «мать» и т.п. Возможность применять одинаково звучащие слова к множеству различных объектов содержит мистифицирующий момент, который побуждает тех, кто вслушивается в слово, представлять наглядно и образно некое единство, стоящее за этим словом. Значение слова – совокупность контекстов-ситуаций, в которых оно употребляется. Говорящим и слышащим они воспринимаются с различных точек зрения. Произнесенное слово пускает в ход не только мышление слушающего, но и воображение. По замечанию Р. Барта, “вокруг окончательного смысла всегда потенциально клубится некая туманность, где зыбко колеблются другие возможные смыслы, то есть смысл почти всегда может быть *интерпретирован*. Язык предоставляет мифу «пористый смысл», легко способный набухнуть просочившимся в него мифом: язык здесь похищается посредством его колонизации”⁴⁷. В момент упомянутого интерпретирования и происходит трансформация слова в миф. Овладев знаковой деятельностью, в том числе языком как наиболее простой и совершенной ее формой, человек приобрел способность не только *усматривать* значение объектов действительности, но и *устанавливать* его. Самыми колоритными продуктами этой способности выступают мифология и религия. Миф устремлен не к познанию действительности, а к наполнению ее смыслом. В нем устанавливаются новые связи между вещами и вводятся существа, ответственные за такие связи.

В мифотворчестве означающее обособляется от означаемого и становится самостоятельной сущностью. Образы мифов становятся символами, в которых полагается не только связь между отдельными объектами, но и широкий спектр их отношений к человеку. “Имя бога, даже обозначая индивидуума, может иметь ту же функцию, что и общее понятие или обозначение вида, поскольку оно позволяет соединить и упорядочить разнообразные единичные явления”⁴⁸.

Символами становятся слова, которые имеют особую эмоциональную окраску, нагружены экспрессией. Эмоциональный колорит слов определяется их связью с ключевыми событиями

⁴⁶ Мюллер М. Введение в науку о религии// Классики мирового религиоведения. М.: Канон, 1996.- С.57.

⁴⁷ Барт Р. Мифологии. М.: Сабашниковы, 1996. – С. 258

⁴⁸ Хюбнер К. Истина мифа. М.: Республика, 1996. С. 98

человеческого бытия. Двумя фокусирующими центрами событий выступают переход от небытия к бытию (рождение) и от бытия к небытию (смерть). Рядом с этими фокусами существуют еще два предваряющих события: соединение полов как прелюдия к рождению и болезнь как преддверие смерти. Слова, относящиеся к этой тетраде ключевых событий, имеют наибольший эмоциональный и энергетический потенциал. В разные жизненные периоды тот или иной элемент тетрады становится предметом особенно интенсивного интереса и наиболее активно обсуждаемой темой.

Мифы разворачиваются вокруг слов, имеющих повышенный эмоциональный заряд. Культура вырабатывает разнообразные способы активного отношения к жизненным ситуациям, овладения жизнью. Слово как символ представляет собой один из таких способов. Знать имя объекта или действия – значит в определенной степени владеть ими. Называнием очерчивается граница, отделяющая их от других предметов и действий. Ограничение – обязательное условие овладения. В мифе границы объектов полагаются не рассудком, а воображением. Поэтому овладевающая роль слова оказывается здесь большей, чем в реальном общении, и еще большей, чем в манипулировании вещами. В мифических образах человек воспринимает не внешние контуры объектов мира и не их динамическую структуру саму по себе, а силы и потенции, составляющие его собственный внутренний мир. Где, как не во внутреннем мире человека, конструктивные и деструктивные возможности слова наиболее значительны?

Для знака и тем более для символа совершенно не обязательно сходство между означающим и означаемым. Необходимо только соответствие. Отсюда вытекают неисчерпаемые выразительные возможности мифа. Он отображает такие связи человека и мира, которые никогда не осознавались, даже и не будут осознаны. Миф – это не голая выдумка, а попытка облечь в слово и образ наиболее сильные движения человеческой души.

Мифологические образы имеют большую или меньшую ценностную окраску, располагаются на шкале жизни и смерти ближе к тому либо другому полюсу. Ценностная иерархия сущего во многом сходна в различных мифологических системах. Ее можно вывести через анализ мифических метаморфоз – благоприятных или неблагоприятных превращений, изменений внешней формы и внутренней сущности. Она состоит из 7 ступеней:

- 1) боги
- 2) демоны
- 3) герои
- 4) люди
- 5) животные
- 6) растения
- 7) неживые предметы.

Каждая ступень иерархии – это определенная степень совершенства. Универсальным критерием совершенства выступает степень приобщения к жизни. “Жизнь, - как отмечал Э. Кассирер, - обладает высшим религиозным значением как в низших, так и в ее высших проявлениях”⁴⁹. Боги, стоящие на верхней ступени, совсем не причастны к смерти, а предметы, находящиеся внизу, - к жизни. Жизнеспособность мифологическое сознание отождествляет с благом, что явствует из самой этимологии слова «бог». Оно восходит к иранскому «baga» и санскритскому «bhaga», указывающим на благо и подателя, распределителя благ. Согласно мифическим представлениям, для людей открывается путь вверх, в пределе – *обожествление*, и путь вниз – к вечным страданиям и смерти без возрождения. Избрание пути отчасти зависит от самого человека (главным образом, от его поведения), отчасти определяется внешними для него силами – в основном теми, что располагаются на более высоких ступенях бытия.

Следовательно, своими образами и сюжетами мифология строит динамическую структуру мира: устанавливает значимость объектов, предписывает систему действий, необходимых для того, чтобы сохранять и усиливать положительное значение объектов или снижать отрицательное. Структура мира задается в мифах через образы богов, совершающих

⁴⁹ Кассирер Э. Опыт о человеке. Введение в философию человеческой культуры // Философские науки, 1991, 7. – С.109

определенные действия и вызывающих определенные явления. Действия богов и демонов предшествуют их характерам, поэтому, как отмечал Э. Кассирер, в истории культуры функциональные боги появляются задолго до личных⁵⁰.

К. Леви-Стросс постоянно подчеркивал, что логика мифа основана на бинарных оппозициях (двойных противоположностях), важнейшие из которых

- мужское и женское,
- свет и тьма,
- верх и низ,
- правое и левое,
- нечет и чет,
- вареное и сырое и т.п.

Тяготение мифа к подобным оппозициям он объяснял тем, что человеческая психика в целом основана на действии противоположных механизмов, а эта ее особенность, в свою очередь, уходит корнями в различие правого и левого полушарий мозга. Миф не просто выделяет противоположности, но создает фантастические образы, в которых происходит соединение этих противоположностей. Такие образы называются у Леви-Стросса *медиаторами*. Каждый медиатор несет в себе черты обеих сторон. Оппозиция мужского и женского выражена уже в языке – в различении мужского и женского родов. Средний род как бы объединяет в себе черты первого и второго или, наоборот, лишен самых выразительных признаков как того, так и другого. Такое различие распространяется не только на живые существа, но и на мертвые предметы, что создает питательную почву для мифологических олицетворений. В греческой мифологии, напр., земля олицетворяется в образе Геи как женского начала, небо – Урана как мужского, а их потомство разворачивается как цепь опосредований, в которых сильнее выражено то одно, то другое начало.

Сама по себе бинарность ценностно нейтральна. Но в человеческом сознании она неизбежно приобретает ценностную окраску. Там, где возникают противоположности, действует предпочтение. Последнее вызывает оценку – представление о добре и зле. По мифической логике, обусловленной теми или иными реальными обстоятельствами, мужское возвышается над женским, свет над тьмой, верх над низом, правое над левым и т.д. Ценностная дифференциация постепенно затрагивает все образы, созданные мифологией. Отличая себя от нечеловеческих существ, реальных или воображаемых, люди начинают выделять добро и зло уже среди этих существ. Вместе с представлением о сверхчеловеческом появляется понятие о недочеловеческом, рядом с богами, которые крупнее и могущественнее людей, появляются карлики, уступающие людям и в силе, и в величине. В дальнейшем дифференциация переходит на богов и духов. Среди них различаются небожители, несущие добро, и обитатели преисподней, специализирующиеся в различных видах зла и порчи. В греческой мифологии небесные боги – олимпийцы антропоморфны, т.е. представляют собой идеализированные подобию человека. Обитатели подземного мира, наоборот, *тератоморфны* (от греч. «τέρας» - «знамение», «чудо», «чудовище»), т.е. являют собой нагромождение звериных или фантастических признаков. В мифологических сюжетах медиатором между богами и людьми выступают *герои* – потомство от смешанных браков. Они сражаются с чудовищами, освобождая землю, и наделяют человечество культурными благами: огнем, ремеслом, земледелием, письменностью и т.д. Мифическая медиация происходит также вблизи противоположного полюса. Между людьми и хтоническими силами зла посредниками выступают *трикстеры* – жулики, ловкачи и обманщики, – своеобразные антиподы героев, которые нарушают мировой порядок, несут людям разнообразные беды, но одновременно и развлекают их, вносят в жизнь комическую струю.

Психика организована как сложная система, состоящая из противоположно направленных механизмов. Мифы представляют собой образную модель для разрешения каких-либо жизненных противоречий. Стороны противоречий персонифицируются в противоположных полах, и противоречия разрешаются через брак или внебрачную связь между ними и рождением потомства, имеющего черты обоих родителей.

⁵⁰ См.: Кассирер Э. Опыт о человеке. Введение в философию человеческой культуры// Философские науки, 1991, 7. С. 122

Важная роль медиации в культуре с появлением философии приводит к тому, что середина вообще приобретает особое ценностное значение. В мифологических системах различных народов пробивает себе дорогу представление о том, что следует удерживать себя на определенной дистанции как от хтонических, так и от небесных сил. Греки считали ὑβρις (дерзость, наглость, гордыню) – стремление соперничать с богами, ставить себя на один уровень с ними – одним из самых дурных и опасных человеческих качеств. Мифический образ прохождения между Скиллой и Харибдой оказался для них символом правильного жизненного пути. На этой основе формируется античное убеждение в ценности *меры*, а потом и аристотелевский вывод о том, что добродетель – золотая середина между двумя пороками, один из которых составляет крайность недостатка, другой – избытка. Впоследствии даже монотеистическая религия, не допускающая компромисса в отношении сверхчеловеческих сил, осуждает гордыню как смертный грех.

Мифы суть “суть тайные и могущественные повествования, излагающие сотворение того или иного живого вида, основание того или иного социального института. Они действуют наподобие волшебных слов. Достаточно рассказать их, чтобы заставить повториться увековеченное в них деяние”⁵¹. Однако простого рассказывания достаточно далеко не всегда. Весьма часто мифы представляют собой своеобразное либретто для ритуала. Они объясняли последовательность ритуальных действий: что за чем следует и почему. Основным смысл ритуалов – установление связи между людьми и сверхъестественными существами, точнее сказать, оптимальных отношений между профанным и сакральным. По предположению М. Элиаде, “всякий обряд заключается в воспроизведении архетипического поступка, совершенного *in illo tempore* (в начале «истории») предками или богами”⁵². Повторяя это предысторическое деяние, участник обряда как бы становится соучастником обустройства мира.

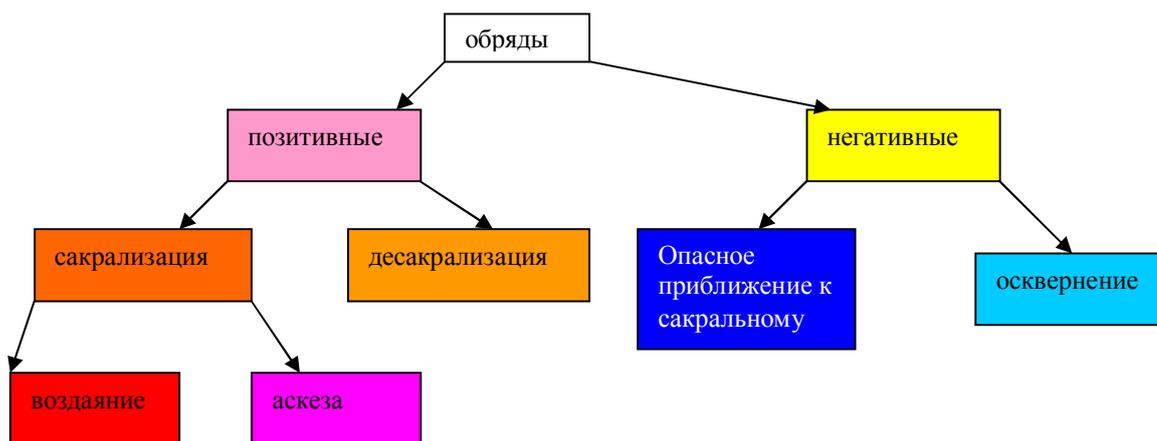
Обряды условно делятся на *позитивные* и *негативные*. Позитивные обряды направлены на превращение светского в священное или, наоборот, священного в светское. В соответствии с этим они также делятся на две разновидности: *сакрализацию* (освящение) и *десакрализацию* (искупление). Примером сакрализации служит жертвоприношение – акт, в процессе которого человек добровольно отказывается от какой-либо ценности (вещи, плода, животного, другого человека и даже от самого себя: своего телесного органа или душевного побуждения) и вручает ее сверхчеловеческому существу. Акт десакрализации воплощается, в частности, в разного рода очищениях. В средневековом католицизме был распространен ритуал экзорцизма (от лат. «ехогаге» - «упрашивать») – выведения бесов из грешной человеческой души. Негативные религиозные установления направлены на предотвращение смешивания профанного с сакральным. Они не предписывают каких-то определенных действий, а напротив, запрещают совершать что-либо. Для подобных установлений используется маорийское слово «*taboo*» («табу»), которое означает непереводимую на русский язык смесь запретного и священного.

Табуация опять-таки предполагает две разновидности. С одной стороны, это действия, которые могут нанести ущерб человеку вследствие опасного приближения к сверхчеловеческому. Для аборигенов Новой Зеландии таким статусом обладает вождь и все, что ему принадлежит: одежда, оружие, пища. Даже одно простое прикосновение к таким вещам может убить на месте или неизлечимую болезнь. С другой стороны, основанием для установления табу считается вред, который может быть нанесен сверхъестественным силам при несоответствующем обращении с ними. Такая форма запретных действий называется *кощунством* или *святотатством*. Она представляет собой осквернение святынь. По нравственному статусу две разновидности негативных обычаев не одинаковы. Если в первом случае масштаб оценки являются интересы субъекта, совершающего действие, его собственное благополучие; то во втором акцент смещается на сакральное.

В общей схеме классификация обрядов выглядит так:

⁵¹ Кайуа Р. Указ. соч. С.228

⁵² Элиаде М. Трактат по истории религий. Т.1. СПб.: 2000. С.84

Обособление мифа от ритуала ведет к тому, что ритуал превращается в какую-то автоматическую последовательность действий, совершаемых по привычке, потому что «так делают все»; а миф становится сказкой или вырождается в игру слова. Первоначально ритуалы носили *магический* характер, т.е. основывались на вере в то, что сверхъестественные силы можно поставить под свой контроль действиями и словами (заклинаниями).

Магия разделилась на виды в соответствии с основными сферами человеческой жизнедеятельности:

- 1) охотничье-рыболовная,
- 2) военная,
- 3) земледельческая
- 4) любовная,
- 5) врачебная,
- 6) вредоносная (черная).

К магическим процедурам, как предположил Бронислав Малиновский, люди прибегают не во всяких, но только в таких ситуациях, исход которых трудно предсказуем. Но так бывает не всегда. В иных случаях прибегнуть к магии вынуждает страх потерять привычное, но очень весомое благо. В развитых религиях магический момент из-за своей примитивности оттеснен на периферию, но полностью не изжит. Пережитками охотничье-рыболовной магии является пожелание «Ни пуха, ни пера» и обычай плевать на червячка при забрасывании удочки. Военная магия включала в себя танцы перед началом боевых действий и заговаривание оружия. Самым распространенным обрядом земледельческой магии выступало повторение иерогамии (священного брака между Небом и Землей) перед началом сельскохозяйственных работ. В древнем Китае и многих других культурных регионах, например, «юноши и девушки совокуплялись весной на голой земле, полагая, что подобный акт способствует повсеместному прорастанию семян, вызывает дождь, увеличивает плодородие полей и, таким образом, содействует возрождению Космоса»⁵³. Любовная магия по сей день пользуется всякого рода приворотными зельями, а лечебная – заговариванием зубов, головной боли и т.п. Вредоносную магию, которая использует различные колдовские средства, чтобы сжить какого-то человека со света или поразить его болезнью, называют «черной магией», но по существу черной является всякая магическая практика, так как она представляет собой попытку манипулировать сверхчеловеческими силами, вступать с ними в опасный компромисс.

4. Культура и игра

Наряду с серьезным – профанным и религиозным - в культуре присутствует также игровой момент. Понятие *игры* восходит к греческому «παίδι» - буквально «ребячество», в более обобщенном смысле «забава», «шутка», «пустяк». В латинском языке аналогичное значение приобрело слово “ludus”. И в том, и в другом случае подчеркивается детскость, несерьезность

⁵³ Элиаде М. Трактат по истории религий. Т.2. СПб.: Алетейя, 2000. С.228

отношения к собственным действиям, отсутствие связи с жизненной нуждой и выгодой. Суть игры – в произволе, свободе воли как способности пренебречь правилами повседневной жизни, чтобы подчиниться другим – искусственным, символическим правилам. *Игра* – форма деятельности, свободной от непосредственных практических нужд и подчиненная определенным условным правилам.

Огромную роль игры в культуре впервые усмотрел великий немецкий поэт Фридрих Шиллер. В своих письмах «Об эстетическом воспитании человека» он обратил внимание на то, что только в игре человек действует совершенно свободно. Лишь игра выводит человека из-под власти нужды и внешнего принуждения. Только она делает его человеком в собственном смысле.

В XX в. связь между игрой и культурой рассматривали голландский ученый Йохан Хейзинга в книге «*Homo ludens*» («Человек играющий»), швейцарский писатель Герман Гессе в романе «Игра в бисер» и другие авторы. Й. Хейзинга называет игру «свободной деятельностью, которая осознается как «невзаправду» и вне повседневной жизни выполняемое занятие, однако она может целиком завладеть играющим, не преследует при этом никакого материального интереса, не ищет пользы, – свободной деятельностью, которая совершается внутри намеренно ограниченного пространства и времени, протекает упорядоченно, по определенным правилам и вызывает к жизни общественные группировки, предпочитающие окружать себя тайной либо свое отличие от прочего мира всевозможной маскировкой»⁵⁴. Она характеризуется единством двух сторон. Во-первых, это *борьба за что-либо*; во-вторых, *представление чего-нибудь*. Стало быть, общая суть игры – в состязании, кто лучше других что-то представит. Взаимоотношение между игрой и культурой выражается в следующих моментах:

1. Игра древнее культуры, поскольку играют и животные, оттачивая свои навыки. Для хищников игра – прелюдия к охоте.
2. Человек посредством игры развивает способность к творчеству, созданию новых ситуаций и отношений. Играя, он поднимается над необходимостью и обретает свободу.
3. Чтобы быть человеком надо заниматься не только тем, что необходимо, но и тем к чему лежит душа. Шекспир в трагедии «Король Лир» отметил: «Сведи к необходимости всю жизнь – и человек сравняется с животным».
4. Игра сопровождает человека почти всю жизнь, с самого рождения до смерти.
5. Игровые элементы присутствуют в праздниках, карнавалах, военных действиях, в правосудии. Музыка, поэзия, театр – чисто игровые виды искусства.

Французский культуролог Роже Кайуа в книге «Игры и люди» (1958) возражал против попытки Хейзинги свести все формы игры к единству и разделил игру на несколько самостоятельных видов:

1. **агон** (от греч. «*αγών*» – «борьба», «состязание») – игру, в которой изначально выравниваются шансы участников, чтобы исход зависел от их стараний и способностей;
2. **алеа** (от лат. «*alea*» – «игральная кость», «жребий») – игру, исход которой зависит не от способностей участников, а от случая;
3. **мимесис**, или **мимикрию** (от греч. «*μίμησις*» – «подражание») – игру, основанную на подражании, на вживании в чужие роли и новые ситуации;
4. **илинкос** (греч. «*ἰλινκος*» – «головокружение») – игру, основанную на стремлении участника поставить себя в ситуацию риска, на тонкую грань, отделяющую жизнь от смерти.

Р. Кайуа толкует игру как своеобразную надстройку над повседневной жизнью человека, возводимую с противоположной от религии стороны. Человек живет как бы в трех различных, но соприкасающихся мирах. С одной стороны от мира повседневных забот и обязанностей находится мир религии, который требует строжайшего подчинения действий определенным

⁵⁴ Хейзинга Й. *Homo ludens*. В тени завтрашнего дня. М.: Прогресс, Прогресс-Академия, 1992. С.24

правилам, не допускает ни малейшей расслабленности. С другой стороны от него расположен мир игры, в котором можно хотя бы временно укрыться от будничных забот, отвлечься от всего множества внешних связей и сосредоточиться исключительно и всецело на какой-то одной деятельности. Игра понимается как свободная деятельность, «где человек избавлен от всякой опасности за свои жесты. Он сам определяет, что из них может воспоследовать. Он сам устанавливает их условия и цель. Отсюда его непринужденность, хладнокровие, умение держаться, которые здесь не просто естественны, но даже обязательны, ибо здесь считают требованием чести не показывать, что принимаешь игру слишком всерьез – даже в случае поражения или разорения»⁵⁵.

Культура развивается в игре и как игра. Творческие возможности игры обусловлены ее структурным сходством с языком. Как отмечает Р. Барт, «игра, являясь своего рода языком, обладает той же символической структурой, которую можно обнаружить в естественном языке и в повествовательных текстах: игра – это тоже нечто вроде предложения»⁵⁶. Если из культуры уходит игровое содержание, если люди разучиваются играть, то она теряет творческий импульс, а общество деградирует. Созидательный потенциал различных видов игры не одинаков. Наибольшее значение для развития культуры имели агон и мимикрия. Из агона развился *спорт*, из мимикрии *театральное искусство*. Илинкос как склонность двигаться в жизни «вдоль обрыва, по-над пропастью, по самому по краю» рождается из близости человека к стихии огня. В огне вообще есть нечто завораживающее, какая-то таинственная притягательная сила, которая заставляет, например, бабочек устремляться к своей гибели. Освоение огня, игра с огнем в прямом и переносном смысле дает возможность человеку овладеть собственным прахом и обрести готовность преодолеть почти любые жизненные обстоятельства. В такой игре происходит соприкосновение со смертью, напряжение всех сил и победа над нею. Здесь корни того загадочного упоения, о котором говорил величайший русский поэт:

Есть упоение в бою
И в бездны мрачной на краю,
И в аравийском урагане
И в дуновении чумы.

Из этой разновидности игры вырос авантюризм – погоня за приключениями, характерная для всех культурных ареалов: для греческих аргонавтов, мореплавателей-викингов, средневековых странствующих рыцарей, испанских конкистадоров и мн.др. в современной культуре она приобрела, в частности, форму альпинизма – покорения труднодоступных горных вершин. Датой рождения этого явления считается 1786 г., когда швейцарцы М.Паккари и Ж. Бальма покорили вершину Монблан в Альпах (откуда и пошло название). В XX в. увлечение альпинизмом стало массовым. Самая большая вершина мира – Эверест (Джомолунгма) в Гималаях была взята в 1953 г. в настоящий момент непокоренных вершин на земле больше не существует.

Игры широко представлены в повседневной жизни. Игровое содержание жизни выразительно описано в книгах Э. Берна «Люди, которые играют в игры» и «Игры, в которые играют люди». По Берну, в каждом человеке присутствует Ребенок, всегда предрасположенный играть, и поэтому жизнь – это ансамбль различных игровых сценариев. Бывают «игры на всю жизнь», «супружеские игры», «игры в компании», «криминальные игры» и т.д. Вот несколько характерных названий: «Фригидная женщина», «Динамо, или катись отсюда», «А ну-ка подеритесь», «Давай надует Джо» и др.

Огромное место отведено игре в отношениях между полами. Эротически окрашенные игры начинаются в раннем детстве, достигают своего апогея в юности, а для некоторых людей сохраняют свою прелесть вплоть до весьма преклонного возраста. Почти всегда любовь начинается как игра, постепенно приобретая вполне серьезный, даже сакральный колорит.

Резюмируя культурное значение игры, можно отметить, что она:

⁵⁵ Кайуа Р. Указ. соч. С. 273-274

⁵⁶ Барт Р. Введение в структурный анализ повествовательных текстов // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX-XX вв. Тракаты, стили, эссе. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987. С. 410

1. **вносит в жизнь элемент новизны и страсти; делает ее более насыщенной и интересной;**
2. **способствует мобилизации и развитию способностей, т.е. преобразению человека;**
3. **обучает поведению в чужих ролях и нестандартных ситуациях, формирует творческие способности.**

Литература

- Батай Ж. Теория религии. Минск: Совр. литератор, 2000. С. 31-36, 43-65, 70-87
- Берн Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. СПб.- М.: Университетская книга – АСТ, 1998
- Вебер М. Социология религии (типы религиозных обществ) // Избранное. Образ общества. М.: Юрист, 1994
- Вундт В. Миф и религия // История религии. М.: ЭКСМО; СПб.: Terra fantastica, 2002. С. 248-301
- Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М.: Канон, 1996. С. 55-77, 238-262
- Кайуа Р. Миф и человек. Человек и сакральное. М.: ОГИ, 2003. С. 266-276
- Кьеркегор С. Страх и трепет. М.: Республика, 1993. С. 18-112
- Кэмпбелл Дж. Мифический образ. М.: АСТ, 2002. С. 524-607
- Мамфорд Л. Миф машины. М.: Логос, 2001. С.135-216
- Мюллер М. Сравнительная мифология // История религии. М.: ЭКСМО; СПб.: Terra fantastica, 2002. С. 106-208
- Тиллих П. Динамика веры // Избранное. Теология культуры. М.: Юрист, 1995
- Тиллих П. Теология культуры // Избранное. Теология культуры. М.: Юрист, 1995
- Хайдеггер М. Вопрос о технике // Время и бытие. М.: Республика, 1993
- Хейзинга Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня. М.: Прогресс, Прогресс-Академия, 1992. С. 9-40
- Элиаде М. Трактат по истории религий. Т.I. Гл.I. СПб.: Алетейя, 2000. С. 28-87; т.II. Гл.IX-XI. С. 251-368

ТЕМА 7. Художественная культура

1. Место искусства в системе культуры

На границе между серьезным и игровым содержанием культуры вырастает мир искусства. С одной стороны, к нему ведут дороги от труда, репродуктивной деятельности и религии; с другой, - от агона и мимикрии. Игровое отношение к собственной деятельности и ее объекту, сознание того, что это делается «понарошке», «невзавраду», позволяет отвлечься от практических нужд, освободиться от страха и заботы, отдаться тому, что называется свободной импровизацией, т.е. произвольному комбинированию знаков и символов. Освобождаясь от внешних практических целей, такая деятельность становится самоцельной, подчиняется собственной внутренней логике.

Русское слово «искусство» имеет три основных значения:

а) мастерство вообще, умение делать что-либо хорошо (искусство шофера, врача, спортсмена и т.д.);

б) творчество в соответствии с требованиями красоты (искусство ювелира, портного, парикмахера, садовника, конструктора);

в) художественное творчество как создание особого рода духовных ценностей (искусство художника, писателя, музыканта, танцора).

Общим для этих значений является связь с каким-то особенным качеством человеческой деятельности, главным образом, творческой. В любом из перечисленных значений искусство есть умение преобразовать, придавать объектам мира лучшую, более совершенную форму.

Искусство возникает как осуществление творческо-репродуктивной функции культуры и направлено на то, чтобы совместить обе противоположные ее стороны: **вещь** и **весь**, материально-предметный мир и общение, обмен информацией между людьми. Художественная деятельность питается двумя корнями: умением обрабатывать вещи, придавать им новые, более подходящие для человека формы, с одной стороны; и умением воплощать свои мысли и переживания в слове или в том, что ему сопутствует (в музыкальном звуке, телодвижении и т.д.), с другой. Ближе к первому корню располагаются архитектура, скульптура, живопись, декоративно-прикладное искусство; ближе ко второму – поэзия, музыка, хореография, театр. Внутренним стержнем первой группы искусств является освоение *пространства*, второй – *времени*. Поэтому различные виды искусства иногда разделяют на пространственные и временные. Упрощенно говоря, произведения пространственных искусств – это *вещи*, а временных – *процессы*, в первую очередь, движения человеческой души.

Рассматривая сущность художественного творения, М. Хайдеггер отмечал, что в нем изготовление вещи неотделимо от аллегии и символа. Всякое произведение искусства, даже если является фотографически точной копией какого-либо предмета, говорит о чем-то ином, связывает с этим предметом нечто иное. Между *естественной вещью* типа камня или гранитной скалы и *художественным произведением* стоит *изделие*: горшок, стул или башмаки. Как и художественное произведение, изделие создано человеком, а не вырастает само по себе. Но у него нет самодостаточности художественного творения: оно создано и существует для хранения пищи, усаживания или защиты ног от соприкосновения с грубой земной поверхностью.

Художественное творение принципиально отлично от этой служебности. Оно снимает пелену с предметов и существ, чтобы они открывались нам в своей истине. Искусство – это, безусловно, игра, но такая, в которой художник позволяет раскрыться себе и используемому материалу: мрамору, глине, дереву, краскам, движениям, словам и звукам. Поэтическое слово только и обладает настоящей реальностью: оно намного весомее слов, например, обыденной речи, какой-нибудь бытовой перебранки. Только поэзия открывает нам, что такое язык, потому что только она, а не какой-либо толковый словарь, показывает слова в системном единстве друг с другом. Так обстоит дело и во всяком другом искусстве: “Звуки, из которых состоит музыкальный шедевр, – больше звуки, нежели любые звучания и шумы; цвета живописного полотна отличаются более подлинной красочностью, чем любые, самые яркие цвета в природе; в том, как высится колонна храма, каменность ее бытия выступает подлиннее, нежели в необработанной глыбе камня”⁵⁷. Культурная роль искусства состоит в том, что оно **открывает, выводит наружу внутренние возможности бытия**. Эта сущность конкретизируется в ряде функций:

- 1) *творческой,*
- 2) *познавательной,*
- 3) *коммуникативной,*
- 4) *воспитательной,*
- 5) *компенсаторной* и др.

⁵⁷ Гадамер Г.Г. Введение к работе М. Хайдеггера «Исток художественного творения» // Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. С. 109-110

Ведущей среди этих функций, безусловно, является *творческая*. Искусство выступает творчеством в точном смысле слова. Оно призвано создавать не просто нечто новое, но такое новое, которое лучше, совершеннее старого. Искусство направлено на **преобразование материала**, а именно, такое его изменение, которое представляет собой **воплощение идеального образа**. «В сущности, почти всякое произведение искусства направлено на преодоление жизненного хаоса путем художественной реорганизации действительности»⁵⁸. Можно сказать, что искусство есть культура, утверждающая себя специфическими средствами. Сущность художественного творчества состоит в органическом единстве содержания и формы или, если понимать искусство как знаковую систему, означающего и означаемого.

В знаковой системе искусства основной единицей является *художественный образ*. Решающая роль в его создании принадлежит творческому *воображению*. Оно являет собой способность усматривать за внешним контуром предмета его внутреннее, сущностное содержание, а именно, большее или меньшее богатство возможностей, т.е. скрытых связей с другими предметами. По своей семиотической природе художественный образ находится между иконическим знаком и знаком в собственном смысле или символом, приближаясь то к одному, то к другому из этих полюсов. Когда он приближается к иконическому знаку, искусство становится натуралистическим копированием действительности (таковы, например, весьма реалистические изображения бизона в пещерах Альтамира и Ла Мадлен). Когда, наоборот, художественный образ тяготеет к схеме или символу, искусство приобретает стилизованный, абстрактно-символический характер (примером его выступают так называемые «макароны» - причудливые трехлинейные полосы на потолке пещеры Альтамира).

Взаимодействие этих противоположных сторон образует линию его исторического развития. По мнению, некоторых искусствоведов оно представляет собой синусоиду с возрастающей амплитудой.

Центральное место в художественном творчестве занимает создание или увековечение **прекрасного** (красоты) как одной из оценочных универсалий культуры. Греки называли красоту словом «κᾰλλος», римляне «bellus». Прекрасно то, что совершенно в своем роде и потому привлекает к себе, восхищает, радует глаз. Цветы, окраска птичьих перьев, шерсти хищников, чешуи рыб, зазывные трели певчих птиц свидетельствуют нам о том, что красота имеет природные корни. Она является зримым (или слышимым) воплощением богатства возможностей и заменяет силу притяжения на том уровне бытия, где появляются передвигающиеся в пространстве живые существа с органами чувств. Прекрасное в узком смысле, красота человеческого тела, лица и движения отображает в чувственно-визуальном плане, т.е. в зрительном образе, ранговую структуру сообщества.

⁵⁸ Мелетинский Е.М. Первобытные истоки словесного искусства// Ранние формы искусства. М.: Искусство, 1972. С. 176

Красивыми представляются человеческие черты, в которых просвечивает совершенство, обладание какими-либо положительными способностями: воинскими ли, репродуктивными или наиболее подходящими для какой-то иной формы жизнедеятельности. Когда говорят, что красота царственна, приоткрывают завесу над одной из тайн красоты. Исходно красота спаяна с властью и влиянием.

Художественное творчество несет красоту в мир, точнее сказать, увеличивает красоту, которая уже есть в мире. Греческие философы осознали, что одним из приемов искусства является *мимесис* (подражание). Создавая красоту, художники в широком смысле слова (живописцы, скульпторы, поэты, композиторы и пр.) подражают природе в ее способности порождать вещи, притягивающие одним своим видом или звучанием. При этом почти никогда дело не ограничивается простым подражанием, т.е. механическим копированием природных вещей, существ или процессов. Подражание обязательно включало в себя моменты отбора и стилизации. Подражали тому, что способно притягивать к себе и является жизненно важным. Притягательные свойства выделялись, подчеркивались и преувеличивались. В прекрасном раскрывается для нас созидательная мощь природы. По И. Канту, в творчестве гениального художника происходит предельное раскрытие возможностей, присущих природе как божественному творению.

Возможно, возводя святилища, вылепывая скульптуры, сочиняя гимны богам и разукрашивая себя для ритуального танца, люди подражали цветам, которые своей раскраской и сладостным ароматом притягивают к себе насекомых, необходимых для продолжения их видовой жизни. Издревле человек вносит красоту в свою жизнь и окружение, чтобы привлечь к себе богов и в содружестве с ними бороться с болезнями и смертью.

Познавательная функция искусства вытекает из творческой и подчинена ей. Она разворачивается в двух основных направлениях. С одной стороны, в искусстве происходит познание означаемого, т.е. изображаемых или выражаемых предметов. Например, в первобытных рисунках так называемого «рентгеновского» стиля изображались не только внешние очертания животного, но и расположение его внутренних органов. Такое изображение предполагало достаточно полное знание того, как устроен объект, «что там у него внутри». Европейские художники эпохи Возрождения, чтобы добиться совершенства в изображении человеческого тела, анатомировали трупы или занимались тончайшими измерениями пропорций. С другой стороны, искусство неизбежно вело к познанию означаемого – фундаментальных свойств материала: дерева, камня, кости, красок, звуков, интонаций, грамматических конструкций и многого другого. Конечно, «алгебра» не может заменить собою «гармонию», но в своем развитии они оказывают существенное влияние друг на друга.

Искусство служит средством *общения* между людьми. Поскольку оно является своеобразным языком, как бы «языком в квадрате», ему присущи все аспекты языковой коммуникации: и референтная, и экспрессивная, и импрессивная. Это нашло отражение в особенностях различных художественных направлений и стилей. Они из них стремятся к максимально точной и детальной передаче информации о действительности (реализм и натурализм); другие – к возможно более полному самовыражению личности художника (экспрессионизм); третьи – к сильнейшему воздействию на мысли и чувства потребителя, а в конечном счете, и на его поведение. Если самоназвания таких художественных направлений, как «экспрессионизм» или «импрессионизм» и не характеризуют точно специфику их коммуникативного содержания, то, по крайней мере, одно их наличие говорит о реальности соответствующих функций.

Импрессивный аспект коммуникативной функции искусства непосредственно соприкасается с *воспитательной* функцией. Склонный к парадоксам английский писатель Оскар Уайльд заявил в своем художественном манифесте: «Всякое искусство совершенно бесполезно». Это заведомое преувеличение. Искусство изначально играло огромную роль в выстраивании той части внутреннего мира человека, которая называется «маской»

(«persona»). Начиная со своей палеолитической стадии, оно формировало и транслировало образцы поведения, осуждало и высмеивало пороки, возвеличивало добродетели. Даже такие далекие от житейской практики виды искусства, как музыка и скульптура, несли в себе мощный нравственный заряд, не говоря уже о театре и литературе. Нравственный призыв звучит, как угадал поэт Р.М. Рильке, даже в архаической скульптуре Аполлона, от которой сохранился один только торс:

Теперь тебя он видит каждой складкой.

Сумей себя пересоздать и ты.

(«Архаический торс Аполлона, пер. В. Летучего).

Искусство не только преображает вещи, но и зовет к преображению зрителя. Чрезмерное акцентирование этой функции, свойственное дидактической поэзии или социалистическому реализму, ведет к вырождению искусства в нравочение.

Надстраивая над реальным миром иллюзорные миры, искусство выполняет *компенсаторную* функцию, а именно, уводит человека из унылой, бедной и тягостной *повседневности* в призрачную, но яркую и беззаботную атмосферу *праздника*. В этой своей функции художественное творчество отвлекает и развлекает, приукрашивает действительность, подобно праздничной одежде и убранству. Из европейских художественных стилей особый упор на этой функции делали рококо и, на более глубоком уровне, романтизм. Первое украшало скуку и склоку придворного света пасторалью, идеализированной пастушеской жизнью; второй предлагал бегство из беспросветной обывательской среды в загадочную экзотику далеких восточных стран или волшебных миров. Генрих Гейне не без иронии усмотрел в склонности к таким компенсациям характерную черту немецкого национального менталитета:

Французам и русским досталась земля,

Британец владеет морем,

А мы – воздушным замком грез.

Там наш престиж бесспорен.

2. Классификация искусств, понятие художественного стиля

В эстетике, которая исследует философскую сущность искусства, выработаны разные способы классификации видов художественной деятельности. Наиболее значимой в культурологическом плане является классификация на основе базовых универсалий культуры: пространства и времени. Искусства делятся на *пространственные*, *временные* и *пространственно-временные* (синтетические).

Пространственные искусства строят художественный образ на основе пространства и являются своеобразной формой его освоения. К их числу относятся архитектура, скульптура, декоративно-прикладное искусство, живопись, художественная фотография. Первые два вида искусств используют трехмерное пространство (объем); два последних – двухмерное (плоскостное).

2.1. Архитектура

У истоков пространственного творчества, очевидно, находятся архитектура и декоративно-прикладное искусство, ибо они непосредственно примыкают к строительству и обработке вещей, т.е. вплетены в ткань практической жизни. Важнейшей в освоении пространства является художественная деятельность, называемая латинским словом «архитектура» или русским «зодчество». В обоих случаях речь идет о строительстве, возведении сооружений из камня или других материалов. Три самых распространенных в культуре строительных сооружения суть:

- человеческое жилище (дом);
- помещение для умерших (могила, гробница, склеп);
- жилище для богов (храм).

Всякая вещь, которая втягивается в орбиту искусства, наряду с утилитарными свойствами обязательно приобретает символическое значение. Как отмечал французский культуролог Рене Генон, «всякое здание, выстроенное согласно строго традиционным нормам, являет в своей структуре и в расположении различных слагающих его частей «космический» смысл»⁵⁹. И храмы, и могильники, и жилища своим устройством указывают, с одной стороны, на строение мироздания, а с другой стороны – человека. В конечном счете они направлены на то, чтобы приспособить человека к внешнему миру.

Поскольку у своих истоков культура носила синкретический характер, искусство развивалось в неразрывной связи с религией. Превращение строительства в архитектуру как вид художественной культуры начиналось не с жилищ, а с обустройства сакрального пространства. Если считать самой архаической формой религии культ умерших предков, то первые проблески архитектурного творчества следует искать возле захоронений.

Древнейшими архитектурными сооружениями символического характера были менгиры, дольмены и кромлехи. *Менгирами* (от бретонского «men» - «камень» и «hir» - «длинный») называют вертикально стоящие каменные столбы 4-5 метровой высоты. Подобные сооружения существовали в самых разных регионах мира. Самый крупный из менгиров (20,5 м) находится во Франции, в области Бретань.

Верования, которые связаны с ними, свидетельствуют об их принадлежности к культу умерших и воспроизводству жизни. Из того, что менгиры существенно различались по высоте, можно заключить о различии ранга тех лиц, кому они посвящались. Очевидно, далеко не всякий покойник удостоивался увековечения в каменном столбе, но только тот, кто стоял на вершине социальной иерархии, кто прославил себя деяниями и обладал способностями, достойными передачи потомкам. Менгир – это не просто надгробный памятник, но своего рода фетиш, предмет, обладающий магической силой. Эта магическая сила является наследием умерших героев. Красоты в собственном смысле, на что направлено подлинное искусство, в нем еще нет. Есть только некое движение по направлению к ней. Если судить по гондам Центральной Индии, принадлежащим к дравидийской языковой макросемье, менгиры возводились на определенном расстоянии от захоронения, иногда на месте внезапной или насильственной смерти. Они предназначались для того, чтобы прекратить блуждания души умершего, прикрепить ее к данному месту. Движением по направлению к красоте была фаллическая форма некоторых менгиров. Фаллос практически во всех культурах был символом жизни и оплодотворения. Менгир, таким образом, служил средством, обращающим силу, которая заключена в душе умершего, в плодородие земли и женщины. Во многих культурах сооружения типа менгиров использовались в обрядах, направленных на повышение детородных способностей. «Надгробный мегалит предохраняет живых от возможного вредоносного воздействия мертвых: смерть, состояние свободы и несвязанности, позволяет оказывать разнородные влияния – как благотворные, так и пагубные. «Замкнутая» в камне душа принуждается действовать лишь в положительном смысле –

⁵⁹ Генон Р. Символы священной науки. М.: Беловодье, 2002. С.281

ради плодородия. Поэтому камни, в которых, как предполагается, обитают «предки», во многих культурных зонах выступают в роли орудия оплодотворения женщин и полей»⁶⁰. Эта магическая способность, интуитивно угадываемая в камне, очевидно и была древним прообразом красоты.

Определенную связь с менгирами имеют, на наш взгляд, деревянные «тотемные столбы» североамериканских индейцев (квакиутль, цимшиан и др.). Они возводились еще при жизни соплеменникам высокого ранга в ознаменование их свершений. От менгиров эволюционный путь мог пойти к надгробным изваяниям, с одной стороны, и – в соединении с дольменами – к монументальным гробницам типа египетских пирамид, с другой.

Женской оппозицией к менгирам, вероятно, выступали *дольмены* (от бретонск. «tol» - «стол», «men» - «камень»). Они представляли собой более сложное сооружение. Большая каменная плита укладывалась на основание из других камней, в форме своеобразного стола или закрытого ящика. На фасаде находилось круглое отверстие, сквозь которое в дольмен проталкивали тело покойника. Его как бы возвращали обратно в материнское лоно, для того чтобы подготовить к новому рождению и новой жизни. Дольмен мог означать также лоно богини-матери, которая вынашивает в себе, а потом рождает солнце. Детали некоторых дольменов отмечают точки восхода солнца в периоды осеннего и весеннего равноденствия. Ряд дольменов содержит чашечные углубления на верхней плите. Такое углубление символизировало, как свидетельствуют сохранившиеся до наших дней индейские обряды, место ухода душ и рождения новых. Оно имело связь с инициацией девочек.

Комплекс дольменов, соединенных галереями, представляли собой *каирны*. Они моделируют палеолитические пещеры и предвосхищают будущие храмы и храмовые комплексы. Такой каирн, Нью Грейндж, находится в Ирландии. По его устройству можно сделать вывод, что он символизирует рост солнечной активности после зимнего солнцестояния.

Другим комплексом мегалитических сооружений, выполняющим не вполне ясную, но безусловно культовую функцию является *кромлех* (бретонск. «crom» - «круг», «lech» - «валун») – это целый. Самый характерный из них - знаменитый Стоунхедж в Англии, созданный кельтами в первой половине II тыс. до н.э.

⁶⁰ Элиаде М. Трактат по истории религий. Т. 2. СПб.: 2000. С. 10

Кромлех, как и кайрн, содержал в себе зачатки храма, в котором производятся ритуальные действия (жертвоприношения, инициации, магическое повышение плодородия и т.п.) и научной обсерватории, необходимой для составления точного календаря. В сооружениях такого типа строение мира соотносилось со структурой времени, а в дальнейшем происходило соединение идеи красоты с идеями геометрической правильности и ритма.

Поскольку в искусстве своеобразно реализуется стремление к совершенству, в центр архитектурной деятельности выдвигается именно храм как сооружение, предназначенное для существ, более совершенных, чем люди. Русское слово «храм» происходит от старославянского «хоромы», каковым обозначались деревянные постройки вообще, предназначенные для жизни. То же относится и к греческому слову «ναῦς», образованному от глагола «ναῶ» («жить», «обитать»). В основу западноевропейского словоупотребления положено латинское «templum», которое первоначально означало пространство на небе или земле, которое жрец-авгур очерчивал своим священным жезлом, для того чтобы производить гадание по полету птиц. Позже этим словом стали называть участок земли, который посвящен какому-либо божеству, или место, отведенное для святилища. В дальнейшем оно стало обозначением храма как сооружения, посвященного Богу.

Исторически храм начинается с обустройства пространства, организации святилища. Исходной формой святилища был участок земли, на котором находилось сакральное дерево, камень, а также водный источник. В комплексе эти объекты означали *микрокосм* – уменьшенную модель мира в целом. Первое было символом гибнущего и возрождающегося мира, второй – непоколебимости прочности, третий – новых, пока еще скрытых возможностей. Источник постепенно исчез, камень превратился сначала в ограду, а потом в стены; дерево стало столбом, а позднее колонною и алтарем (жертвенником). Храм стал проекцией не только природы, но и истории, не только собранием естественных стихий, но и средоточием человеческих отношений. Мартин Хайдеггер выразительно показывает этот переход на примере греческого храма: «Творение зодчества, греческий храм, ничего не отображает. Он просто стоит в долине, перерезанной оврагами и ущельями. Он заключает в себе облик бога и, замыкая его в своей затворенности, допускает, чтобы облик бога через открытую колоннаду выступал в священную округу храма. Посредством храма бог пребывает в храме. И это пребывание бога само по себе есть эта простирающаяся и замыкающаяся в своих пределах священная округа. Храм и округа храма не теряются в неопределенности очертаний. Творение храма слагает и собирает вокруг себя единство путей и связей, на которых и в которых рождение и смерть, проклятие и благословение, победа и поражение, стойкость и падение создают облик судьбы человеческого племени. Владычествующий простор этих разверстых связей есть мир народа в его историческом совершении. Из этих просторов, в этих просторах народ впервые возвращается к самому себе, дабы исполнить свое предназначение»⁶¹. Вот это воплощение человеческой истории в камне и дереве и делает храм произведением искусства.

Храмовое пространство должно быть обустроено таким образом, чтобы сделать доступным общение с божеством. Стало быть, ему надо придать вид, максимально привлекательный для сверхчеловеческого существа и вместе с тем, что характерно для более примитивных форм религии, сделать безопасным для человека, вступающего в контакт с божеством. Храм представляет собой ценностно структурированное пространство. Различные его участки выделяются на основе оппозиций «внешнее – внутреннее» и «низ – верх». По горизонтали пространство храма, как правило, делится на три части:

⁶¹ Хайдеггер М. Исток художественного творения // С. 282

- 1) самое внешнее, располагающееся непосредственно у входа помещение, которое обладает наименьшей святостью и поэтому доступно для непосвященных (профанов) и иноверцев;
- 2) среднее помещение, доступное для основной массы верующих;
- 3) наиболее внутренняя и удаленная от входа часть храма, которая имеет высшую святость («святая святых») и доступна только для священнослужителей.

Иногда это устройство сориентировано по странам света, причем востоку обычно отдается ценностное предпочтение. Сходной логике подчинено и вертикальное членение храма. Верхняя его часть является самой священной, а примыкающая к земле наиболее профанна. Такая символика побуждала архитекторов наращивать высоту своих сооружений.

Первые храмы появились в Древнем Египте и Шумере. Особую роль в мировой культуре сыграл храм Соломона в Иерусалиме. Его устройство, описанное в Ветхом Завете (3 Цар. 6-7), стало образцом для иудейских синагог, христианских церквей и мусульманских мечетей. Величественные храмы возведены в индуизме, буддизме и других религиозных системах.

Обеспечивая связь между людьми и Богом, храм занимает посредствующее положение между землей и небом и таким образом представляет собой пространственную модель вселенной.

2.2. Скульптура

Скульптура (пластика, или ваяние) – искусство объемных изображений. Латинское «sculpere» означает «вырезать из камня или дерева»; греческое «πλάσσω» и русское «ваять» – «лепить из глины, воска». Термины указывают на материал и способы его обработки. Очевидно, ваяние оказалось символическим продолжением умения производить орудия. Об этом свидетельствует тот факт, что техника исполнения скульптурных произведений была такой же, как и при исполнении бытовых предметов: использовались резцы, скребки и т.п. В разное время материалом для ваяния служили глина, дерево, кость, мрамор, гранит, бронза, серебро, золото, чугун, начиная с XX в. – сталь, бетон, пластические массы. Объектами изображения в скульптуре выступали животные, в первую очередь такие, через которых являет себя божественная сила, сверхчеловеческие существа, люди.

Основные роды скульптуры: *круглая скульптура* и *рельеф*. Первая допускает круговой обзор, поскольку полностью отделена от фона (стены помещения). Рельеф представляет собой объемное изображение, углубленное в поверхность стены («*врезанный рельеф*») или выступающее над нею. Выступающее над поверхностью изображение называется либо *барельефом* («низким рельефом»), если оно выступает не более, чем на 0,5 своего объема; либо *горельефом* (высоким рельефом), если более чем на половину.

Интересную гипотезу об эволюции скульптуры выдвинул российский ученый А.Д. Столяр. Усматривая истоки искусства вообще в охотничьих и репродуктивных ритуалах, он предположил, что сначала объектом ритуального действия была туша убитого медведя. Несколько позднее ее заменило чучело медведя, потом лепная глиняная фигура, к которой прикреплялась натуральная медвежья голова. Впоследствии эту глиняную фигуру прислонили к стене пещеры, постепенно «вдавливая» в эту стену. Так из круглой пластики возник *рельеф*, завершившийся прорисовкой контура на поверхности стены, т.е. уже не скульптурой, а *графикой*. От графики эволюция идет в сторону полихромной живописи, которая воспроизводит животных и людей в движении.

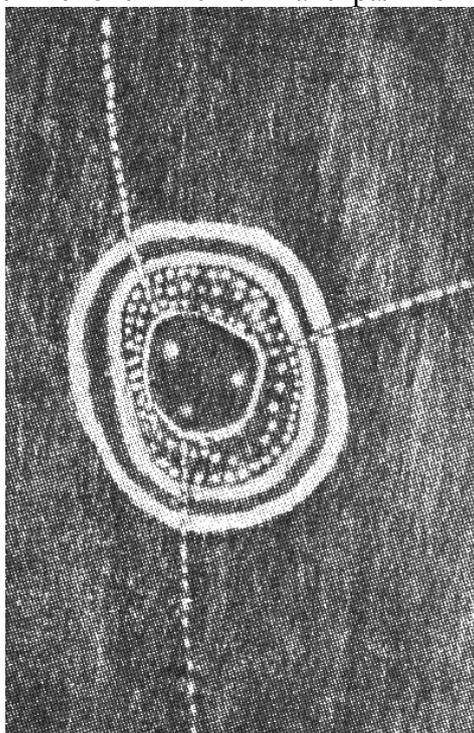
Косвенным свидетельством в пользу данной гипотезы может служить одна особенность индийских скульптурных и живописных изображений, а именно, «билатеральное симметричное рассечение» фигур. Художник мысленно рассекает изображаемое им

существо вдоль позвоночника по спине и «разворачивает» его так, что передние части фигуры сходятся друг с другом, а задние расходятся по бокам ⁶². Такому мысленному рассечению могло предшествовать реальное разрезание и снятие кожи убитого животного. Кстати, так будет выглядеть и всякая *маска*, если ее развернуть на плоскости.

2.3. Графика, живопись и фотография

В графике и живописи художественный образ строится рисованием, возникает из композиции линий и цветов. На границе между скульптурой и рисованием находится рельеф, в котором изображение находится на одном уровне с поверхностью, но создано врезанными или процарапанными линиями. Это искусство представляет собой проекцию трехмерных объектов на плоскость. Возможно, у его истоков находилось созерцание теней или предметов, отражающихся в воде. В древнем рисовании кроме резца использовались минеральные краски: охра, древесный уголь, известняк и др. В палитре древнейших художников были соответственно четыре цвета: красный, желтый, белый и черный. Рисунки наносились на стены пещер, на одежду или на кожу живого человека.

Коренную проблему рисования представлял перевод трехмерных объектов действительности (к тому же изменяющихся во времени) в двухмерное изображение на плоскости. Натуральные вспомогательные средства: тени и водные отражения, - не могли быть достаточными средствами решения этой проблемы. Они помогали воспроизвести только внешние контуры предметов, да и то только под одним углом зрения. Как известно, упражнения с тенью очень мало помогли интеллектуально развитому, но не имеющему рисовать Остапу-оглы Бендер-бею, когда ему понадобилось изобразить фигуру сеятеля. Внутреннее строение предметов и тем более их сущность с помощью этих средств вообще не могут быть воспроизведены. А именно они особенно важны в искусстве, если оно выполняет творческую, познавательную и воспитательную функции. Чтобы изобразить устройство объектов и их взаимоотношения, искусство рисования последовательно испытало множество различных средств. К ним относятся и «рентгеновский стиль» австралийских аборигенов,

Австралийский рисунок муравейника
и «билатеральное симметричное рассечение» индейцев и мн.др.

⁶² См.: Сегал Д.М. Мифологические изображения у индейцев северо-западного побережья Канады// Ранние формы искусства. М.: Искусство. 1972. С. 359-362

Изображение медведя у цимшиан

С помощью линий тела и положений конечностей передавалось движение. Относительная величина рисуемых фигур выражала их смысловые соотношения. Первоначально художники более крупно изображали то, что считали более важным, например, проецировали в картине ранговую структуру сообщества (вождя рисовали в два раза большим, чем рядового воина). В дальнейшем она стала использоваться для выражения пространственного изображения предметов в соответствии с точкой зрения наблюдателя. Так возникли различные способы использования перспективы. В Древней Греции это была так называемая «рыбья кость», в Китае – «рассеянная перспектива». В средневековой европейской живописи применялась «обратная перспектива», когда большие по размеру фигуры и предметы располагались на втором плане. На близких расстояниях зритель воспринимает предметы в обратной перспективе. Именно на восприятие с близкого расстояния и были рассчитаны иконы. В эпоху Возрождения утвердилась *линейная перспектива*, основанная на схождении параллельных прямых к горизонту. В XIX в. европейские импрессионисты открыли *воздушную перспективу*.

В этом веке произошло разделение живописи и графики. Живопись сделала акцент на выражении сущности и неповторимого своеобразия предметов в цвете и через цвет. В импрессионизме линия вообще стала второстепенной. В графике (от греч. «γράφειν» - «чертить», «царапать»), наоборот, главную роль играет контурная линия, штрих, пятно, фон листа. К ней принадлежат *рисунок* и *печатные изображения*.

Жанрами графики выступают:

- **гравюра**, которая делится на станковую (эстамп) и книжные иллюстрации:

А. Дюрер. Самсон, убивающий льва

- *плакат*:

и т.п.

Живопись делится на *монументальную* и *станковую*. Монументальная живопись находится в органическом единстве с архитектурой, в основном с интерьером зданий, и включает в себя:

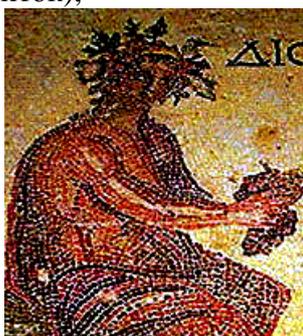
- *роспись*, представленная в двух основных разновидностях: *фрески* – нанесения изображения красками на сырую штукатурку:

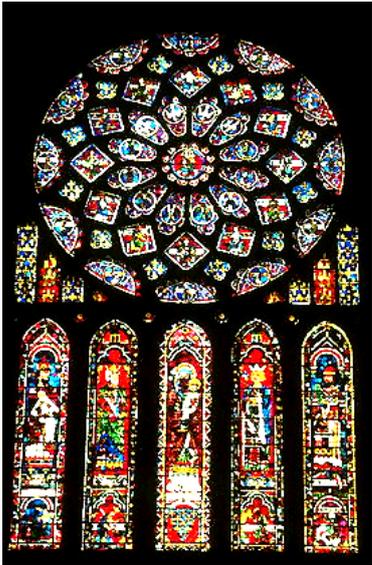
и *а секко* – рисование красками по сухой штукатурке;

- *панно* (картина, украшающая определенную часть стены или потолка),

- *мозаику* (изображение, вложенное из цветных камешков, смальты или керамических плиток),

- *витраж*:

Жанрами станковой живописи являются:

- *дощатая икона,*
- *портрет,*
- *пейзаж,*
- *натюрморт*

Абрахам ван Бейерен. Натюрморт с рыбой
исторические, батальные, жанровые картины

Брейгель Питер: Крестьянский танец (ок. 1568 г.)
и т.п.

В 1839 г. француз Луи Жак Манде Дагер нашел практический способ делать фотографические изображения. Они сначала назывались его именем – *дагеротипы*. **Художественная фотография** развивалась как искусство выбирать ракурс съемки и самый выразительный момент. Данное искусство создает образы документального значения, сохраняет мимолетные мгновения жизни. Естественным развитием фотографии является *голография* – создание объемных изображений. В 1962 г., применив лазер, Э. Лейт и Ю. Упатниекс из университета штата Мичиган получили голограммы, которые давали необычайно похожие на реальность трехмерные изображения.

Временные искусства конструируют художественный образ во времени, используя для этого **слово** и **ритм**. Важнейшими из них являются художественная литература (точнее, словесность) и музыка.

2.4. Словесность.

Для литературы материалом служит слово ($\lambda\gamma\omega\varsigma$). Название «литература» образовано от лат. «littera» - «буква». Долгое время она существует как устное народное творчество – фольклор, позже становится письменной, существенно меняя при этом свое качество.

К основным родам литературы относятся:

а) *эпос* – повествование об исторических или мифических событиях (основные жанры эпоса: поэма, рассказ, новелла, баллада, повесть, роман);

б) *лирика* – самораскрытие внутреннего мира поэта (основные лирические жанры: песня, ода, стихотворение);

в) *драма* – воспроизведение событий в монологах и диалогах действующих лиц (жанровые разновидности: трагедия и комедия).

В системе искусств литература занимает уникальное место. Она непосредственно вырастает из языка как самого элементарного культурного проявления и сближается с философией как самым сложным продуктом культуры. Словесность как искусство возникает в процессе десакрализации мифологии, когда миф перестает быть средством организации жизни и превращается в систему красочных образов и увлекательных сюжетов, то, что ценно само по себе, что может заинтересовать и восхитить слушателей одним своим устройством. Поэт становится бывшим пророком: тот, кто изрекал открывшиеся ему истины. Теперь он – уже не просто передатчик, посредник между священным и профанным миром, а творец нового, своего собственного художественного мира. Эта историческая связь ясно видна в знаменитом пушкинском «Пророке»:

И внял я ангелов полет

И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье.

Мифотворец умирает в поэте, чтобы продолжить свою жизнь в нем, но уже в новом качестве. «Поэзия – мгновенная метафизика. В коротком стихотворении поэзии надлежит выразить все одновременно – свое видение вселенной и тайн человеческой души, личность и предмет»⁶³. Лирическое стихотворение – это как бы крошечный сгусток культуры в целом. Его ядром, как считает Г. Башляр, выступает сознание амбивалентности, мгновенное постижение противоположностей, как в чувстве светлой грусти.

Поэзия наиболее отчетливо выражает двойственную сущность слова: его связь одновременно и с мыслью, и с образом. «Поэтическая конструкция, – отмечает Г.Г. Гадамер, – строится как постоянно обыгрываемое равновесие звучания и смысла»⁶⁴. План выражения и план содержания в лирике становится предметом систематической игры. Лирическое стихотворение было бы самым чистым и полным выражением художественного творчества, если бы оно не было слишком погружено в своеобразие конкретного национального языка. Согласно тому же автору, оно является предельным случаем употребления языка, потому что в нем «в наиболее чистом виде воплощена неотделимость произведения искусства от оригинальности его языкового выражения, что доказывается неперебиваемостью лирического стихотворения на другие языки»⁶⁵. Эпос и драма, а впоследствии роман смещают акцент с равновесия между звучанием и смыслом на смысл, поэтому от перевода на другие языки они страдают в гораздо меньшей степени.

Литературная проза представляет собой неритмизованное слово⁶⁶; поэзия соединяет слово с ритмом и метром. Эта связь указывает на историческое родство поэзии с музыкой. В стихотворном произведении фонологическая (звуковая) структура намного важнее, чем в прозаическом, т.е. своеобразное содержание означаемого полнее участвует в означаемом. Поэтический ритм является развитием естественного речевого ритма: медленного или стремительного, непрерывного и прерывистого течения речи. Он определяется чередованием говорения и молчания, ударных и неударных речевых элементов, долгих и коротких звуков. На него накладываются особенности дыхательного процесса: чередование вдохов и выдохов, неизбежное понижение речевой интонации к концу выдоха.

Ритм положен в основу стихотворного *размера*, или метра. Всякое стихотворение делится на три единицы: стих, стопу и строфу. Стихи (греч. «στῆχος» - «ряд», «строка») отделяются друг от друга фонетически паузами, а графически – тем, что каждый из них начинается в новой строки. Каждый стих состоит из нескольких стоп – элементарных звуковых бинарных оппозиций, а именно, парных сочетаний противоположных слогов: ударного и неударного или долгого и короткого. Строфа включает в себя несколько стихов: 2, 3, 4, 5, реже – большее количество. Некоторые стихотворения могут состоять только из одной строфы, например, двустишия Омара Хайяма, японские трехстишия «хокку» и пятистишия «танка». Как правило, каждая строфа обладает смысловым единством.

В зависимости от того, какие оппозиции используются в стихе и как стопы организованы в стихи, выделяются 5 основных видов стихосложения: метрическое, силлабическое, тоническое, силлабо-тоническое и мелодическое. *Метрическое* стихосложение возникло в тех языках, где долгота и краткость звуков служат различению смысла, например, в древнегреческом, латинском, арабском. Стопа в этом случае

⁶³ Башляр Г. Мгновение поэтическое и мгновение метафизическое

⁶⁴ Гадамер Г.Г. Философия и поэзия // Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. С. 120

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Исключение здесь составляет только так называемая «ритмическая проза», которая, например, используется в ораторском искусстве или специально упорядочивает последовательность ударных и неударных слогов. Такая проза уже находится на границе с поэзией

представляет собой сочетание долгого и короткого слогов, а стихи различаются количеством таких стоп.

Силлабическое (от греч. «συλλαβή» - «вместе взятое или произносимое», «слог») стихосложение основано на подсчете слогов в стихе. Оно утвердилось в тех языках, где ударение носит постоянный характер, падает на первый, последний или предпоследний слог и, стало быть, не является смыслоразличительным. Таковы французский, итальянский, испанский, польский, чешский и др. языки.

Тоническое («чисто тоническое») стихосложение покоится на определенном числе ударений в стихе. Положение ударений при этом не играет роли. Такой принцип построения стихотворения сложился в языках, где сильное ударение влечет за собой ослабление безударных гласных, в английском, немецком, русском и др.

Силлабо-тонические стихосложение учитывает не только число ударений, но и порядок расположения ударных и безударных слогов. В этом виде стихотворчества, классические образцы которого дали древнегреческие поэты, возникли основные метры: ямб, хорей, дактиль, амфибрахий, анапест.

Наконец, в *мелодической* стихотворной системе упорядочиваются число и положение слогов определенной *высоты*. Бинарную оппозицию здесь образуют слоги с ровной и восходящей (или нисходящей) мелодией. Такая поэтическая структура возможна только в языках типа китайского, где высота звука играет смыслоразличительную роль. Из всех остальных она располагается наиболее близко к музыке.

2.5. Музыка

Музыка первоначально существовала в неразрывном единстве с поэзией и танцем. Материалом для ее образов служит звук: человеческий голос или искусственное звучание какого-либо инструмента. Считается, что первым музыкальным инструментом был именно голос. Использование флейты⁶⁷ или барабана было обусловлено, возможно, стремлением к сакрализации звуков. Вспомним, какое впечатление производил грохот пустых канистр на собратьев шимпанзе Майка.

Музыкальный звук как материал художественного образа характеризуется четырьмя параметрами: *высотой*, *громкостью*, *длительностью* (в том числе продолжительностью пауз между звуками) и *тембром* (окраской). Музыка представляет собой специфическую знаковую систему, установленным способом комбинирующую эти параметры. В определенном отношении она подобна языку: как и он, состоит из значимых и незначимых элементов. К незначимым элементам наряду с музыкальными звуками относятся *аккорды* и *интервалы*. Значимыми элементами выступает *мелодия*, *гармония* и др. Значимые элементы строятся из незначимых путем повторения, варьирования (изменения) и контраста. Превращение незначимого в значимое основано главным образом на взаимодействии незначимых элементов друг с другом. Между звуками определенной высоты устанавливаются отношения доминирования и подчинения, согласия и несогласия.

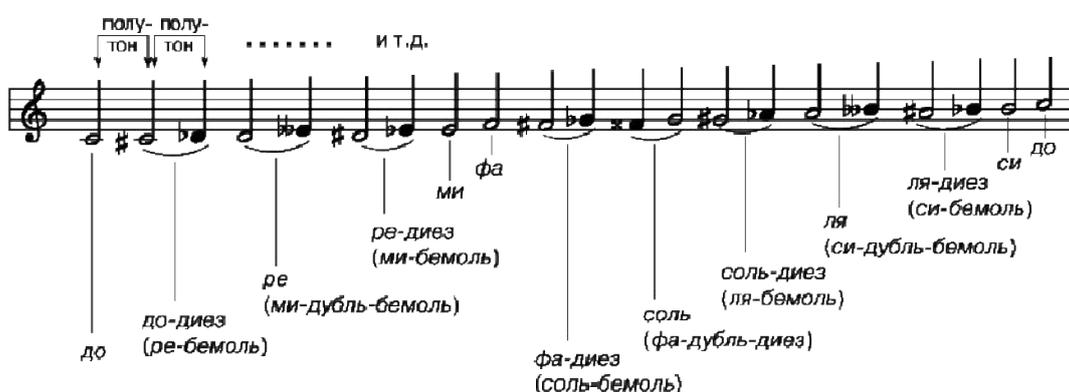
Термин «мелодия» восходит к древнегреческому слову «μῦλος», которое обозначало особый вид лирики, объединявший в себе стихотворный текст, песню и танец. Мелодия надстраивается над *ритмом*, как организацией длительностей, включая его в свой состав. Внутри мелодии ритм образует ее *ритмический рисунок*. В исполнении он определялся либо танцевальными движениями («притопами» и «прихлопами»), либо ударными инструментами (барабаном, тарелками и т.п.). Кроме ритмического рисунка мелодия включала в себя *интонационный рисунок*, а именно последовательность звуков, упорядоченную по высоте и силе. Интонационный рисунок поддерживался голосом или его искусственными заменителями: духовыми и струнными инструментами. Таким

⁶⁷ Самое древнее изображение музыкального инструмента – дудки или «флейты Пана» - относится к эпохе мамонт. Этот инструмент использует то ли волшебник в маске, то ли тератоморфное существо.

образом, из четырех параметров музыкального звука мелодия включает в свои построения три: высоту, длительность и силу. Тембр не оказывает влияния на структуру мелодии, но служит ее дополнительным украшением.

Мелодия представляет собой организацию звуков во времени. Она определяет, какой звук за каким следует и через какой интервал. Первостепенную роль в этой организации играет **не абсолютная высота звуков, а определенные звуковысотные отношения, которые образуют лад**. В основу лада положены 7 звуков различной высоты, называемых тонами. Между двумя тонами, соседними по высоте, были выделены промежуточные, которые образуются альтерацией: повышением первого или понижением второго из них. Такие промежуточные звуки стали именоваться полутонами. В XVIII в. в европейской музыке произведена темперация, в результате которой было выровнено расстояние между всеми полутонами. Эталонная последовательность звуков, каждый из которых выше предыдущего на полутоном, названа *хроматической гаммой*.

Хроматическая гамма

Эта гамма включает в себя 12 звуков музыкального строя (7 основных: до, ре, ми, фа, соль, ля, си, - и 5 альтерированных: до-диез или ре-бемоль, ре-диез или ми-бемоль, фа-диез или соль-бемоль, соль-диез или ля-бемоль, ля-диез или си-бемоль).

Соотношение двух звуков по высоте есть *интервал*. Название интервалов указывает на количество ступеней от основания (нижнего звука) интервала до его вершины (верхнего звука):

- прима (1),
- малая и большая секунды (2),
- малая и большая терции (3),
- чистая и увеличенная квинты (4),
- уменьшенная и чистая квинты (5),
- малая и большая сексты (6),
- малая и большая септимы (7),
- чистая октава (8).

чистая прима – основание и вершина находятся на одной ступени, т.е. имеют один тон;
 малая секунда – основание и вершина располагаются на двух соседних ступенях
 (например, до и ре-бемоль);

большая секунда – до и ре;

малая терция - до и ми-бемоль;

большая терция – до и ми;

...

чистая октава – до и си.

В европейской музыке спектр звуков, которые может производить фортепьяно, простирается от 16 герц до 4,5 килогерц и делится на 7 полных и 2 неполных октавы. Высота человеческого голоса размещается в диапазоне 2 октав.

Музыкальный тон отличается от акустической высоты звука тем, что он определенным образом взаимосвязан с другими тонами. Благодаря этой взаимосвязи в разных октавах звуки могут приравняться друг к другу. Мелодия останется той же мелодией, если ее исполнить октавой ниже или октавой выше: и мелодический и ритмический рисунок будет одинаковым. Важно не только то, какой высоты звук мы берем за основу, но и то, как мы делим звуковой спектр на интервалы. Отбор интервалов определяется принципами музыкального мышления и создает музыку того или иного культурно-исторического типа.

В ладе один из тонов является самым устойчивым и доминирует над всеми остальными. Такой звук именуется *тоникой*. Значение тоники может получить любая из 12 ступеней хроматической гаммы. Перемещение тоники с одной ступени на другую, которое названо модуляцией, обогащает мелодию.

Мелодическую организацию музыкальных звуков называют также горизонтальной. Наряду с горизонтальной в европейской музыке появилась и вертикальная организация, которую стали именовать *гармонией*. Гармония устанавливает правила одновременного звучания двух или большего числа звуков. Ее появление связано с распространением полифонии («многоголосия»), в которой соединилось несколько разных мелодий. Основным элементом гармонического строя является аккорд («созвучие»). В норме он содержит не менее трех тонов, чаще, именно три. Гармония вырастает из мелодии и включает ее в свою структуру. Таким образом, гармонические правила распространяются как на вертикальную, так и на горизонтальную организацию звуков.

Огромную роль в развитии музыки сыграло изобретение нотной записи, которая фиксировала сначала высоту, а потом и длительность звуков. Высота звуков обозначалась в *невменной* (от лат. «неума» - «знак») нотации, которая возникла в раннем Средневековье

из *хирономии*. Последняя представляла собой указания на повышение или понижение музыкального звука движениями руки. Их, очевидно, производили те, кто руководил хоровым пением в христианской церкви. Длительность в этой нотации еще не обозначалась, ибо ритмика церковного пения полностью определялась словесным текстом. В XI в. Гвидо д'Ареццо ввел слоговые обозначения для 7 основных музыкальных тонов. Они были взяты из начальных букв гимна св. Иоанну:

Ut queant laxis
Resonare fibris
Mira gestorum
Famuli tuorum
Solve poluti
Labii reatum
Sancta *Iohannes!*

В 1540 г. итальянский музыкальный теоретик Дж. Дони для удобства изменил название первой ноты «*Ut*» на «*Do*», взяв первый слог из своей фамилии.

С именем Гвидо д'Ареццо связывают и линейное обозначение высоты звуков. В современной нотации она обозначается местом соответствующей ноты по отношению к 5 линиям нотного стана. В XIII в. музыканты научились точно определять отношения длительностей звуков и пауз. За основу взята условная единица «лонга». Эту единицу можно было либо увеличивать в 3 раза, либо делить на 3 доли. Каждая из трех долей называлась «бревис» и могла, в свою очередь, делиться на 3 части. В XV в. появилось двудольное деление длительностей: $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{8}$, $\frac{1}{16}$, $\frac{1}{32}$ и т.д., которая сохранилась и до наших дней.

Особую сложность представляет вопрос о том, что в музыке является *обозначаемым*. Греки считали, что через нее формируется *этнос* – правильный и устойчивый склад души. Такой же версии придерживались и христианское средневековье. В Новое время утвердилась иной подход к значению музыки. Ее стали понимать как средство выражения *пафоса* – стремлений и страстей личности. По распространенной сейчас точке зрения, музыка выражает в специфической знаковой форме эмоциональную динамику человеческой души, тональность и ритм душевных движений. «Поскольку формы человеческого чувства гораздо более сравнимы с музыкальными формами, чем с формами языка, музыка может раскрыть природу чувств детально и с такой правдивостью, которой язык не может достичь»⁶⁸. У истоков музыки, безусловно, находилось стремление выразить и вызвать сакральные душевные состояния: энтузиазм, экстаз, медитацию и т.д. В первобытной культуре переживания, испытываемые человеком, выражаются только интонацией его речи и жестами, позднее на их основе вырастает музыкальный фольклор, в котором лирические и эпические произведения распеваются в сопровождении музыкальных инструментов и танца. Древнейшим фольклорным слоем, является, очевидно, музыка, предназначенная для вызывания *экстаза*. Бурные пляски под барабанную дробь вызывали состояние, подобное коллективному опьянению, которое позволяло вырваться за пределы обыденности и соединиться с высшими, сверхчеловеческими силами. В таком исступлении человек как бы теряет контроль над собственными действиями, но парадоксальным образом эта утрата контроля, отказ от собственной воли ведет к усилению произвольности, к расширению свободы. После очистительных процедур участник экстатического ритуала становится обладателем каких-то сверхъестественных возможностей. Музыка героического эпоса и народной песни имеет иной смысл. Она приобщает к подвигам и формирует настрой для коренных жизненных ситуаций: любви, труда, смерти и т.п.

На следующем этапе, который условно называют «мусическим искусством», музыка существует в неразрывной связи с литературным текстом, который подлаживается под

⁶⁸ Лангер С. Философия в новом ключе. Исследование символики разума, ритуала и искусства. М.: Республика, 2000. С. 209-210

нее. Декламация, пение и игра на инструментах строятся на одних и тех же ритмических законах. При этом текст был переменной величиной, а мелодия постоянной, потому он предоставлял простор для творчества и ценился выше.

Музыка в чистом виде, освободившаяся от вербальной основы, возникает сравнительно поздно – когда появляются инструментальные жанры. В европейской культуре это происходит на рубеже между Средневековьем и Новым временем.

Чем архаичнее музыка, тем большую роль в ней играет ритм. Он роднит музыку со всеми временными искусствами.

Основные музыкальные жанры:

- *вокальная* музыка (песни, романсы, кантаты и т.п.);
- *инструментальная* музыка (сонаты, симфонии и т.д.).

В искусстве вокала также сложилось деление голосов по высоте. Снизу вверх голоса образуют следующие основные ступени: бас, баритон, тенор (мужские голоса), контральто, меццо-сопрано, сопрано (женские). Сложную систему высоких и низких голосов представляет собой хор.

Музыкальные инструменты делятся по системе К.Закса-Э.фон Хорнбостеля на 5 основных классов в зависимости от природы звучащего тела:

- 1) *идиофоны* – самозвучающие инструменты, которые соединяют в одном элементе свойства вибрирующего тела и резонатора; звук вызывается либо ударом (тарелки, трещотки, кастаньеты, колокол, ксилофон, металлофон и др.), либо щипком, либо трением частей;
- 2) *аэрофоны* – духовые инструменты, которые вызывают колебания воздушного столба (флейта, свирель и т.д.);
- 3) *мембранофоны* – перепончатые инструменты, сочетающие вибрирующую мембрану (перепонку) и резонатор (барабан, литавры и т.п.);
- 4) *хордофоны* – струнные инструменты, в которых колебания натянутой струны усиливаются резонансом корпуса или других элементов (лира, гитара, скрипка, фортепьяно и т.п.);
- 5) *электрофоны* – инструменты, в которых электрический ток либо усиливает звук (электргитара), либо производит его (электроорган и др.).

История развития музыкальных инструментов указывает на тесную связь между внешней цивилизацией и собственно культурой. Технические изобретения могут способствовать появлению новых видов и жанров искусства, а потребности художественного творчества, в свою очередь, стимулируют техническую изобретательность.

Синтетические искусства создают свою образную систему и на пространственной и на временной основе. Древнейшими из них являются театр и хореография, в 1895 г. французы-братья Луи и Огюст Люмьер изобрели кинематограф, в XX в. стремительно развивается телевидение, в конце прошлого столетия появилось искусство виртуальной реальности.

В основе термина «хореография» лежит греческое слово «χορός» - «хоровод», «пляска с пением». Сейчас этим термином обозначается искусство танца вообще. Танец – музыка в движениях человеческого тела, подчиненных мелодии и ритму. Эти телесные движения выражают эмоциональные состояния человека.

Искусство **театра**, впервые возникшее в Древней Греции в VI в. до н.э. из культовых празднеств в честь бога Диониса, соединяло в себе литературу, музыку, танец.

Первые **киносеансы** состоялись в 1895 г. Были сняты и показаны документальные ленты «Прибытие поезда на вокзал Ла-Сьота», «Выход рабочих с завода Люмьер»), комедия («Политый поливальщик»), картина «Купание Дианы».

Внутри каждого из перечисленных видов искусства также представлены весьма существенные вариации. Для их обозначения чаще всего используются понятия художественного *стиля* и *направления*. Стилем называется сумма всех элементов и приемов, используемых в конкретном произведении.

Понятие «стиль» возникло на основе метонимии. В античности и средневековье словом «*stilus*» называлась металлическая палочка, которой писали на воощенных дощечках. Название этого инструмента было распространено на характерные особенности письма, сначала чисто графические, а потом и смысловые. В дальнейшем значение термина распространилось на почти все виды человеческой деятельности, включая способы изготовления и носить одежду и многое другое.

Стиль – это совокупность особенностей, которые позволяют отличить друг от друга произведения одного рода, вида и жанра, например, фаумский портрет от ренессансного. Элементы стиля происходят из различных источников. Это может быть и а) общий дух народа или культурно-исторической общности народов, т.е. ментальность, и б) дух времени, эпохи (в этом своем корне стиль сближается с *модой*), и в) единомыслие какой-либо большой или малой группы, в которой выделяется лидер или основоположник (например, стиль модерн и т.п.), и г) неповторимая гениальность одного художника (стиль Рафаэля или Бетховена).

Стилевые особенности ярче проявляются в плане выражения, чем в плане содержания. Для стиля более важно не то, *о чем* говорит конкретное произведение искусства, а то, *как* оно говорит. Если понимать искусство как знаковую деятельность, то стилем будет уникальная, неповторяющаяся в других стилях совокупность приемов организации означающего или установления связей между означающим и означаемым. С помощью этих приемов художественные образы, составляющие произведение, приводятся к некоему единству. Каждый из них оказывается как-то связан со всеми остальными. Обычно это осуществляется через разделение главного и второстепенного, функционального и декоративного, а также через указание и умалчивание. Намеренное подчеркивание таких характерных приемов называется *стилизацией*.

Блестящим примером литературной стилизации является 14 глава романа ирландского писателя Джеймса Джойса «Улисс». В ней воспроизводятся 32 различных стиля древних и современных английских литераторов. В живописи и скульптуре стилизация представляет собой замену иконических знаков знаками в собственном смысле.

В стиле выражается символическая природа художественных образов. Каждый образ, например, мелодия в музыкальной пьесе, не только имеет ценность в себе, но и относит к другим образам, с которыми он связан. Открыть такие связи и значит понять художественное произведение. Но эти связи бывают не только внутренними. Они, как правило, имеют широкий пространственно-временной спектр, выходят далеко за рамки самого произведения, тянутся к мировоззрению и культуре в целом. Такая глубокая укорененность делает художественный шедевр практически неисчерпаемым, а его стилевые особенности – точно невыразимыми с помощью языковых средств. Никакой стиль искусства нельзя полностью обозначить описательным перечислением его отдельных признаков. Научиться распознавать стили можно лишь имея реальный опыт восприятия соответствующих художественных творений. Сделать это со слов не возможно, как нельзя, например, слепому передать целостное воздействие картины. Словесные описания стиля играют только вспомогательную роль.

Историческое развитие стилей характеризуется рядом тенденций, важнейшая из которых состоит в нарастании индивидуальных аспектов стиля, в отходе от общеобязательных канонов к свободной самореализации художника.

3. Происхождение искусства

Обоими своими корнями – серьезным и игровым – искусство уходит в мифологию и ритуальную практику, а от них во внутреннюю цивилизацию. Поскольку культура первоначально являла собой нерасчлененное единство, истоки искусства следует искать в тех его видах, которые названы *синтетическими*. Путем специализации художественная деятельность постепенно выделялась из житейской практики как таковой, очевидно, в первую очередь из наиболее эмоционально насыщенных ее фрагментов.

Таковыми были, очевидно, решающие, поворотные моменты в трудовой деятельности, в отношениях между мужчиной и женщиной, рождение детей, их переход во взрослую жизнь, болезнь, смерть и т.п. Именно к подобным событиям были привязаны важнейшие и самые распространенные религиозно-магические ритуалы. Магию в целом можно понять как средство, повышающее шансы на благоприятное разрешение какой-либо жизненной проблемы, а в развитии этого средства следует искать корни художественного творчества.

Первые ростки искусства появляются, следовательно, на религиозной почве, там, где сосредоточены высшие ценности: в сакральных участках пространства, на праздниках, в обработке фетишей, в мифологических повествованиях и заклинательно-молитвенных формулах, но особенно - в сакральных действиях (обрядов и ритуалах). К возникновению художественного творчества ведут человеческие усилия, направленные на то, чтобы сблизиться со сверхчеловеческими существами и уподобиться им. Именно это является самым мощным стимулом к развитию творческого воображения. Художественная фантазия начинается с попыток представить, как *выглядят* сакральные существа, как они *двигаются*, какие издают *звуки*.

Самым древним на земле является верхнепалеолитическое искусство, которое существовало около 20000 лет. Как отмечал Л. Мамфорд применительно к палеолитической скульптуре и живописи, “можно выделить две главные темы, присущие этому искусству: не важно, изображает ли оно подвижные или статичные фигуры, процарапаны ли они на костяных орудиях, вырезаны ли в форме маленьких переносных изваяний, или монументальными рисунками нанесены на поверхность грубых стен и естественных сводов пещеры. Первая тема – это мощь и изящество животных, на которых различные первобытные народы охотились или ставили западни, - бизона, шерстистого мамонта, оленя, лошади и каменного козла; а вторая – это чудо и тайна пола, сосредоточенная в женских детородных органах”⁶⁹. Во-первых, предметами художественной деятельности становилось то, что обладало наибольшей *значимостью* для человека. Во-вторых, к возникновению искусства вела деятельность, в наибольшей степени предполагающая *игровой* момент, прежде всего, *агон* и *мимикрию*. Первобытные люди рисовали на стенах священных пещер изображения тех животных, на которых охотились. Они надевали маски и перевоплощались в зверей. Эти образы были необходимы для того, чтобы сделать их частью религиозных ритуалов, а в конечном счете, поставить изображаемые существа под свой контроль, овладеть ими.

Раскрашенное изображение бизона в пещере Альтамира

⁶⁹ Мамфорд Л. Миф машины. С.388. По данным А. Леруа-Гурона из 1794 сюжетных произведений палеолитического искусства на территории Франции и Испании 405 изображений дикой лошади, 261 бизона, 115 северного оленя, 113 каменного козла, 180 женщины или замещающей ее части

Наскальное изображение двух быков в пещере Ласко во Франции

С аналогичной же целью изготавливались глиняные, деревянные или костяные фигурки представителей противоположного пола либо их отдельные органы. Вероятно, так появились «палеолитические Венеры». Они также были атрибутами ритуальных действий, направленных, скорее всего, на восстановление или повышение деторождаемости. С развитием земледелия женское плодородие символически связалось с плодородием почвы.

В том, что именно эти темы стали ведущими в палеолитическом искусстве, ничего удивительного нет. Понять закономерность их появления будет очень просто, если мы вспомним, что зачатки игрового поведения у животных наблюдались именно в охоте и брачном «ритуале». Именно там появились первые ростки **условности**, т.е. искусственной связи между означающим и означаемым. Игра обладает более высокой степенью произвольности, чем практическая деятельность, диктуемая неотложными жизненными нуждами. Вместе с тем, в игре полнее раскрываются особенности тех объектов, которые в нее включены. Играть – значит становиться в позицию Ребенка, т.е. не трактовать вещи только с точки зрения их полезности для жизни, а дозировано позволять им вести себя спонтанно, как бы говорить «своим собственным голосом». Играя с куклой или любой другой игрушкой, ребенок навязывает ей свою волю, но одновременно с тем всматривается и вслушивается в спектр ее возможностей.

В изображении диких зверей и «палеолитических венер» есть одно очевидное отличие, который может пролить дополнительный свет на происхождение искусства. Буйволы, лошади и олени предельно **натуралистично**. Похоже, что первобытные художники стремились сохранить максимальную верность природе. Изображения женщин, как и людей вообще, наоборот, предельно **стилизованы**. В них явно подчеркнуты, даже гипертрофированы признаки пола, иногда изображение заменяется чисто условными знаками: треугольниками или ромбами. Это различие нельзя объяснить степенью доступности объекта: она обратно пропорциональна реалистичности изображений. Непонятно, почему вообще в ритуальной практике возникла необходимость замещения реальных женщин их каменными или деревянными статуэтками. Это обстоятельство не поддается объяснению. Особенный стиль изображения можно объяснить различиями игровых стратегий. В играх, которые предваряют охоту целесообразно максимальное сходство означающего с означаемым, ибо сходство здесь существенно влияет на

успешность действия. Целью брачных игр и всего того, что связано с производством людей, является демонстрация собственных преимуществ перед другими. Именно такие преимущества (ярко выраженные репродуктивные качества) выступают на передний план, а целостность образа отодвигается на второй план. Стилизация начинает доминировать везде, где искусство связано с преображением самого человека, с его приближением к сверхчеловеческому существу.

Сходное воздействие на возникновение художественного творчества сыграло включение игрового момента в прямую форму борьбы – *войну*. «Грохот пушек» не всегда совпадал по времени с «молчанием Муз». Наоборот, очень часто Музы использовались для того, чтобы поднять боевой дух участников сражения. Наделив их сверхчеловеческой или близкой к сверхчеловеческой мощью. В первобытной древности перед началом военных действий исполнялись боевые танцы, сопровождаемые пением соответствующего содержания. Они способствовали внутреннему преображению воинов – созданию у них мужественного настроения.

Стихия игры в целом способствовала перемещению интереса с означаемого на означающее. Объекты, которые первоначально служили искусственными заместителями реальных объектов, приобретали самостоятельное значение.

Художественная культура как самостоятельная отрасль складывалась путем смещения акцента с означаемого на означающего, точнее, с плана содержания на план выражения, т.е. на поиск оптимальных способов означивания. Становление мастера (профессионального художника) совпадает с овладением миром художественных образов как особой знаковой системой.

Промежуточной стадией между религиозно-магическим обрядом или просто обрядом как элементом внутренней цивилизации и искусством в собственном смысле слова или профессиональным художественным творчеством является **фольклор** – народное творчество, которое включено в обрядовое действие и соединяет в себе и песню, и танец, и театрализованное представление; которое разворачивается в специально обустроенном пространстве и предполагает использование любовно отделанных украшений, красочной одежды, пышных причесок и т.п.

Развитие искусства представляет собой специализацию образных систем. Первоначальные образы максимально синкретичны, строятся с использованием как пространственных, так и временных средств: предметов, движений, слов, гармонизированных звуков.

Это не означает, что синтетические искусства отделились от религии раньше пространственных и временных. Более вероятно обратное: самостоятельность начали приобретать те искусства, которые находились на периферии обрядовых действий, но требовали наиболее сложных, трудо- и материалоемких усилий. Формирование искусства как самостоятельной отрасли культуры совпадает с превращением производства художественных образов в доминирующую цель чьей-либо деятельности, в том числе, профессиональной. О синтетических искусствах в собственном смысле можно говорить только после того, как произошло отделение участников представления от зрителей. В античной культуре это произошло не ранее VI в. до н.э. К тому времени эпос, вполне отделившийся от ритуальной основы, уже насчитывал не одну сотню лет, а строительные сооружения, изваяния, рисунки давно уже выполняли не только культовые функции.

Генезис искусства представляет собой многоплановый процесс. Во-первых, происходит его отделение от мифа и ритуала, обретение относительной самостоятельности. Во-вторых, образы художественного творчества становятся все более самодовлеющими, ценными сами по себе, а не как вспомогательное средство для каких-то иных, чаще всего, ритуальных целей. Их изъятие из внешних связей с необходимостью ведет к обогащению внутренних связей. Изображаются не отдельные вещи или существа, а комплексы вещей и существ в их взаимном отношении друг к другу. В-третьих, намечается и усиливается дифференциация знаковых систем: архитектурной, скульптурной, живописной,

поэтической, музыкальной, драматической и т.д. В-четвертых, формирующееся искусство занимает амбивалентную позицию по отношению к практической жизни, то максимально удаляясь от нее в мир грез, то предельно сближаясь с нею в попытках поднять ее на уровень подлинной красоты.

Литература

Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. С. 116-125, 156-164, 266-323

Лангер С. Философия в новом ключе. Исследование символики разума, ритуала и искусства. М.: Республика, 2000. С. 183-236

Ортега-и-Гассет Х. Две главные метафоры // Эстетика. Философия культуры. М.: Искусство, 1991

Ортега-и-Гассет Х. Дегуманизация искусства // Эстетика. Философия культуры. М.: Искусство, 1991

Ранние формы искусства. М.: Искусство, 1972

Тэн И. Философия искусства. М.: Республика, 1996. С. 7-62

Хайдеггер М. Искусство и пространство// Время и бытие. М.: Республика, 1993

Хайдеггер М. Исток художественного творения// Зарубежная эстетика и теория литературы XIX-XX вв. Трактаты, стили, эссе. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987

ТЕМА 8. Познавательная культура

1. Знание и культура

Одним из наиболее значительных и развитых продуктов культуры выступают *знания*. Процесс их приобретения и переработки, называемой *познавательной деятельностью*, представляет собой важнейшую форму реализации вербального мышления. Естественно-психологическую предпосылку познания образует ориентировочно-исследовательский рефлекс животных, условно именуемый «*Что такое?*» Именно этот рефлекс побуждает, например, собаку тщательно осматривать и обнюхивать даже давно знакомую местность, а барана – напряженно вглядываться в новые ворота. Появление вербального мышления у людей предоставляет им возможность не только открывать и фиксировать связи между объектами мира, но и понимать значение этих объектов для других людей, а отсюда – различать между *явлением* и *сущностью*, между тем, чем может служить предмет для меня лично, и тем, что он есть на самом деле. Иными словами, **вербальное мышление позволяет смотреть на мир сквозь призму внутренней цивилизации**, а такой взгляд порождает философию и науку как особые формы духовной деятельности, принадлежащие собственно культуре.

Стержнем внутренней цивилизации являются отношения господства и подчинения, и этот стержень дал основание для общего понимания роли науки и философии в жизни людей. Данные культурные формы стали пониматься либо как средства, обеспечивающие правильное подчинение (слышание того, что приказывает человеку Бог или природа), либо как инструменты господства над вещами, другими людьми и существами (умение отдавать приказы). Первое понимание более характерно для традиционных обществ, второе – для техногенных.

Связь знания с внутренней цивилизацией на ранних стадиях развития общества была особенно заметной. Лица, обладавшие более обширными знаниями, получали статус *колдуна* или *шамана*. Информация, которой они располагали, позволяла им в большей степени, чем другим, держать под контролем поведение людей и природных объектов.

Колдун практически всегда вызывал к себе опасливое, настороженное отношение остальных членов сообщества. Со временем в некоторых культурных ареалах произошло разделение социальных ролей колдуна, который сосредоточивался на вредоносной магии, и ведуна – хранителя полезных для общества сведений. Последний стал прообразом философа и ученого, которые появились уже в государственно организованных обществах.

Определенную роль в становлении научного знания играет и невербальное мышление, способность открывать новые связи между вещами на основе *образов*. Фундаментом такого мышления служит непосредственная деятельность: совершение определенных телодвижений и манипуляций предметами, - или наблюдение за действиями другого существа, выступающего объектом охоты или конкурентом. На этом фундаменте формируется представление о цели и средствах, а также отношении между ними. В свете подобных представлений какое-либо действие или вещь фиксируется не в обычном своем значении, а в инструментальном: как то, что приближает к желанной цели. Так возникает возможность различать два слоя в значении объектов: то, что они сулят мне обычно, следует ли обходить их стороной, избегать или, наоборот, сближение с ними обернется некоей приятностью; и то, чем они могут служить для какой-нибудь из моих целей, например, достать высоко висящий плод, отогнать врага или уничтожить определенное препятствие. Невербальное мышление позволяет определять свойства объектов и отношения между ними. Чем разнообразнее орудийная деятельность человека, тем шире его знания таких свойств и отношений. В этом смысле наука вырастает из техники в исконном греческом значении слова – как *умения*.

2. Сущность философии, ее культурные корни

Философия не является универсальной формой культуры. Целый ряд цивилизаций: египетская, шумерская, андская, месоамериканская и др. – сошел с арены истории, так и не создав философии. Но есть, по крайней мере, три культурных региона, где появление этого феномена вполне очевидно. Это Древняя Греция, Индия и Китай.

Чтобы возникла философия, культура должна достичь весьма высокой степени зрелости. В ней должны созреть условия, делающие философию возможной и необходимой. Это происходит тогда, когда другие культурные средства оказываются недостаточными и неудовлетворительными для ориентации в мире. В основе философии лежит “потребность различения того, что общепринято (мнение), и того, что истинно на самом деле (знание). Это различение рождается вместе с философией и не удивительно, что философия с самого начала выступает как критика обычая, обычного права, обыденного сознания, традиционных норм нравственности и традиционных ценностей”⁷⁰.

В форме философии культура осуществляет критику самой себя.

Социокультурным фоном, на котором возникает эта система мыслительной деятельности, выступают *язык*; определенная *организация* общества; богатая, ветвящаяся в разных направлениях *мифология*; *религия*, тяготеющая к эзотеричности; искусство, особенно эпическая *поэзия*; *прикладное знание*.

Как считает бостонский исследователь науки М. Вартофский, философия уходит корнями к сущности человеческого понимания вообще, к самому элементарному употреблению языка. “Мы получаем способность познавать благодаря умению говорить. Слушать и понимать друг друга. Какие бы ни были у человека врожденные концептуальные способности, все они находят выражение в коммуникации посредством языка. И первой *формальной* структурой, возникающей вслед за языком жестов, благодаря которой мы вступаем в человеческий мир речи как полноправные члены человеческого

⁷⁰ Гайдено П.П. Эволюция понятия науки (становление и развитие первых научных программ). М.: Наука, 1980.

рода, являются рассказ, повествование”⁷¹. В рассказе, особенно мифологическом, уже содержится зародыш философской теории. “Он, очевидно, является концептуальной структурой или моделью, характерные особенности которой состоят в том, что (1) он более или менее хорошо последователен и правдоподобен, то есть имеет *систематическую структуру*, (2) представленные в нем действующие лица считаются существующими, а события, о которых говорится, - имеющими место в действительности, то есть он обладает свойством *референциальности*, и (3) в нем всегда выделяются только те аспекты характера героев или злодеев и только те события происходящего, которые важны для рассказываемой истории, то есть он *абстрактен*”⁷². Эти три элемента повествования (наррации) определяют в дальнейшем существенные свойства философствования: системность, отношение к миру, высокую степень обобщенности. Но в них, в этих элементах, еще не видна необходимость философии. По мнению Б. Рассела, у истоков философии стоит открытие дедуктивного вывода из общих посылок. Для подобного открытия необходима определенная степень политической свободы. Не случайно в Древней Греции философия начинается не с аттической метрополии, а с колоний в Ионии и Южной Италии, где зависимость граждан от властителей была менее выраженной. Внутренняя цивилизация допускала здесь бóльшую динамику в распределении социальных статусов, следовательно, возможность со стороны граждан ставить под сомнение, оспаривать верховенство правителей и их действия, а со стороны носителей власти – необходимость аргументировано доказывать их правомерность. К возникновению философии ведет определенная открытость иерархической организации общества, допустимость прижизненной смены социальных позиций. С самого начала философия существует как борьба противоположных мнений, вызываемая либо стремлением изменить сложившуюся социальную структуру, либо сохранить ее. Поскольку наличная структура обладает силой инерции и потому не нуждается в дополнительном обосновании, философию инициирует *критическое* отношение к существующему положению вещей.

Философия начинается с критики мифологии, традиционных религиозных представлений и художественного творчества, основанного на религиозно-мифологических представлениях. Но всякая критика неизбежно основывается на том материале, который она ставит под сомнение. Ведущим приемом критики служит выявление противоречий в позиции критикуемого, несоответствии в повествованиях, которыми он защищает свое господствующее положение в обществе. Наряду с обнаружением таких несоответствий, первые философы принимают ряд ключевых положений, которые использовались в критикуемых культурных формах. В Древней Греции, например, от мифологии были заимствованы общие принципы объяснения природных и социальных явлений, от поэзии – понятие меры и границы, от религии орфиков – идея созерцательного образа жизни. На становление философии существенное влияние две ключевые «мифологемы»:

- идея *метаморфоза* – изменения формы, превращения одного существа в другое;
- идея *генетизма* – родственной связи между всеми живыми существами, облегчающей указанное превращение.

Становление философии является одновременно разложением мифологии как цельного и некритического мировосприятия. У греков этот процесс начался в городах, ведущих интенсивную морскую торговлю. Торговля способствовала соприкосновению различных культур и соответственно разных мифологических систем. В таких условиях неизбежно происходило расширение культурного кругозора и расшатывание мировоззренческих стереотипов. Люди обнаруживали, что кроме их собственных мифов, объясняющих то или иное явление, существуют и другие мифы, дающие совершенно иное объяснение; что

⁷¹ Вартофский М. Эвристическая роль метафизики в науке // Структура и развитие науки. М.: Прогресс, 1978. С. 90

⁷² Там же. С. 91

кроме их родных богов имеются и чужие боги и между своими и чужими богами должны существовать какие-то взаимоотношения. В подобной ситуации возникает потребность упорядочить религиозно-мифологические представления. Поэтому мифология претерпевает существенные изменения. Во-первых, устанавливается единая линия происхождения богов - *теогония*; во-вторых, ограничиваются функции различных богов и согласуются их взаимные отношения, т.е. развивается *теология*. И та, и другая существовали уже у египтян и аккадцев («Гелиопольская теогония», вавилонская поэма «Энума элиш»). Носителем этих продуктов выступает эпическая и космогоническая поэзия. Она способствовала утверждению понятия меры и границы. Одной из центральных тем эпического творчества оказалось осуждение зла как нарушения меры, выхода за пределы, установленные взаимным отношением богов. Греки называли такое зло «βρ\leftrightarrowς», что можно перевести как «наглость», «дерзость», «самонадеянность».

Решающий шаг от эпоса к философской рефлексии был сделан эллинами. Соединительным звеном между мифологией и философией стало у них течение орфиков – последователей мифического героя Орфея, который силой своей музыки завораживал людей, богов, зверей, даже деревья и камни.

По всей вероятности, орфизм возник из дионисийского культа. В этом учении отчетливо поставлены важнейшие философские проблемы:

- 1) происхождения и сущности человека,
- 2) его прижизненного и посмертного преобразования,
- 3) содержания жизни после смерти.

Как полагал выдающийся немецкий социолог М. Вебер, к возникновению философии вела религиозная попытка систематизации всех жизненных проявлений, сведения всего практического поведения к определенному образу жизни. “Последним вопросом метафизики всегда был следующий: если мир как целое и, в частности, жизнь должны иметь «смысл», то каким должен быть этот смысл и как должен выглядеть мир, чтобы соответствовать ему?”⁷³. Философов рождает вера в то, что обыденная жизнь есть лишь оболочка, которую можно разорвать и сбросить для того, чтобы проникнуть в подлинную и сокровенную жизнь, доступную только для тех, кто овладел мистическим знанием.

Эта связь философии с эзотерической религией также является свидетельством ее критической функции. В мифологии уже были заложены возможности философии, поскольку мифы, касающиеся различных сторон жизни человека, имели тенденцию к соединению в целостную систему. Для того чтобы эта тенденция реализовалась, необходимо было подвергнуть мифологические нарративы некоторой рациональной обработке, применить к ним мыслительные приемы, почерпнутые из житейского опыта: из практики словесного убеждения и манипулирования орудиями труда. Иными словами, становление философии совершилось благодаря соединению мифологии с прикладными знаниями.

В египетской и шумеро-аккадской цивилизациях были накоплены разнообразные математические, астрономические, географические и медицинские сведения. То же наблюдалось в Древней Индии и Китае. Это были знания, основанные на осмыслении практических действий и наблюдений. Они позволяли решать типовые задачи: вычислить объем кучи зерна, что было важно для сборщиков налога; наметить по небесным светилам курс движения корабля; предсказать солнечные и лунные затмения и на этом основании составить точный календарь, необходимый для организации праздников и своевременного проведения работ земледельческого цикла.

Но в этих знаниях не было единства, которое присуще системе. Греки, в отличие от египтян и шумеров стремились не только накапливать конкретные сведения, но и приводить их в систему, придавать им доказательную силу. Ближневосточные культуры, складывавшиеся в условиях деспотизма, основывались на *приказе*, а демократическая

⁷³ Вебер М. Социология религии (типы религиозных сообществ)// Избранное. Образ общества.. М.: Юрист, 1994. С. 122

Греция требовала *убеждения*. Поэтому именно она породила философию, которая связала вместе бесконечное *разнообразие конкретных знаний* и мифологическое стремление свести природные и общественные явления к одному объясняющему принципу.

Предметом философии выступает бытие как целое. Философы пытаются найти ответ на вопрос, откуда и из чего все происходит. По Платону и Аристотелю, человек становится философом благодаря чувству *удивления*. Это чувство поднимает того, кто его испытал, над другими людьми. Теоретическая (созерцательная) жизнь оказывается выше практической.

Философия – особая форма духовной деятельности, выполняющая в культуре уникальное предназначение. В этой деятельности культура осознает свою сущность. Главная задача философии выражена в самом ее названии. По некоторым свидетельствам, слово «философия» ввел в оборот Пифагор в VII в. до н.э. С греческого оно переводится как «любовь к мудрости». Словом «σοφία» греки называли сначала умение находить правильную линию жизни, а позднее – постигать истинно сущее, последние и самые глубокие основания бытия. Философия искала в мире вечное и непреходящее, поднимаясь к нему от мирской суеты. Поэтому некоторые философы смотрели на повседневную жизнь свысока, вызывая к себе неприязнь толпы. Платон сравнивал обыденную жизнь со сновидением, а философствование – с пробуждением от сна.

В XX в. Эдмунд Гуссерль развил сходное понимание сущности философии, назвав его «эйдетической редукцией». Эта редукция представляет собой формирование своеобразного взгляда на мир. Чтобы выработать его, нужно заблокировать установку обыденного сознания, которое воспринимает вещи сквозь призму своих непосредственных нужд. Если удастся освободиться от такого узкого практицизма, вещи откроются в своей истинной сущности, как они существуют на самом деле, независимо от нас. Одновременно с этим человек сможет увидеть, как устроено его собственное сознание, какие структуры лежат в его основании. Только такой способ видения делает обычного человека философом.

Для всех очевидно, что философия растет из способности пользоваться *словом*. Там, где нет языка и, соответственно, вербального мышления, не может быть никакой философии. Но в отличие от поэзии и литературы, где слово самоценно, где язык открывает свое собственное богатство, в философии он тоже, как и установка обыденного сознания, отодвигается на задний план или, как выражается Гуссерль, «выносятся за скобки». Философия должна открыть и показать **взаимную связь понятий**. По словам Г.Г. Гадамера, философия “существует в сфере спекуляции, в сфере взаимного отражения мыслительных определений, в которой предметное мышление движется и артикулируется в себе самом”⁷⁴. С того момента, как в культуре появилось логическое мышление, возникла возможность философии как открытие этим мышлением своей собственной системности. Один из самых влиятельных философов XX в. Мартин Хайдеггер усмотрел суть философии в том, что она “есть нечто направленное на целое и предельнейшее, в чем человек выговаривается до последней ясности и ведет последний спор”⁷⁵.

К основным функциям философии относятся:

- 1) критика предрассудков и догм, порождаемых другими формами культуры;
- 2) выявление универсалий культуры;
- 3) рационализация знаний – перевод их в логическую, понятийную форму;
- 4) систематизация и интеграция человеческого опыта.

Исторически метод философствования включал два основных взаимосвязанных момента: **теоретический** и **диалектический**. Слово «θεωρητής» означало особого рода созерцание, наблюдение. В греческих полисах «теорами» называли государственных представителей, которые сами не участвовали в религиозных культах и спортивных состязаниях, но следили за их ходом, чтобы все было правильно и честно. Их неучастие

⁷⁴ Гадамер Г.Г. Философия и поэзия // Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. С. 123

⁷⁵ Хайдеггер М. Основные понятия метафизики // Время и бытие. М.: Республика, 1993. С. 330

как бы подразумевало незаинтересованность, беспристрастность, объективность. Этот смысл и вложен в понятие теории. «Теоретическим» является то, что свободно от практических нужд и забот. Практическую жизнь ведут ремесленники, земледельцы, воины. Теоретическая жизнь дана в удел философам. Свободные от повседневных тягот они могут видеть суть вещей. Такая способность едва ли может быть приобретена простым накоплением знаний. Один из первых философов, Гераклит специально обращал внимание на то, что «многознание уму не научает». Теоретическая мудрость дается только тому, кто может внимательно всматриваться в жизнь.

Под диалектикой греки понимали умение вести беседу, спор, спрашивать и отвечать на вопросы с целью найти истину в столкновении противоположных мнений. Она родилась в культовых состязаниях жрецов в загадывании и разгадывании всяких головоломок. Мудростью высшей пробы в то далекое время считали умение задать такой вопрос, на который никто не смог бы ответить. Постепенно сложилось понимание диалектики как искусства оперировать бинарными оппозициями, как метода соединения и разделения понятий. Философия пришла к осознанию, что развитие происходит через единство и борьбу противоположностей материи и духа, вещества и поля, добра и зла.

Историческое развитие философии предопределило необходимость последующего выделения из нее естественных и гуманитарных наук. Деятельность по преобразованию вещей составила почву, на которой выросли естественные науки: механика, физика, химия, астрономия и т.п. Те корни философии, которые произрастали из общения людей и касались понимания человека, содержали в себе умение влиять на его поведение, оформились в специальные гуманитарные дисциплины: историю, экономику, филологию, психологию. Греческая философия досократиков начиналась как физика, но потом сделала в лице софистов и Сократа крутой поворот к человеку и его отношениям с другими людьми.

3. Обособление философии и частных наук

В теснейшем родстве с философией находится наука. **Наукой называется та часть культуры, которая направлена на добывание, сохранение и распространение знаний.** Уточняя основную цель науки, К.Р. Поппер отметил, что она состоит в удовлетворительном объяснении всего того, что для нас нуждается в объяснении. Наука делает более или менее ясным то, что прежде было смутным, неразборчивым, темным; превращает неизвестное в известное.

В систему науки входят:

- а) деятельность по отысканию и доказательству истины;
- б) люди, которые ею занимаются (хранители приобретенных знаний и творцы новых);
- в) средства познания (инструменты и методы);
- г) письменность как средство фиксации знаний (естественные и искусственные языки).

Многие черты являются общими для науки и философии. К ним относятся:

- 1) **рациональный** характер – объяснение с помощью понятий, а не мифов или художественных образов;
- 2) **систематичность** – связь различных фрагментов знания друг с другом, выводимость более частных положений из общих;
- 3) наличие осознанной **методологии** – признанных методов добывания и проверки знаний;
- 4) **самоценность** как относительная независимость от практических нужд – познание ради самого познания, ради того, чтобы узнать «как оно есть на самом деле».

Ряд других черт не отрицается философией, но приобретает в науке особое значение и выраженность:

- 5) **объективность** – опора не на личную точку зрения, а на то, что общезначимо, по крайней мере, признано сообществом ученых.

б) **проверяемость** – стремление ограничиться теми положениями, которые могут быть подтверждены или опровергнуты опытом, математическими расчетами или логическим выводом.

Все перечисленные признаки науки тесно связаны друг с другом.

Относительно проблемы исторического происхождения науки наиболее распространены две версии. Согласно первой из них наука появилась в древнейших цивилизациях Египта и Вавилона – там, где обнаружены следы операций с числами, наблюдения за движениями небесных тел, сведения о животном и растительном мире. По второй версии, которую развивал, например, Мартин Хайдеггер, о науке в собственном смысле можно говорить только применительно к Западной Европе, начиная с XVI-XVII вв., когда Г. Галилей, И. Кеплер, Р. Декарт, И. Ньютон и др.) соединили теорию с экспериментом и математизировали естествознание. Первая версия представляется более верной. Вторая, скорее, характеризует особый этап развития научного знания. Благодаря Исааку Ньютону, наука приобрела классическую форму. В книге «Математические начала натуральной философии» (1686) определены основные законы движения и фундаментальные понятия «масса», «ускорение», «инерция». Ньютонская наука исходила из убеждения, что любое событие можно однозначно определить начальными условиями. Основное внимание уделяется устойчивости, порядку, однородности, равновесию. Однако, если взять в качестве образца научности ньютоновскую механику, то обширные отрасли знаний, развивавшиеся на Востоке (в том числе Индии, Китае и др.), будут напрочь лишены научного статуса. В лучшем случае они могут претендовать на статус «преднауки».

На древнегреческой почве философия в своем возникновении опережает точные науки. Целостный взгляд на мир исторически предшествует обособлению отдельных отраслей научного знания. Решающим фактором в становлении точной науки является осознание того обстоятельства, что ритуальные действия не могут изменить естественного хода вещей. Перефразируя известное положение И. Гердера, можно констатировать, что наука как феномен культуры рождается дважды: в первый раз – когда человек обращается к точным пространственным и временным измерениям, создавая для этого различные измерительные приборы, и окончательно – когда разрабатывает методы приобретения знаний. Как предположил неотрейдист Ж. Лакан, в основе точных наук лежит убеждение, что “великие часы природы ходят сами и продолжают показывать час даже когда нас тут нет”⁷⁶.

Античная наука в качестве главных своих инструментов использовала наблюдение и логическое рассуждение. Образцом последнего можно считать геометрию Эвклида, в которой из ограниченного количества аксиом выводится значительное число более частных положений.

Эксперимент (от лат. «experimentum» - «проба», «опыт») как особая процедура исследования вошел в науку, начиная с эпохи Возрождения. Систематическое его применение является заслугой Галилео Галилея. Развернутую методологию экспериментирования предложил Френсис Бэкон. “Эксперимент – это вопрос, искусственным образом задаваемый природе, чтобы она выдала свои тайны”⁷⁷. Существует точка зрения, что повод к широкому использованию эксперимента в науке дала средневековая практика пыток. Чтобы человек выдал все, что он знает, но не хочет говорить, его подвергали изощренным мучениям. Зачастую он сообщал не только то, что было на самом деле, но и то, чего хотелось услышать его мучителям. Нечто подобное происходит и в научных экспериментах. Природу пытаются и вырванные против ее воли ответы записываются с величайшей точностью, но их правильность оценивается в терминах той самой идеализации, которой руководствуется ученый при постановке эксперимента.

⁷⁶ Лакан Ж. Семинары. «Я» в теории Фрейда и в технике психоанализа. Кн. 2. М.: Гнозис/Логос, 1999. С. 422

⁷⁷ Гадамер Г.Г. Искусство и подражание // Актуальность прекрасного. С.229

Эксперимент является настоящим искусством, ибо в его основе лежат особые навыки и умения, а не общие правила. Это искусство включает в себя способность ставить неожиданные вопросы и перебирать все следствия, вытекающие из теоретической схемы. При этом, как считают представители одного из самых влиятельных направлений современной философии науки, природа обычно говорит «нет», изредка - «может быть». Но теория, на основе которой продумываются и проводятся эксперименты, обладает некоей внутренней устойчивостью. «Природа может крикнуть «Нет!», но человеческая изобретательность... всегда способна крикнуть еще громче»⁷⁸.

Обособление частных наук от философии иногда принимало форму попытки избавиться от философии вообще. Самой известной попыткой такого рода стало движение позитивизма в западной культуре XIX-XX вв. Оно разворачивалось под флагом борьбы против метафизики за чистоту науки: «Физика, бойся метафизики!». Общие философские положения были объявлены бессмысленными, поскольку они не допускают опытной проверки. Однако на деле попытка очистить точные науки от «метафизического мусора» обернулись крахом. Вместе с философскими понятиями из науки пришлось удалять и ее собственные теоретические конструкции. Очищенная наука превращалась в набор эмпирических констатаций.

4. Культурная роль науки

Роль науки в культуре существенно менялась в историческом развитии человечества. В древних цивилизациях наука заведомо не имела того значения, какое она приобрела в современном обществе. В Западной Европе наука выдвинулась на передний план в Новое время, с XVII в., когда цивилизация приобрела *техногенный* характер. Ведущая роль науки в такой цивилизации обусловлена тем, что для покорения природы необходимо познать ее. Преобразующая творческая деятельность была провозглашена главной целью человека. Наука считается важнейшим инструментом преобразования и непременным условием общественного прогресса.

В культуре XX в. под влиянием позитивизма сложилась позиция, абсолютизирующая роль науки, главным образом, естествознания, математики и прикладных разработок в общественной жизни. Такая позиция получила название *сциентизма* (от лат. «scientia» - «знание», «наука»). Наиболее отчетливо она выражена у Карла Поппера, Жана Фурастье, Николаса Лумана и др. С точки зрения «сциентистов», результаты конкретно-научных исследований обладают наивысшей культурной ценностью и вполне достаточны для успешной ориентации человека в мире. Наука, в их представлении, способна с большим успехом играть ту роль, которую традиционно играла религия, т.е. устанавливать ценности, давать важнейшие жизненные ориентиры. Главный недостаток предшествующего развития цивилизации состоял в том, что действительности искусственно навязывался идеал, весьма далекий от реальных человеческих интересов. Миф стремился подчинить своей вымышленной логике все поведение человека, таким образом насилуя его природу. Наука подходит к делу совершенно иначе. Она не навязывает готовых схем, а пытается найти в действительности то, что там уже содержится; познать мир таким, каков он есть. Раньше миром правили люди *эмоций*: колдуны, священники и поэты. Их место у штурвала должны занять люди *трезвого рассудка*: инженеры и ученые. Именно они способны придать жизни рациональный, упорядоченный, осмысленный характер, превратить ее в эффективно работающее предприятие. Иррациональная борьба за власть должна смениться разумной *социальной инженерией*.

Противоположный подход к оценке культурной роли науки получил название антисциентизма. Его стержень составляет идея о том, что науку, дабы избежать губительных последствий для общества, необходимо удерживать в жестких рамках либо

⁷⁸ Лакатос И. История науки и ее рациональные реконструкции // Структура и развитие науки. М.: Прогресс, 1978. С. 219

вообще отказаться от тех ее фундаментальных положений, которые определяют облик современной цивилизации. Антисциентистская позиция более или менее отчетливо представлена у Мартина Хайдеггера, Герберта Маркузе, Льюиса Мамфорда и др. Коренной недостаток науки заключается в ее органическом родстве с техникой, а именно, в узко-прагматическом подходе к действительности. Естествознание – это такой же инструмент овладения природой, как и машина. “К сущностным явлениям Нового времени, пишет М. Хайдеггер, принадлежит его наука. Равно важное по рангу явление – машинная техника. Последнюю, однако, было бы неверно истолковывать просто как практическое применение новоевропейского математического естествознания”⁷⁹. Ученый-естествоиспытатель, подобно средневековому инквизитору, пытается природу, вырывая у нее такие сведения, которые ему полезны либо для того, чтобы удовлетворить собственные материальные потребности, либо для того, чтобы добиться власти над другими людьми. Наука изучает действительность только как предмет, т.е. односторонне, но действительность никогда ни к какой стороне не сводится: она намного богаче. Научное исследование заранее руководствуется определенной схемой, например, рассматривает происходящее под углом зрения перемещения тел. “Все процессы, чтобы их можно было представить в качестве природных процессов, должны быть заранее определены здесь в пространственно-временных величинах движения”⁸⁰. При таком подходе происходит упрощение, огрубление и искажение действительности. В конечном счете, безоговорочная приверженность научной картине мира исключает возможность подлинного диалога между человеком и миром, а опосредованно – и между людьми.

В культурологическом плане антисциентистская позиция предпочтительнее сциентистской, поскольку она отказывается от предвзятости в оценке роли различных форм культуры для развития человечества, а именно, от неоправданного завышения роли науки. Однако такая позиция излишне драматизирует негативные последствия научно-технического прогресса и не достаточно учитывает тот факт, что в самой науке (вследствие ее критической установки) есть механизмы, которые препятствуют ее превращению в инструмент для решения узко-прагматических задач. Важнейшим из таких механизмов является принципиальная экзотеричность, открытость для широкой общественности.

5. Наука и образование

С самого своего возникновения познавательная деятельность развивалась рука об руку с *образованием*. Мудрость считалась достоянием, которое необходимо передавать другим людям: либо всем без исключения, либо, чаще, избранным, тем, кто принадлежит к своему кругу. В древних обществах шаман находил себе преемника и обучал его своим знаниям и умениям. Появление отдельного специализированного сословия философов и ученых было связано с взиманием платы за обучение. Наука сама по себе как деятельность по производству знаний, как добывание истины долгое время не могла обеспечить человека средствами существования. Ею можно было заниматься либо тем, кто полностью материально обеспечен, либо в свободное от основной деятельности время, либо совмещая ее с платным преподаванием.

Но к образовательной деятельности побуждали не только внешние стимулы. Обладание истиной само по себе вызывает потребность сообщить ее другим. Образование не только органически связано с познанием, но и генетически предшествует ему. Само слово «наука» свидетельствует о том, что познание истины начиналось с научения, т.е. с передачи каких-либо способов действия от одного человека к другому. У истоков познания, как мы помним, стояли язык и речь, стало быть, человеческое общение. Знание и возникло из потребности через общение оказать влияние на другого человека, сделать его иным, а именно подобным себе, передать ему собственные мысли и чувства.

⁷⁹ Хайдеггер М. Время картины мира// Время и бытие. С. 41

⁸⁰ Там же. С. 43-44

Школа складывалась как инструмент внутренней цивилизации. В Древнем Египте писцы готовили будущих писцов, в шумерской эдуббе обучались будущие государственные чиновники. С различными нюансами такая закономерность сохранялась на протяжении всей человеческой истории, до тех пор пока не было реализовано право на всеобщее образование. Но и в современных условиях образование является важнейшим условием социализации. Образовательный уровень оказывает колоссальное влияние на распределение социальных позиций. На тесную связь образования с внешней цивилизацией указывает органическое единство образования и *воспитания*. Приобретая знания, учащийся одновременно внутренне преобразуется, в нем формируются определенные нравственно-психологические качества.

Наряду с практическим применением в производстве и научной полемикой преподавание выступает мощным фактором совершенствования знания. Особенности усвоения материала требуют последовательности и систематизации, таким образом способствуя формированию научной методологии. Об этом красноречиво свидетельствует латинский афоризм: «Docendo discimus» («Обучая учимся»).

Литература

- Ильин В.В. Философия науки. М.: Изд-во МГУ, 2003. С. 3-80;
Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1977;
Лакатос И. История науки и ее рациональные реконструкции// Структура и развитие науки. М.: Прогресс, 1978. С. 203-265;
Малкей М. Наука и социология знания. М.: Прогресс, 1983. С. 109-212;
Мотрошилова Н.В. Рождение и развитие философских идей. М.: Политиздат, 1991. С. 18-92;
Поппер К.Р. Объективное знание. Эволюционный подход. М.: УРСС, 2002. С. 187-199;
Рассел Б. Мудрость Запада. Историческое исследование западной философии в связи с общественными и политическими обстоятельствами. М.: Республика, 1998;
Рассел Б. Человеческое познание, его сфера и границы. К.: Ника-Центр, Вист-С, 1997;
Томпсон М. Философия науки. М.: Гранд, 2003. С.18-109,266-284;
Хьюбнер К. Истина мифа. М.: Республика, 1996. С. 220-266;
Юдин Э.Г. Отношение философии и науки как методологическая проблема // Философия и наука. М.: Наука, 1972.